

СНОВИДЕНИЯ

Повесть

Глава 1

Жора обнял отца трепетно и нежно, а Ирочка приникла к нему с другой стороны и застыла. Напряглась, предвидя разлуку долгую-долгую. Дети боялись и не хотели этой разлуки, и на них тяжело давила ее неизбежность. Анна же стояла рядом, при сем присутствуя, и только. Лицо отрешенное, взгляд потуплен, точнее, упрятан в землю. Все ясно, и ничего не надо объяснять. Что ж, она уже давно не с ним. Она – с Геннадием Петровичем. Настырный этот мужик стоял в отдалении, посверкивал яркой лысиной и терпеливо ждал, когда прощание завершится. Подходить и разговоры заводить ему было незачем, руки ему Кирилл Васильевич давно не подавал. Дальше, в регистрационный зал аэропорта, Кириллу было нельзя, ведь он никуда не улетал. Улетали в Россию, притяжение которой было велико необыкновенно, его жена и дети. Бывшая жена, поправил он себя. И еще Геннадий Петрович Емелькин, к которому в последнее время так откровенно тянулась его Анна. Тянулась и приклеилась.

Перед Кириллом Васильевичем разверзалась бездна одиночества. Он уже знал, какими будут ее волны. Они могли быть только холодными-холодными. Они могли быть такими холодными, что он мог на них и не удержаться.

- Я вас люблю! – сказал он детям. И увидел слезы на глазах Ирочки. Одна слеза скользнула по румяной щеке девочки и прочертила зигзаг, а вторая не захотела покидать глаз и придала ему выпуклость и особую яркость. Жорику тоже было не по себе, но он крепился. На Анну Кирилл Васильевич не смотрел и ее окаменевшего лица не видел. Между ними с некоторых пор лежало расстояние непонимания. Не по его вине оно возникло (он так полагал) и сокращению не подлежало. Оно могло только увеличиваться, разрастаться. Такова была данность последних лет их совместной жизни, и она пригибала его плечи ниц. Да, его воли возратить все на круги своя не хватило, и в данной ситуации лучше всего было поставить точку. Что он и исполнил.

- Идите, родные мои, вам пора! – сказал он детям, тринадцатилетнему худому подростку и десятилетней девочке, стройной и привлекательной, как свежераспустившийся цветочек полевой. И, чтобы не мучить их и себя больше, не нагнетать неистовство, повернулся и пошел прочь. И заставил себя не оглянуться. А зачем было оглядываться? Он и так запомнил на веки вечные все то, что застыло на продолговатом лице Георгия, на круглом лице Ирочки, на надменном и с некоторых пор чужом лице Анны. Их человеческая суть запечатлелась на их лицах и в его памяти, и он прекрасно сознавал это. Лицо же Емелькина его не интересовало совершенно. Умыкатель чужого – ну, какое могло быть у него лицо?

- Папа! Папочка! – в два голоса раздалось за его спиной. Он заставил себя не встрепенуться, не замедлил и не ускорил шаг. Не прореагировал. Дети уезжали с Анной, он дал на это свое согласие, понимая, что российские просторы для них особенно хороши. Он, он сам наступил себе на горло и настоял на их отъезде – и Жора, и Ирочка сызмальства сильнее тянулись к нему, чем к матери. И то правда, с их будущим в мусульманском краю могли быть проблемы. Им, в лучшем случае, отводилась роль младшего обслуживающего персонала при новых узбеках, - и только.

Пройдя метров двести, он остановился. Тяжело вздохнул и раз, и два. Гулко частило сердце. Автобусная остановка была в двух шагах, но он знал, что пойдет домой пешком. Полчаса, даже меньше, и он дома. Он посмотрел на стеклянный фасад здания аэропорта. Закатное солнце золотило стекло, с близких деревьев медленно падали листья. Они были легкие, сухие и того же цвета, что и закатное солнце. Его семья сейчас заполняла таможенную декларацию и регистрировала билеты. «Бывшая семья», - поправил он себя. Новые реалии были безжалостны, и не в его воле было их преуменьшить и сгладить. Его воля – что это такое? Это его вытянутая рука, на расстоянии которой распространяется его влияние. И точка. А далее его воля соприкасается с иной волей и или взаимодействует с ней, или вступает в противоречие. Значит, далее уже не совсем его воля или совсем не его воля.

«Папа! Папочка родной!» - вдруг раздалось в его душе. Этот детский крик повторило его сознание. Он вздрогнул и обвел пространство вокруг себя требовательным, осмысленным взглядом. Смеркалось, солнечная позолота на стекле аэропорта быстро тускнела. Суета окружала его. Кругом сновали люди и автомобили, каждого обременяли свои заботы, никому до него не было дела. Как и ему не было дела до этой колготни. Задрожал воздух. Это на взлетной полосе включил форсаж лайнер, устремившийся на север или на юг, в чарующую неизвестность. А самолет на Москву взлетит через полтора часа. И между ним и его семьей ляжет расстояние в несколько тысяч километров. При обстоятельствах обычных это расстояние особой роли не играло бы, а при

обстоятельствах конкретных, порожденных их ситуацией, оно едва ли будет преодолимо. Во всяком случае, Анна своей жизнью и своим поведением это расстояние будет только увеличивать.

«Новая жизнь!» - подумал он о своем завтрашнем дне. Ничем она его не привлекала, впереди все было тусклое-тусклое, почти затхлое. Впереди не на что было глаз положить. Ибо один-одинешенек был он в своем завтрашнем дне, и заботы впереди виделась ему все какие-то меркантильные, обыденные, вроде поддержания штанов, чтобы не спадали с худого живота и не оголяли то, что оголять не положено. Не от высоких материй были завтрашние его заботы. Квартиру ему предстояло продать, и предстояло переселиться в две полуподвальные сумеречные, тихие комнаты, очень далекие от дневной суеты. Ладно, все это из той данности, которая теперь с ним и для него. Придется свыкаться, что дети уже не с ним и его рука уже не ляжет на их головки, не погладит их. С тем, что Анна не с ним, он, в сущности, уже свыкся, и свыкся гораздо раньше, чем она перестала спать с ним в одной постели. Свыкся настолько, что сам уже не хотел возвращения к тому, что было у него с Анной.

Он вышел на автостраду, ведущую в город. В такси ему не хотелось, можно сказать, принципиально. Да и зачем такси, зачем эти шик и быстрота, если собственным ножкам нагрузка не просто нужна, но и полезна? Он никуда не торопился. Путепровод вознес его над рельсами железной дороги. Товарный поезд с лязгом прошествовал на юг. В вагонах, идущих, скорее всего, из России, были лес и много контейнеров. Контейнеры могли содержать в себе что угодно, хоть продукты питания, хоть компьютеры. Километрах в двух отсюда, тоже у железной дороги, за Тезиковым базаром, находилась его школа, которую он кончил двадцать лет назад. Девочка Вера училась в его классе, и на нее было очень приятно смотреть. Но он почему-то смотрел на нее всегда с некоторого расстояния, боялся подойти, а еще больше боялся сказать, что у него на душе и какая она хорошенькая, непревзойденная. Какая она цветочек аленький! Что ж, вместо него это сделал другой юноша, тоже их одноклассник, и Вера ответила ему взаимностью быстрой, такой, что не прервалась по нынешний день. Она, как говорится, со своим избранником Анатолием в любви поживает и добра наживает – трое деток уже при них, а еще, как говорится, не вечер. Так что претензии относительно девочки Веры ему надо предъявлять не к Анатолию, а к себе. Только поздно все это и, значит, ни к чему.

Ему было приятно не столько вспомнить Веру, ладную, с какой стороны на нее ни посмотри, стремительную, эмоциональную, и еще большую выдумщицу, сколько подумать, предположить, что с нею у него все было бы лучше и прочнее, чем с Анной Дмитриевной. Эх, школа, школа! Он посмотрел в том направлении, где она стояла, заслоненная сплошным массивом садов и придорожных тополей. Притяжение большой силы шло от тех далеких уже лет – оно шло от мира, который они постигали на школьной скамье, от самой атмосферы постижения этого мира, необыкновенно привлекательного. Непринужденная это была атмосфера; ребячья инициатива, даже вздорная и сумасбродная, поощрялась почти всегда. Тогда у него получалось почти все, что он замыслил, а позже что-то уже мешало исполнению его желаний, становилось поперек и препятствовало. И он все чаще оставался ни с чем: воздух, сплошной воздух оставался в его объятиях. Это, конечно, не было низвержением с престижных высот к разбитому корыту. Высоты, на которых ему нравилось задерживать свой взгляд, очень часто вели себя так, как в свое время вела себя Вера – они покорялись другим, а к нему обращали свои неприступные склоны. Значит, эти другие были чем-то достойнее и лучше. Но чем? Разобраться в этом было никогда не поздно.

Он спустился с путепровода и пошел по широкому тротуару. Листва багряная похрустывала под его ногами, а про кроны тополей и кленов можно было сказать, что осень только прикоснулась к ним, вкрапила в них желтизну, но в небольшом количестве вкрапила. Слева потянулись заводские неухоженные корпуса. Этот завод был эвакуирован в Ташкент в кошмарном 1941 году из города Ростова на Дону, и на нем делали снаряды для «Катюш». А потом на нем стали делать прядильные и ткацкие станки. Сейчас же, скорее всего, в его цехах не делали ничего или по чуть-чуть делали неизвестно что, ширпотреб какой-нибудь простенький. Весь Узбекистан как по наитию свыше кинулся торговать, чуть ли не в мгновение ока сотворил прилавок от Ташкента до Термеза, Андижана и Нукуса, а подавляющее большинство заводов пребывало в плачевном состоянии. В лежачем состоянии. Правительство, однако, относилось к этому спокойно, словно большие заводы были ему не нужны совершенно. Вот с этой данностью Кирилл Васильевич не мирился, все в нем восставало против нее. Его поколение оставило Республике Узбекистан столько замечательных заводов! Но что он мог? Даже громкого слова против он не мог произнести, его никто бы не услышал. А, услышав, не понял бы и одарил укоризненным взглядом. Ибо торговля была чрезвычайно близка узбекской душе, а заводской цех – нет, нет и нет.

Кирилл Васильевич пересек улицу Нукусскую, затем Шота Руставели – по подземному переходу, в котором пахло мочой (туалеты в местах большого скопления людей были редкостью чрезвычайной), миновал парк Бобура, в котором знал каждую аллею и каждую скамейку (Бобур был внуком Амира Темура, правил Индией и привечал поэтов и ученых), и поравнялся со своим домом. Пятиэтажка длинная это была, возведенная полвека назад и порядком обветшавшая. А напротив возвышалось серое здание института «Гидропроект», в гидравлическую лабораторию которого он поступил сразу после окончания ирригационного института. Только недолго он в ней проработал, всего четыре года. Лабораторию закрыли за ненадобностью – независимой Республике Узбекистан не на что было строить новые гидравлические станции. А «Гидропроект» - кто бы мог

подумать! – переключился на проектирование фонтанов. Смех, одним словом. Ни Таджикистан, ни Киргизия тоже не строили новых гидростанций. А Россия прикидывала, надо ли ей это и получит ли она какую-нибудь выгоду, если снова придет в этот край с оружием XXI века, имя которому – деньги и новые технологии. Это оружие открывало любые ворота. Но Россия пока думала, а надо ли ей снова приходиться сюда? Надо ли снова отрывать от себя? Не лучше ли себя поднимать, о себе позаботиться?

В лаборатории, однако, он успел положить глаз на девицу Анну, не просто красивую и расторопную, а вызывающе красивую, всех вокруг затмевающую. Она работала лаборанткой, но будущее свое, конечно, связывала не с лабораторией. Ей, молодке розовощекой и длинноножке шустрой, только исполнилось семнадцать; в ее голубых глазах было притяжение бездонного неба. Он мгновенно напрягся и оттеснил от нее прочих настырных пареньков, питавших в отношении новенькой намерения большие и маленькие. Себя превозмог – так старался произвести впечатление. Ухаживание промелькнуло, как один длинный вечер страстных нашептываний и горячих поцелуев. Свадьбу они спроворили уже через месяц, и какое-то время лучшей жизни ему было не надо, он был премного доволен тем, что получил. И, главное, Анна была довольна. А потом серое бытие, как следствие скромной зарплаты, сказало свое веское слово. Родились дети, ему пришлось работать на разных простых, не денежных работах, и Анне тоже. Рыночные отношения кого-то возносили высоко, подавляющее же большинство работало не покладая рук, но мало чего зарабатывало, мало чего приносило домой. Ибо не на себя работало подавляющее большинство, а на дядю, чаще всего неизвестного.

Он и Анна были из числа большинства, со всеми вытекающими из этого последствиями. Вдвоем они устроились подсобничать в одну полиграфическую фирму – маленькую, да удаленькую. Фирма эта ютилась в полуподвале их дома, в двух комнатах, которые ему предстояло занять. Заправлял фирмой некто Геннадий Петрович Емелькин, мужчина зрелый и себе на уме. В советское время он был журналистом и спортивным обозревателем в газете «Вечерний Ташкент», звезд с неба не хватал – перелопачивал материалы Телеграфного агентства Советского Союза и смело ставил под ними свою подпись. Поэтому по части гонорара его никто не мог переплюнуть. А в годы поворота к рынку решительно и бодро ступил на ниву частного предпринимательства. Он в детстве обожал обтрясать соседские яблони и орешины, а в позже, в зрелую пору отточил эту свою способность до совершенства. Он мог бы далеко пойти, если бы уважал своих партнеров, как самого себя. Но это было выше его возможностей. В фирме за глаза его называли Ярким – за лысину с выдающимся блеском.

Анна вникла в новую для себя ситуацию и через пару лет волокла в ней так, словно полиграфический институт окончила, а Кирилл Васильевич продолжал подсобничать и не старался постичь, как создаются бланки, этикетки, буклеты и прочая бумажная продукция, как им придается то, что профессионалы называли полиграфическим изыском. Особенно хорошо Анне удавались этикетки. Она врубалась в самую суть, выпячивала главное, создавала образ, который память сохраняла и в отсутствие этикетки. И этикетки получались у нее броские, яркие, непременно с изюминкой. Стандарт и ее вкус были несовместимы. Емелькин, конечно, сразу же это заметил. Полиграфист он был средней руки, нужные сведения черпал из справочников и при общении с исполнителями. Славился же он тем, что коллекционировал юбки, и жена его сначала терпела это, но вдруг сделала резкий поворот на сто восемьдесят градусов и развязала руки себе и ему. Потом спохватилась и заключила с мужем мировую, но не надолго. Геннадий Петрович был много старше Кирилла Васильевича, лет на семь старше, однако Анну это не смутило. Наверное, другие качества хозяина фирмы с лихвой компенсировали возраст. Даже лысину его всеобъемлющую она принимала, как должное.

«Это следствие, несовместимость моя и Анны обнаружилась раньше, - подумал Кирилл Васильевич. – Я приносил в дом далеко не столько, сколько требовалось семье, а особенно Анне, и это все чаще ее раздражало. «Ты ни рыба, ни мясо! - говорила она, закипая на пустом месте. - Ты амеба бесхребетная! И зачем только я связалась с тобой!»

Как-то само собой получилось, что он перестал посвящать ее в свое сокровенное, а она его – в свое. Впрочем, ее сокровенное, как он теперь считал, никогда не было хозяйством заметным и разветвленным. Сморщенный кулачок – вот чем было ее сокровенное. Все ее желания, большие и маленькие, всегда были на виду, на самой поверхности. Обособление их внутреннего мира, точнее, несовместимость их внутреннего мира и породила отчуждение. Начавшись и обозначив себя, оно не могло остановиться. Присутствия детей рядом было явно недостаточно, чтобы ему воспрепятствовать. «Хватит нагнетать мрак, и так тошно! Будет каяться – не прощу!» - сказал он себе. Поднялся на свой этаж, отпер дверь и вошел в пустую квартиру. Посмотрел на стены, на пол и потолок. Он был здесь чужеродный элемент, и только. И показалось ему, что стены вот-вот сомкнутся со стенами, а пол – с потолком. Ощущать на своих плечах эту тяжесть великую было невыносимо. Он отодвинул гардину и выглянул во двор.

Двери одного из гаражей (они обрамляли двор) были приоткрыты, знакомые фигуры суетились в ярко освещенном проеме. Атаманчука, кряжистого и колоритного, он заметил сразу. Положил в сумку две баклажки сухого вина, которое сделал летом собственными руками, и поспешил вниз. Не к друзьям он спешил – к добрым знакомым. Мало, мало кого в этом двухмиллионном городе он мог назвать своим другом – наверное, по той причине, что сближался с людьми медленно и тяжело. Можно сказать, что по части друзей в его душе держался стойкий вакуум. В школе было совсем другое дело, там он был свой среди своих. Но юношеская искренность и

непосредственность остались в прошлом, как и все то, что их сопровождало. Сейчас же ему нужна была хоть какая-нибудь отдушина. Людей, к которым он спешил спуститься, он не ставил ни высоко, ни низко – он не выставлял им никаких оценок. Лишнее это было совершенно. Перед каждым из этих людей была своя жизненная колея, давно ими апробированная, и их пути-дороги могли пересечься невзначай разве что вот таким вечером, когда никому из них не хотелось одиночества.

Глава 2

Гаражная компания уже успела принять по стопочке и встретила Кирилла Васильевича весьма дружелюбно. Разношерстная это была компания, но тем и интересная: ни профессии, ни характеры этих людей не были родственными и даже близкими.

- Это кто к нам пожаловал, да еще с собственным вином! – залебезил Юрий Валентинович Атаманчук, метростроевец со стажем, большой спец по машинам, которые строили метро, а в своем далеком армейском прошлом – персональный водитель главы ракетного ведомства Королева в небезызвестном Байконуре. – Располагайся, дорогой! Вот тебе табуреточка. Украинцы, предки мои, дали ей более точное название – «пидсрачник». Бери и сидай, то есть опускай на нее названную часть тела. Тебе водочки налить, или? – Пытливые, чуть-чуть выпуклые глаза с хитринкой уставились на него, и было в них доброе подтрунивание. И еще грусть в них была, как реакция на что-то новое, ворвавшееся в жизнь Атаманчука буквально вчера.

- Ты знаешь, я вино предпочитаю. И я сам себе налью, если ты, конечно, не возражаешь. Налью в тару, тобой предоставленную. Еще кому вина?

- Мне! Твое вино, Васильевич, я уважаю, - сказал Витя-фитиль, мужик высокий, жилистый и худой. Он пробавлялся тем, что ремонтировал автомобили и приторговывал запасными частями к ним, так что машинное масло въелось в его ладони на веки вечные. Еще он занимался извозом, для разнообразия.

- Вишенка? – осведомился Рашид Ямбулатов, ершистый представитель татарского племени. Он превратил свой гараж в столярную мастерскую. На вещи, к которым он прикладывал руку, приятно было смотреть. Кириллу Васильевичу даже казалось, что Рашид странным образом очеловечивает дерево.

- Вишенка, - подтвердил Кирилл Васильевич. – Сухое вино из вишни. Сахар весь сброжен и в легкие градусы обращен, нам, старикам, он ни к чему.

- Ну, ты-то пока не старик, так что не гони впереди атамана! – сказал тяжеловесный Атаманчук. Ему было за шестьдесят, но чуть-чуть за шестьдесят, и про него говорили: «Наш аксакал». Его, если подумать, было за что уважать. Уютно было в гараже Атаманчука. Уютнее, чем в иной жилой комнате. Ибо Юрий Валентинович был великий аккуратист, и еще большой фантазер по части дизайна. Пол гаража он покрыл бетоном, а в бетон вкрапил часто-часто осколки мраморной облицовочной плиточки и куски смальты. Стены обшил деревом, а дерево отшлифовал и покрыл бесцветным лаком. И полочки навесил, чтобы каждая нужная в гараже вещь знала свое место и была под рукой. Чистоту поддерживал идеальную. И по вечерам привечал честной соседский люд: пропустить в компании одну - вторую - третью стопочку куда приятнее, чем в гордом уединении. Да, еще Сережа Кульков стоял внутри гаража, в некотором отдалении (у него было прозвище Кулек) и виновато улыбался. Эта мнимая застенчивость многих сбивала с толку, ибо Кулек был парень с норовом, и во дворе все знали, что лучше его не задевать. Он промышлял розничной торговлей, имел контейнер на одной из оптовых ярмарок, и промыслом своим был доволен. То есть, на жизнь ему с этого промысла хватало.

Стопки наполнили, сдвинули. Лепешка была разломана, брынза нарезана, соленые пупырчатые огурчики горкой лежали на плоской тарелке. Кто голоден – поест дома. Сюда не кушать и выпить, сюда посидеть приходят. Сюда за жизнь побазарить приходят, разные «что, как и почему» обсудить, сфокусировать их и на своей персоне, и на всем белом свете.

- Кулек, слово за тобой, тебе отчаливать скоро! – сказал Рашид Ямбулатов. Сережа Кульков, степенный, но рыхловатый мужик сорока пяти лет, обвел всех улыбчивыми голубыми глазами и выдержал паузу, оттеняя торжественность момента и требуя внимания. Сын, удачно женившийся на красивой еврейке с русской фамилией и эмигрировавший за океан, давно звал родителей в Америку, и, наконец, все документы были готовы. Кулек согласился на переезд, и теперь ему и супруге предстояло продать обширную свою недвижимость, выписаться и уехать в далекую богатую страну, а всем здесь остающимся помахать ручкой. Рашид тоже планировал уехать, но в близкую Россию. Он, однако, преждевременно свое намерение не оглашал, держал в тайне. Светиться раньше времени было не в его привычке. Витя-фитиль полгода поработал в России, но не осел там и вернулся в Ташкент с хорошими деньгами. Поработать в России он планировал еще раз, там было где развернуться. Один Атаманчук никуда не стремился, ему и в родном Ташкенте было куда как сподручно. Это он так говорил. Но друзья видели, что годы не маленькие давили на него все сильнее, и недуги разные уже обнаруживались. Они и накладывали свою печать на его некогда деятельную, подвижную натуру. По душевному миру Атаманчука сильно ударило то, что метро в Ташкенте уже не строили, и его большая и некогда престижная контора ликвидировала свое имущество и тихо самораспускалась. Он этого не понимал, это было выше его разума. Как это так – взять и остановить прокладку метро, не достроив третьей линии? Ведь во всех городах,

где начинали строить метро, его строительство потом не прекращалось, город и метро становились единым целым. Атаманчука, однако, пригласили на новую работу в одну частную контору, сдававшую в аренду разные строительные машины, и хорошую зарплату предложили. Но он все равно переживал – теперь его приятели-метростроевцы скопом уезжали в город Казань, и он чувствовал себя осиротевшим.

Выждав паузу, Кулек сказал: «Дерзайте, милые! За дальше в лес, и за больше дров! Пусть все у вас получается, для вашего духовного спокойствия и семейного благополучия! Мне, бедолаге, вас будет очень не хватать! В Штатах, говорят, такого общения, как наше гаражное, и близко нет. Там нет никакого общения, только «здравствуйте» и «до свидания!» Там люди совсем другого покроя. Там люди на себе сосредоточенные, а больше ни на ком».

Не прост был Кулек, хотя кое-кто считал его обыкновенным барыгой. Но тот, кто так считал, просто-напросто ошибался. Это в советские времена все люди его рода занятий назывались спекулянтами и частниками недобитыми и обмазывались дегтем со всех сторон. А теперь люди его рода занятий назывались предпринимателями и были опорой общества, его движущей, а часто и направляющей силой. Он зарабатывал неплохо и потому об Америке думал с опаской, тем более что у него были проблемы с английским языком. Он учил его старательно и въедливо, к хорошим педагогам ходил, но язык не лип к нему, и несмотря на все его старание он едва связывал два слова и не понимал того, что говорил ему преподаватель.

Стопки опорожнили, посмотрели друг на друга, улыбнулись, кто огурчиком похрустел, кто кусочек брынзы проглотил, и Атаманчук сказал: «Не дрейфь, Кулек! Ты в любой точке Земли будешь на своем месте. Кстати, сколько тебе отстегивают за твою хату?»

- Семьдесят, а я желаю восемьдесят пять, - сказал Кулек. В виду имелись баксы. У него была трехкомнатная квартира, очень ухоженная, с ясеневым паркетом, имитирующим изыск, с французскими обоями, и Кирилл Васильевич подумал, что за свою четырехкомнатную и не в худшем состоянии он может получить сто тысяч. «Сто, и не меньше», - решил он, ведь он никуда не торопился. Это Кулька подпирали сроки. На все ликвидные дела его семье было отведено полгода. – Как вам выступление Медведева? – вдруг спросил он у присутствующих. Только вчера телевидение озвучило речь президента Российской Федерации с программными задачами на весь период его правления.

- Какое выступление? Я про него не знаю, - сказал Витя-фитиль.

- Ну, ты совсем оторванный ломоть! – сказал ему Атаманчук. – Отличную речь произнес Медведев. Я ее прослушал, а потом прочитал по Интернету. Чтобы глубже вникнуть. Это покровительство бизнесу и среднему классу и упор на демократию, с устранением чиновничьего произвола. Чиновникам приказано не борзеть, от взяток отвыкать, учиться жить на свою зарплату. Тех чиновников, которые не будут так поступать, в России скоро начнут гладить против шерсти.

- Ну, Россия без коррупции, без всякого там отката – такого еще не бывало! На публику работал Дима Медведев! – заявил Рашид, и Кулек его поддержал: чего никто еще не видел, того и не увидит, и не увидит по той причине, что такого просто не бывает. Согласились, что Медведев неплохо втягивается в новое для себя ремесло управления огромной страной. Вспомнили отрезвляющий щелчок по Грузии, чтобы не посягала на жизнь и права российских граждан, какими стали девяносто процентов южных осетин и абхазцев. НАТО передернулось, но стерпело, ведь не агрессора и душегуба ей поддерживать. НАТО предпочитало расширять свое влияние тихой сапой, бесконфликтно, уже прибрала к рукам бывших союзников СССР по Варшавскому пакту и бывшие советские прибалтийские республики и подбиралась к Украине. Россию на Западе по-прежнему боялись и не очень-то любили. Слишком большая она была, мало предсказуемая и на Европу не похожая. Ее ядерный крейсер «Петр Великий» плыл сейчас к берегам Венесуэлы, и во всех портах, куда он заходил (а ему ничего не стоило сделать зигзаг от Гибралтара к Турции и обратно), иностранные моряки поражались его размерами и вооружением. Его называли убийцей авианосцев. Венесуэла все последние годы выпендривалась против Штатов, и России это нравилось. Она не прощала Штатам поддержки Грузии и самостийной Украины и еще многое другое. Больше же всего России не нравилось, что Штаты одни заправляли всем прочим миром.

Снова были наполнены стопки, и на сухое вино переключился Рашид.

- Так ты своих проводил? – спросил Кирилла Васильевича Атаманчук.

- Только что. Муторно мне.

- Так это не навсегда. Ты ведь здесь все уладишь, и – за ними.

«Если бы!» - подумал Кирилл Васильевич. А сказал совсем другое: «Да, конечно! В самом скором времени! А как же!»

- Какие потери мы несем! – опечалился Атаманчук. – Невосполнимые потери. Скоро русских даже в Ташкенте останется раз-два и обчелся.

- Россия как насосом высасывает все русское из ближнего зарубежья, - сказал Витя-фитиль.

- И правильно делает. Ей бы еще предельно упростить и ускорить получение гражданства этими русскими! – сказал Кирилл Васильевич.

- России надо снова научиться воспроизводить себя, - сказал Рашид. – Давайте вспомним, сколько детей было у наших дедов, и сколько их у нас. У нас детей в три, а то и в четыре раза меньше. Россия уже много

лет не приращивается народом, а теряет народ. На ее просторах людей умирает больше, чем рождается, и это не есть хорошо. Это есть очень плохо. Это говорит о том, что Россия надорвалась, строя социализм у себя и пропагандируя его строительство по всему миру. И надо молодым семьям помогать, а не восхищаться атомным крейсером «Петр Великий» и стратегическими бомбардировщиками «Белые лебеди». Нашли чем гордиться! Это мы уже проходили, это ничем хорошим для нас не кончилось.

- Очень правильно, - сказал Кулек. – У моей бабки, ровесницы Ильича, было девять детей, а у этих ее девяти детей своих детей было только десять. Их жизнь как раз пришлась на начало и середину советского времени. Ни у одного моего дяди, ни у одной тетки нет троих детей. Атаманчук говорил, что если покопаться в его родословной, то и там такие же дела. Большие семьи снова должны стать витриной и гордостью России.

И Кирилл Васильевич с ним согласился: ни его родители, ни его знакомые не были людьми многодетными. Но спросил он себя: почему, если Кулек такой патриот России, он не на ее просторы отчаливает, а в Штаты. Знает, где лучше?

- Лишь бы опять российская армия не потянула одеяло на себя, - сказал Рашид.

С ним согласились. Судьба Советского Союза, рухнувшего от неопмерных военных расходов, у всех была перед глазами. Еще раз наполнили стопки, и Атаманчук предложил Вите-фитилю принести вяленой рыбки. Витя был заядлый рыбак, недавно ездил в Голодную степь на Арнасайские разливы, и рыбка вялилась в его гараже на суровой нитке, натянутой под потолком.

- Нет рыбки, однако, - сказал Витя-фитиль и руками развел, для пущей убедительности. – Я даже электрошок использовал. В какую только заводь не совался, и все равно пустой вернулся. Тамошние рыбаки все подчистую китайскими сеточками вычерпали.

- А что вы про Барака Абама скажете? Как вам новый американский президент? – спросил Кирилл Васильевич. Твердый обруч, наконец, перестал сжимать его голову, и понурое лицо Анны отодвинулось от него далеко-далеко.

- Первый черный в этом кресле! – сказал Рашид и потер руки: его воображение было не настолько богато, чтобы увидеть татарина или башкира в кресле президента Российской Федерации. Впрочем, увидев в этом кресле еврея, он бы нисколько не удивился.

- Так за ним кукловоды, и сколько их, никто не знает, - сказал Атаманчук.

- Не Абама мне интересен, - сказал Кулек. – Ну, Абама! Ему, конечно, надо себя показать и популярность свою укрепить. Вокруг него столько рамок! Он связан правилами и запретами по рукам и ногам. Мне не Абама интересен. Мне их финансовый кризис покоя не дает. Они только покатались вниз, и всех кругом передернуло, все поперхнулись и стали дружно пересчитывать свою наличность. И самые богатенькие увидели, что их наличность существенно уменьшилась. Время велит доллару мельчать и отступать, и он мельчает и отступает. А что нам делать? У нас все добро долларами исчисляется и в долларах хранится. Они закашлялись, а нам воспаление легких грозит, и мы паникуем. Они прокашляются, и все, а нам теперь пенициллин колоть надо.

- Паникуем, потому что теряем. Америка – хитрая бестия! В такие долги умудрилась залезть, а вид делает, что всему миру голова! – сказал Кирилл Васильевич. – Наводнила мир долларовыми купюрами – мировая валюта, отойди и подвинься! И взяла под эту бумагу все, что ей нужно. Ее внутренний долг – 55 триллионов долларов. Это повыше Эвереста.

- Сколько, сколько? – переспросил Рашид. – О триллионах речь идет, не о миллиардах?

- Именно о триллионах.

- Да я эту цифру своим умишком объять не могу. Пожалуй, вся матушка-земля за год на такую сумму товаров и услуг не наработает, - сказал Рашид.

- Не произведет! – поддакнул Атаманчук. – Ни фига, как нагло они вперед залезли! Под детей, под внуков своих великий подкоп сотворили. Вот это должок так должок! И нам, чтобы не было общей для всех беды, тоже надо его гасить, наши плечи он тоже отягощает. Соображаете? Свои заботы-хлопоты они очень умно на нас перекалдывают! Через свой доллар, который у нас в большом почете.

- Трудно вообразить, - сказал Кирилл Васильевич. – Кому налить? Без новой стопки мы этот вопрос не обмозгуем.

Атаманчук нескладно поднялся, шагнул к холодильнику, потянул дверцу на себя и извлек неприкосновенный запас – бутылку водки, початую на одну треть. «Кому сухарик красненький, а кому и сорокаградусную», - сказал он – как похвалил себя за предусмотрительность. Выпили без суеты.

- Это когда же Америка так вляпалась? – спросил Кулек. – Значит, я привезу туда свои доллары, за хату и все прочее, а там дефолт, и мне останется одна десятая часть от привезенного?

- Не знаю, - сказал Кирилл Васильевич. – Так глубоко Америка не сядет, это надо ей своей пышной задницей прямо в Марианскую впадину угодить. А залезать в долги она начала давно и весь минувший век только это и делала. Ипотека, кредиты на всякий ширпотреб, заемы правительства у народа на свои нужды, и чем дальше, тем масштабнее.

- Ипотека – с чем ее лопают? – поинтересовался Витя-фитиль.

- Это банковский кредит на покупку жилья. Под низкий процент и на много лет, на двадцать – тридцать лет. Американцы себя любят до обожания и жить хотят в домах, где десять комнат и больше. Ипотека им это позволяет. Домик такой еще не их собственность, а они в него вселяются, как в собственный, и тихонько за него расплачиваются, - сказал Кулек.

- Вот именно, тихонько, - подтвердил Кирилл Васильевич. – Теперь, чтобы не было мирового кризиса, все мы должны напрячься, подтянуть пояса и помочь Штатам. Должны взвалить часть их непомерного финансового бремени на свои не слишком крепкие плечи. Они и такой вариант просчитали – свои долги чужими руками покрывать. И такой вариант им очень понравился.

- Волокешь! – сказал Атаманчук. – Но зачем нам это надо – себя вместе с ними подставлять? Пусть падают сами, они этого заслужили.

- Помочь надо для того, чтобы они нас за собой не потянули. Чтобы доллары, которые у нас, не превратились в ничто.

- А у кого нет долларов, тому лучше или хуже? – спросил Рашид.

- У кого нет ничего, тех просят не переживать и белый свет своими постными физиономиями не застить, - сказал Витя-фитиль.

- Мама-мия! – воскликнул Рашид. – Я, выходит, пострадаю меньше всех. Почему же я тогда не самый счастливый среди всех здесь присутствующих?

- И слава Богу, что ты чистеньким из этой грязной, вонючей воды на берег выкарабкаешься, - сказал Атаманчук и потер ладонью ладонь. Ладони у него были объемистые.

- Рынок – это хитрая bestия! – сказал Кулек. – Крутишься-вертишься на фоне голубого шарика и думаешь, что для себя стараешься, а при подведении итогов чужой дяденька все на себя тянет, и ты видишь, что тебе на поддержание штанов осталось, и только.

- Главное, не дрейфить! – сделал вывод Атаманчук. – Вздрогнули, мальчики! Хорошо сидим. Кулек, не гляди с вождедением на шахматную доску, сегодня давайте без шахмат. А то отъединитесь с Васильевичем, и наш духовитый разговор погаснет. Итак, господа трудящиеся, доллар уже не каменная стена и не цемент, связывающий воедино разные народы и страны, и тут мы достигли единого мнения. Но тогда что такое есть доллар в его сегодняшней интерпретации? Кто слово свое скажет?

- Доллар очень похож на человека, который достиг своей жизненной вершины и теперь должен сойти вниз, - сказал Кирилл Васильевич. – Выбора у доллара нет. В какую сторону он сейчас ни ступит, это будет дорога вниз. И тут любая подсказка бессильна. Тут за взятое в кредит расплачиваться надо.

- В таком случае, надо при спуске проявлять максимум предусмотрительности и осторожности, - сказал Атаманчук. – Мир так и старается поступить. Каждый надеется и хочет потерять как можно меньше, а получается, что теряют все и помногу.

- Задал мир задачу чернокожему президенту Америки! – сказал Рашид.

- Ему ли одному? Вот мы, ребята, дружно погружаемся в мировые проблемы, нас прямо заносит в эти проблемы. Не значит ли это, что мир все быстрее обретает черты единения? От единого экономического пространства до единого человечества очень далеко или совсем недалеко? – задал вопрос Кулек и подбоченился в ожидании ответа. В глазах его переливались озорные искринки.

- Не знаю, - сказал Атаманчук, обвел присутствующих грустными глазами и увидел, что единое человечество очень от них далеко. – Хорошо это или плохо, но пока каждый из нас строго индивидуален.

- Пожалуй, - констатировал Кирилл Васильевич. – Любому из нас может быть очень даже не плохо в ту самую минуту, когда другой теряет что-то очень большое.

«Как я сегодня», - подумал он. Атаманчук поднял вверх пустую бутылку, демонстрируя ее порожность, и выразительно щелкнул по ее дну. Мол, и эту усидели! Пора было и честь знать. То есть, пора было распознаться по своим закуткам, возвращаться в привычную серую среду обитания, под назидательное око супруг. Одного Кирилла Васильевича в большой квартире не ждал никто. Мужики сердечно простились и разъединились, и он побрел в свой подъезд, на третий этаж. Ровно пятьдесят ступенек вело к нему, он сосчитал их не один раз. Он отворил дверь и зажег свет, и стены уже не попытались сомкнуться со стенами, а пол – с потолком.

Он включил чайник, подождал, когда тот подаст голос, и заварил зеленого чая. Что-то пожевал, но без аппетита. Перекусил и не распознал вкуса пищи. Что правда, то правда: к еде он был почти равнодушен. Машинально включил телевизор. Диктор сразу ошарашил его сообщением, что в Комсомольске на Амуре спустили на воду атомную подводную лодку водоизмещением 18400 тонн, и при испытаниях близ Владивостока в ней произвольно сработали аппараты для тушения пожара. Они заполнили носовые отсеки фреоном, и двадцать человек задохнулись, а двадцать один госпитализированы. «Монстр и есть монстр», - подумал он про эту лодку, которая была орудием убийства мирового масштаба, и ничем иным. Кстати, лодка была предназначена для индийского военно-морского флота, но индийских моряков на ее борту пока не было. Ищи теперь виноватых, а убиенных уже не воскресить!

Мрачные краски распространились вокруг. Серость привычно давила на темя. Не на чем было задержать взгляд. Разве что на ликах детей, которые на фотографиях были такие радостные, непосредственные. Вот кого

ему действительно не хватало! Он достал баклажку с вином «изабелла», налил полный стакан. Значит, принятого на грудь в гараже оказалось недостаточно. Вино было молодое, почти черное, не прозрачное. Он помнил, по прошлому году, что после него сны снились интересные и на актуальную тему. Ему захотелось хотя бы во сне увидеть себя на коне, и чтобы события развивались по его велению и хотению. В жизни он ни разу не садился на коня, но желание увидеть себя на строптивой и быстрой лошадке было очень велико.

Он осушил стакан мелкими, медленными глотками. Вино было очень приятное, специфическое, лучшее из всего того, что он делал. Ему захотелось еще «изабеллы», но это уже было излишество. Кроме того, «изабеллы» он сделал всего восемь баклажек, и ее надлежало беречь и экономить. Спать лег рано, после того, как часы пробили десять. Вспомнил, что Анна в аэропорту так и не улыбнулась ему, ничего не сказала. Что ж, она не просто в другую страну уезжала, она уходила к другому мужчине. Новую жизнь начинала. Не торжественно, не под вальс Мендельсона, но по своему желанию. Кирилл Васильевич не сказал себе, что это непоправимо. Лучше было это не трогать, оценка Анне уже была выставлена. Комментировать то, что он многократно комментировал прежде, было ни к чему, ибо ничто не поменялось бы в его душе, наполненной прохладой неустрашенности. Наволочка показалась ему несвежей, и пододеяльник тоже. Он повернулся на правый бок, смежил веки и приказал себе ни о чем не думать.

Глава 3

Вскоре, однако, он понял, что смежить веки не означает заснуть. Он лежал, а рядом с ним находился оконный проем, обрамленный тяжелыми шторами. Проем выделялся контрастно. «Анна, Анна!» - подумал он, удивляясь, что память его приклеена к ней крепко. Вспоминать, когда и в связи с чем началось отчуждение и корить себя за то, что потом оно только крепло, не имело смысла. Оно началось гораздо раньше, чем Анну одарил своей приязнью Геннадий Петрович Емелькин. Анна не была вертихвосткой и ответила благосклонностью на приязнь Емелькина только потому, что между ним и супругой пролегло отчуждение. Емелькин, как фирмач и особенно как человек, не был на высоте (это не самовнушение, сказал себе Кирилл Васильевич, это реальность). Он увидел в Анне бесценный источник дохода, вот ведь в чем дело. Как только за разработку этикеток и буклетов взялась она, как только вникла и врубилась в это новое для себя поле, годовой оборот фирмы Емелькина вырос втрое, а годовой доход хозяина фирмы – впятеро. Впрочем, их семье перепало от этого мало чего. Геннадий Петрович был прижимист и очень себе на уме. Себе, любимому, родной он был человек. Все же прочие в его представлении были плодовыми деревьями, обтрясать которые с детских непоседливых лет ему доставляло большое удовольствие. А при отсутствии спелых плодов на ветвях всем прочим предлагалось подвинуться и отойти при его приближении.

«Ты видишь только его низменные стороны, потому что он увел Анну, ты заиклен на его недостатках, - укорил себя Кирилл Васильевич. – Анна же наверняка разглядела в нем нечто такое, чего никогда не было у тебя. Иначе бы она не метнулась к нему с силой, которой ты даже не противился!» Да, ему Геннадий Петрович ничем не запал в душу. Ну, летом и одну зиму ходили они купаться на канал Анхор – так это он делал и без него. Правда, зимние купания по силе ощущения не могли сравниться с летними – они давали им много очков вперед. А к зимним купаниям его приучил Геннадий Петрович. Ну, играли в шахматы блиц-партии и запивали свои победы и поражения сухим вином (тогда-то Кирилл Васильевич и пристрастился к виноделию). Так Геннадий Петрович всегда дешевил. Чего стоили его громогласные «Я сюда не пошел!» Ошибка, таким образом, исправлялась, и партия принимала иное направление.

Вообще, обратные ходы, как следствие «Я сюда не пошел!» были очень свойственны Геннадию Петровичу, - сиюминутная выгода ему так застила глаза, что в деловом мире высоко он не котировался. В деловом мире люди, на слово которых нельзя положиться, авторитета не имеют. Анна, как только разобралась во всем, стала заслонять Геннадия Петровича от его скоропалительных «Я сюда не пошел!», стала показывать ему, что минусов в таком шаге назад куда больше, чем плюсов. Действительно, за сиюминутной выгодой каждого такого шага назад следовали потери, многократно эту выгоду превышающие. Он быстро сообразил, что она печется об его пользе, и тогда в нем пророс первый к ней интерес. Искренний мужской интерес. Ему захотелось понять, зачем ей это надо.

Сразу ли она ответила ему взаимностью или нет, Кирилл Васильевич не знал. Слава удачливого коллекционера юбок за Емелькиным следовала по пятам, но Анна эту славу проигнорировала – интересно, почему? Не предполагал никогда Кирилл Васильевич, что уступит Геннадию Петровичу в ситуации самой обыкновенной. Но, ведь, уступил, противодействия не оказал! А когда увидел это и понял, чего лишается, предпринимать что-либо было уже поздно, приязнь Анны к Геннадию Петровичу переросла в чувство более глубокое. Она переросла в чувство повелительное. Даже двое детей не смогли ее остановить. То есть, она заранее решила, что дети останутся при ней.

Теперь у Жоры и Ирочки появится другой папа. А поначалу Анна была такая паинька! То есть, какая паинька? Она вскидывала на него свои глазища, в которых пламенел призыв, и все в нем обмирало. Значит,

паинька она была в том смысле, что в других мужчин своими глазами-прожекторами не впивалась. Почему же потом от этих благословенных минут ничего не осталось?

Он повернулся на правый бок, и вскоре дни минувшие, принесшие ему тяжкие испытания, тихо угасли в его сознании. Свет неяркий, явно потусторонний возник в обступившем его мраке. Он возник как бы из ничего, не из конкретного источника. И он струился, не высвечивая ничего, не задерживаясь ни на каком конкретном предмете. Для чего тогда был нужен этот свет? А неизвестно для чего. И сразу же он увидел себя в туннеле. Перед ним была тележка стальная, стоявшая на рельсах. На тележке лежали продукты и вода в канистрах, и горел керосиновый фонарь, отбрасывая вперед контрастный пучок света. Фонарь высвечивал рельсы и свод туннеля метров на десять впереди, а далее был мрак непроглядный.

Обозначено было ему, что протяженность туннеля тысяча километров, и как только он его преодолет, он окажется в чудесном месте, словно специально для него созданном, и заживет в свое удовольствие. Других, более обстоятельных разъяснений ему сделано не было. Тележку надлежало толкать вперед и идти вслед за нею. Толкать и идти, толкать и идти. За какое же время он пройдет туннель? За месяц? За полтора? Это не имело большого значения; продуктов и воды в тележку было уложено на три месяца вперед. И главное было не в движении по туннелю, а в том, что ожидало его по окончании пути.

Он повернул фонарь и осветил им содержание тележки. Кроме сухарей, круп, консервов рыбных и мясных, увидел примус и керосин для примуса, спальный мешок, такой, какой брал с собой в горные походы, и две прокопченные кастрюльки, вставленные одна в другую и в полиэтиленовую сумочку – их он тоже брал с собою в свои путешествия. Его это был реквизит, но непонятно было, кто снаряжал его в эту дорогу. Еще пачка свечей лежала в тележке, и блокнот, для дневниковых записей.

«Однако!» - сказал он себе, крепко озадаченный, кто же снарядил его в этот необычный путь? Ничто из необходимого и насущного не было забыто. Угадывалась не просто дружеская рука, но и участие, сопереживание. Впрочем, это не имело особого значения. Прохладу он ощутил, и движение воздуха, подталкивающее его в спину. Он еще раз обвел взглядом тележку и увидел прибор, заключающий в себе часы и термометр. Циферблат был разделен на 24 деления, и еще показывал число, месяц и год. И показывал температуру. Восемь утра было, и день завтрашний – 20 октября, и год – 2008, и температура – пять градусов тепла.

Он напрягся и толкнул тележку вперед. Она не быстро покатила по рельсам. Рельсы лежали не на шпалах, а на бетонном ровном полу. Он еще напрягся и покатил тележку быстрее. Так он разогнал ее до скорости быстрого пешехода, наверное, до семи километров в час. Теперь тележка катилась легко, а он шел за ней и не напрягался. Он догадался, что может сесть на тележку, запрыгнул на нее и поехал. Почувствовал себя пацаном, вышедшим на улицу погулять после скучных уроков. Туннель был круглого сечения, достаточно просторный, чтобы нависание сводов не было давящим. Вскоре справа от катящейся тележки обозначился указатель с надписью «1 км.» Часы показывали десять минут девятого. Значит, первый километр из тысячи он преодолел за десять минут, и нисколько не утомился. Тележка замедлила свой ход, он соскочил, увеличил ее скорость и снова запрыгнул на нее. Очевидно было, что в том направлении, куда он двигался, туннель имел уклон, и это очень облегчало его задачу. Он два часа попеременно толкал тележку и ехал на ней. У указателя «11 км» остановился и сделал привал. Засветил свечу, достал блокнот и внес в дневник первые свои впечатления. К обеду он удвоил пройденное расстояние. Остановился, добавил в лампу керосина, разжег примус, вскипятил чай, затем сварил пару картофелин и открыл банку консервов «Лосось в собственном соку». Кушая, ощутил вкус картошки, рыбки и чая. Значит, то, что с ним происходило, к разряду необычного относить не следовало.

«И сколько раз это должно повториться?» - спросил он себя. Испытание, выпавшее на его долю, он не считал испытанием. Это была обыденная работа сродни любой другой, и вознаграждение за нее он получит после ее завершения. И потянулась длинная череда переходов, привалов и сна – верх однообразия. Два перехода с тележкой впереди или под собой, - обед и отдых, еще два перехода – ужин и сон. Дообеденные переходы были по два часа, послеобеденные – по полтора. Свет в конце туннеля должен был появиться в положенное ему время, и он появился на двадцать девятый день пути. Свет сначала забрезжил, потом приблизился, потом превратился в голубой солнечный день. Горная долина лежала перед ним с рекой, напоминающей Чаткал, серой и быстрой, с березовыми рощами по берегам, с мшистыми скалами, устремленными к лиловым вершинам. Рельсы оборвались, тележка остановилась. Озеро он увидел справа от реки. Его образовал один из притоков, и было оно голубое-голубое. Очень уединенное это было место, и красивое необыкновенно. Озеро просто его приворожило, он поспешил к нему. А две человеческие фигурки устремились от озера ему навстречу. И вскоре он увидел, что это молодые женщины. В одной из них, более хрупкой, он узнал Веру, во второй, ладной во всех отношениях – Анну.

- Я жду тебя, Кирилл! – сказала Вера.

- Я жду тебя, Кируша! – воскликнула Анна голосом собственницы, но от Веры, которая была с ней рядом, не отвернулась и не отодвинулась.

И обе раскрыли руки для объятий. Он оторопел, заморгал и остановился. Он не ожидал такого развития событий. Вера и Анна нисколько не стеснялись друг друга. Они ждали его давно и терпеливо и словно не замечали, что их намерения совпадают. Они повисли на нем каждая со своей стороны и громко выразили свой

восторг. Ему предстояло нелегкое испытание – выбрать одну и не обидеть другую. При этом не следовало ни медлить, ни поспешать.

- Браво, мои дорогие! Интересно, как вы меня поделите? – спросил он.

- Это тебе решать, - сказала Вера.

- А можно, мы с тобой обе останемся, я и Вера? – сказала Анна. – Мы не максималистки какие-нибудь, мы взращены на Востоке и знаем его обычаи.

- Это ты-то не максималистка? – удивился Кирилл Васильевич. – Не рассказывай мне сказки!

- Мне теперь и крошки хлебной с твоего стола достаточно будет, - смиренно сказала Анна и потупила взгляд. «Артистка!» - подумал он про ее потупленный взгляд, столько в нем было затаенного.

А Вера больше ничего не говорила, только смотрела на него и ждала его слова. Он напрягся так, как не напрягался, когда толкал тележку, стараясь, чтобы она катилась как можно быстрее. Напряжение и прервало видение. Сон кончился, он проснулся, «да» не было сказано ни Вере, ни Анне. Рассвет едва брезжил, по улице рядом с домом шуршали шаги мусульман, спешивших на утреннюю молитву. Молитву надлежало сотворить до восхода солнца. Он обвел взглядом пустую комнату. Ни Веры, ни Анны взгляд его не обнаружил, его воображение сыграло с ним мало понятную и мало приятную шутку. Подумать только – он преодолел тысячекилометровый туннель с тележкой впереди себя (она скорее облегчала, чем утяжеляла его путь), чтобы попасть в тупик: отдать предпочтение Вере было так же трудно, как и отдать предпочтение Анне. Ведь в первые годы семейной жизни ему с Анной было не просто хорошо, а слов нет как хорошо. Но увидеть в своем завтрашнем дне десятиклассницу Веру тоже было необыкновенно хорошо. «Вот это сон! - сказал он. – «Изабелла», лоза виноградная, спасибо тебе! Ты придала моим мыслям очень даже интересное направление!»

Но его ждали земные дела, самые обыденные. Его нынешняя профессия сантехника включала в себя наведение порядка там, где этот порядок почему-то прерывался, где капало и текло или надо было заменить старый вентиль, унитаз или трубу на новые.

И еще ему предстояла продажа квартиры.

Глава 4

Не туннель почти бесконечный запомнился ему после пробуждения, ведь его преодоление было обыкновенной работой, а то, что в открывшейся ему замечательной долине Вера и Анна бросились ему навстречу одновременно, нисколько друг друга не стесняясь и ничуть друг другом не тяготясь. Жизнь такое их поведение исключала начисто, паинькой не была ни та, ни другая. Кирилл Васильевич прекрасно помнил, что и Вера, и Анна умели блюсти свою выгоду. Они, конечно же, заранее выяснили бы, кто из них при нем останется. Цепкие это были девицы. Сам скромник и молчун, Кирилл тянулся именно к таким; в Вере, а потом в Анне его привлекала их высокая энергетика. Но вот на которой из них он бы остановился, кого заключил в свои объятия? Не прост был вопрос, и ответ на него ему не давался.

Он наскоро привел себя в порядок – побрился, почистил зубы. Посмотрел на себя в зеркало, а серая, понурая и очень знакомая ему личность столь же пристально посмотрела на него и приязни не проявила. «Дела!» - подумал он. Поел без аппетита, запил хлебушек с плавленым сыром крепким чаем и пошел в свой ЖЭК. Вызов уже ждал его: в одной из квартир в соседнем доме подтекало на кухне и в туалете. Он взял сумку с инструментами и направился по указанному адресу. Посмотрел, где капает и как капает, остановил холодную воду и поменял в вентиле прокладку. В туалете провозился подольше. Но ветхое все было в этом доме, трубы проржавели и требовали замены. Только кто их будет заменять, на какие деньги? От вознаграждения, – хозяйка протянула ему две тысячи сумов, – он не отказался. Он мог на эти деньги скромно пообедать, и только. Сам он плату за труды свои никогда не просил, стеснялся, но если ему платили, в позу не становился. Благодарил, но низко не кланялся, не выработал в себе такой привычки. Управился сравнительно быстро, понял, что выгадал час, и поспешил в магазин «Тысяча мелочей», где принимали объявления в газеты и на телевидение. Безликая женщина сказала ему: «Слушаю вас», и он изложил ей, с чем пожаловал. Свою квартиру охарактеризовал с лучшей стороны, и объявление получилось привлекательное. Правда, денег за него взяли не мало. Ладно, это он переживет – конечный результат возместит все его предварительные затраты и хождения.

Пора было возвращаться в ЖЭК, что он и сделал. Их жилищная эксплуатационная контора занимала две комнаты в полуподвале его дома. В такие же две комнаты предстояло перебраться ему после продажи квартиры – прежде в них располагался офис Геннадия Петровича. Но Емелькин переоформил эти помещения на Кирилла Васильевича. Что ж, все просчитано правильно. Большая квартира ему теперь не нужна, обойдется и маленькой, а деньги за большую квартиру они поделят в пропорции, которая всех устраивает. И Кирилл Васильевич перестанет экономить на каждой мелочи, ибо его зарплата сантехника не просто мала, а смехотворно мала, ее хватает на самый скудный прокорм. Ни рубашек, ни какой-нибудь другой одежды он себе не покупал уже года два и еще мог не покупать лет пять, ему хватало старых запасов.

Он спустился в контору по крутой лестнице. С бухгалтершей Любой он уже здоровался утром, и с начальником Котом, а с электриком Славой – нет. «Привет, бездельник!» - сказал он Славе, который был пятью

годами младше и откровенно клеился к бухгалтерше, женщине без каких-либо выдающихся внешних достоинств. Многолетнее сидение на одном и том же стуле придало ее фигуре форму стула. Любаша и Слава сидели в первой комнате и нежно ворковали, а Кот отъединенно и важно восседал во второй, и правильно было величать его Игорем Ивановичем Котиковым. Но к нему давным-давно приклеилось короткое и емкое прозвище, производное от его фамилии, против которого он не возражал. Кот так Кот, а есть или нет у него повадки кота и как он относится к мышкам-норушкам, то бишь к клиентам своего прозаического заведения, это дело десятое.

- Сам бездельник, - бросил Кириллу Васильевичу электрик Слава, не поднялся и руки сантехнику не протянул. То есть, никакого внимания не выказал. – Что, проводил своих? Что, клево тебе теперь? Тоскуешь, или знаешь, где можно развернуться?

- Это не по моей части, - сказал Кирилл Васильевич.

- Мы юбок не коллекционируем, мы однолюбы! – поддела его бухгалтерша Люба, недовольная тем, что он ни разу не проявил к ее женским достоинствам целенаправленного мужского интереса.

- Так Кириллу Васильевичу нужны юбки современные, шелковые, не ситцевые, - поддел Любашу электрик Слава.

- Разве под юбкой шелковой и под юбкой ситцевой не одно и то же? – удивилась Люба и глазками повела и стрельнула очень даже выразительно. В кино не часто стреляли глазками так выразительно, как это проделала она.

- О чайке бы позаботились, а то все лясы точите, - сказал им Кирилл Васильевич.

- Уже позаботились. Накапать? – Слава, не вставая, наполнил пиалу горячим чаем и протянул сантехнику. – Пей и благодари за внимание и заботу. Ты теперь отрезанный ломоть. Следом помчишься, или как? – поинтересовался он. У него были крепкие плечи и объемная голова, но что-то помешало ему получить более престижную профессию.

- Или как, - ответил Кирилл Васильевич. – На меня возложено много чего привести в порядок.

- Не капай человеку на больное место, - сказала бухгалтерша. - Налей и мне чайку. Игорь Иванович, у нас наливают! – возвысила она голос.

- У вас не то наливают, к чему я привык! – донеслось из второй комнаты.

- Так ассигнуйте денежку, и мы мигом притартарим то, что в вашем вкусе!

- Денежку полагается сначала заработать, потом тратить. Нет, чтобы свою денежку употребить, уважение начальству выразить. Учю, учю некоторых, а они как не понимали, так непонимайками и остаются до глубокой старости. А потом удивляются, почему им по службе продвижения нет.

- А в глубокой старости что с ними случается? – любопытствовала Любаша.

- В глубокой старости у них вообще ум за разум заходит.

Переливать из пустого в порожнее было любимым здешним времяпрепровождением, и Кирилл Васильевич давно привык к этому. Работа в ЖЭКе никого не напрягала. Шестая часть жильцов, правда, за коммунальные услуги не платила, не из чего было им платить, неимущие они были по всем статьям. И с этим приходилось мириться, уговоры здесь не действовали. С этим мирились по всему городу, как с неизбежностью почти неискоренимой. А разные бытовые неисправности случались не так уж часто, и устранять их было не сложно. Работы в среднем было на три, на четыре часа в день. А все остальное было сидение и разговоры.

Звонок раздался телефонный, просили сантехника. Кирилл Васильевич послушал. В соседнем доме хозяева квартиры хотели заменить унитаз. Эта работа была часа на два, на три. Он взял с собой инструмент и цемент быстросхватывающийся и пошел. Электрика Славу беспокоили не так часто. При случае они подменяли друг друга, но на качестве ремонтных работ это сказывалось не лучшим образом. Освободился Кирилл Васильевич часам к трем. Еще с часок посидел в ЖЭКе, позубоскалил в охоточку. Сыграл с Котом пару партий в шахматы. Но Кот за доской соображал примитивно, позицию не просчитывал даже на пару ходов вперед, и с мальчиком для битья игра удовольствия не доставляла. Домой потопали все вместе, как только стрелка часов приблизилась к пяти.

Дома его заставил встрепенуться междугородный телефонный звонок. Георгий звонил, не Анна. Долетели они нормально, и все обстояло нормально. Геннадий Петрович приобрел, для себя и для них, трехкомнатную квартиру в ближнем Подмоскowie, а именно в Химках. Заблаговременно побеспокоился. В слова сына, однако, вкрадывалась тревога за отца, и эта тревога понравилась Кириллу Васильевичу. Папа, как ты там, что кушаешь, не скушаешь ли? Завтра они все вместе пойдут на Красную площадь и в Третьяковскую галерею. Еще Жора сказал, что никогда не думал, что Москва так многолюдна.

- Папа, это большой муравейник, и здесь никто никому не улыбается и не говорит: «Салам алейкум»! – докладывал ему сын. - Папа, здесь на всех больших дорогах пробки по километру, а в метро никто не уступает место старикам и малолеткам, не принято это!

- Рад, что тебе понравилась Москва, - сказал Кирилл Васильевич сыну.

- Понравилась! Как бы не наоборот! Тут я все время натываюсь на чьи-то крутые плечи и острые локотки, - доложил Жора. Наблюдательность сына понравилась Кириллу Васильевичу, и он похвалил его. Спросил про Иру. Ирочка пошла на разведку в ближний продуктовый магазин. Все правильно, надо осваиваться

на новом месте. Про Анну он не спросил, а Жора по своей инициативе ничего о матери не сказал, и это означало, что отчуждение продолжало накапливаться. Это означало, что он, Кирилл Васильевич Мальчиков, был замещен и вытеснен Геннадием Петровичем Емелькиным. Идти в гараж ему вдруг расхотелось, он не успел соскучиться ни по Атаманчуку, ни по Вите-фитилю, ни по Рашиду. Ну, что он там услышит? Только то, что уже слышал много раз. За неделю он успевал соскучиться по гаражным посиделкам, за один день – нет.

Глава 5

После праведного трудового дня Кирилл Васильевич провалился в сон, как в чарующую неизвестность. Положил голову на подушку и отключился. Но за ужином принял на грудь стакан «изабеллы». «Изабелла», как он понял по прошлому году (и минувший день это подтвердил), вызвала сны длинные и последовательные, словно в ней содержался неизвестный научный элемент, близкий к тому, чтобы управлять снами. Но это его предположение нуждалось в проверке. Он пожалел, что купил всего пятнадцать килограммов винограда этого сорта. С другой стороны, у продавца больше и не было, одна корзина. Он целую неделю каждый день посещал базар Алайский и Старогородской, но «изабеллы» и след простыл. Редкий это был сорт, конечно, и изысканный. Мелкие бордовые ягоды, мясистые, полные не соком, но черного ароматного студня, и кисти тоже мелкие. И вкус у них ни на что не похожий и ни с чем не сравнимый, специфический, как говаривал любимый народом артист Аркадий Райкин.

Вчера он выпил стакан «изабеллы» - и погрузился в сны, какие ему давно не снились. Разве прежде он мог вспомнить, что ему снилось? Да нет, конечно. Все тускло и тушевалось тотчас же. Все меркло и восстановлению не подлежало. А вчера один туннель и путешествие по нему чего стоили! А какая пикантная неожиданность ждала его в конце туннеля – Вера и Анна! И каждая торопилась раскрыть ему свои объятия. И каждая нисколько не стеснялась присутствия соперницы! Это было за гранью реального и не поддавалось осмыслению. Да, судя по всему, в «изабелле» заключалось нечто необыкновенное. Только он не докопается до этого необыкновенного, он не химик и не специалист по психотропным веществам. Он сможет лишь подтвердить тот факт, что прежде ему такие проникновенные сны не снились. Значит, в его «изабелле» содержится что-то, что активизирует и проясняет сны.

Ложился спать он не умиротворенный, но уставший. Вчерашние проводы все еще тяжелой ношей лежали на его душе. Он проснулся, и часы пробили двенадцать. Рука затекла, он повернулся на левый бок и сказал себе: «Спи, пожалуйста!» И снова увидел себя в той же горной впадине с быстрой рекой, напоминающей Чаткал, с озером на правом притоке реки. Березы вольготно росли и вокруг озера, и на обоих берегах реки, к самой воде подступали, и к их кронам бережно прикоснулась осенняя желтизна. Две женские фигуры устремились к нему от озера. «Это уже было, все повторяется!» - сказал он себе – и увидел, что лишь подогрел живейший интерес к тому, что должно было произойти. Девушки приблизились к нему, их лики обрели конкретность. Конечно же, это были Вера и Анна. Но не сегодняшние Вера и Анна, а те, какими они были много лет назад, когда его внимание к их выдающимся достоинствам достигло апогея. В десятом классе это было, и после окончания института, в гидравлической лаборатории. Ведь Вера – он и во сне отметил это, не была ровесницей Анны, она была шестью годами старше. На Vere было зеленое шелковое платье с подолом ниже колен, тонкую талию опоясывал поясик с золоченной пряжкой. Анна упаковала себя в плотные джинсы, отчего ее длинные ножки стали еще стройнее.

- Здравствуйте, девушки! – поприветствовал он их первый. – Вы опять вместе. Вы как сестры!

Ни Вера, ни Анна с ним не поздоровались. Они посмотрели друг на друга, словно впервые увидели, и недоумение отразилось в их глазах. Каждая безмолвно задала себе вопрос: «Ты, собственно, кто такая? Тебе, собственно, что здесь нужно?»

«А мне, мне это нужно?» - успел спросить он себя, но ответить не успел.

- Вы кто? – спросила Вера Анну. По виду они были почти одногодки.

- Я Анна, мы с Кириллом вместе работаем. А вы, уважаемая, кто будете?

- Я Вера, мы с Кириллом учимся в одном классе.

- В одном классе! Твой поезд, уважаемая, давно ушел, и я не виновата, что ты с него соскочила без Кирюши моего ненаглядного. – Переход на «ты» говорил о том, что соперничество приобретало остроту несовместимости. Кирилл Васильевич, однако, отметил, что вчера этого соперничества не было и близко.

- Я люблю Кирилла, и не заступай мне дороги! – сказала Вера. – Я первая, кого он поцеловал.

- Это я люблю Кирилла! А ты давно уже замужем и мама, - сказала Анна и плечиком повела, словно лист увядший с него смахивала. Подвинусь, мол, и не заступай дороги, сейчас не твой час! Кирилл Васильевич не вмешивался, ясности в ситуацию не вносил. Он просто не знал, что должен делать. Наитие, за которым и был выбор, отмалчивалось, и он не мог протянуть руки ни к Vere, ни к Анне.

«Сейчас схлестнутся, - подумал он, - а я кто буду? Разводящий? Мне же от обеих и достанется на орехи!»

- Тише вы, белочки длиннохвостые! – крикнул он, и девицы, словно школьницы прилежные, тотчас вянули его назидательному слову и угомонились. Даже дерзко смотреть друг на друга перестали. Одна заняла место по правую руку от Кирилла Васильевича, вторая – по левую. Он стал для них разграничительной стеной.

- Так-то лучше! – сказал он. – И долго вы поджидали меня на этом благословенном берегу? Вместе ждали или порознь?

Но они не знали, как попали сюда. Во всяком случае, не своими ножками притопали. Взмахом незримой руки были перенесены, по чьему-то велению и хотению. Он повел девиц к тележке с припасами, которая стояла в конце туннеля, поручил приготовить обед. Велел не ссориться и перестать выяснять отношения. Теперь они вели себя, как сестры, говорили друг другу «пожалуйста» и «будь любезна, дорогая». Запылал огонек, и вскоре пар поднялся над закопченными кастрюльками.

- А тарелки у тебя имеются? – спросила Вера. Но тарелок в наличии не было, и ложка была только одна. Так что ели по очереди и из кастрюли. А чай пили из другой кастрюли, которая побольше. Пообедали и пошли к озеру. Рюкзак с нехитрым походным имуществом отягощал плечи Кирилла Васильевича. Поляна была перед озером. А ее обрамляли березы и несколько кустов барбариса. Березы лишь слегка пожелтели, а кусты барбариса походили на разнузданных цыганок – были красные-красные, яркие, как молодые чародейки.

- Ты береза, - сказал он Вере, - а ты, Анна, барбарис!

- Я красивее! – обрадовалась Анна и запрыгала на одной ножке.

- Как сказать! – возразила Вера и тоже запрыгала на одной ножке. Показывала, что ни в чем Анне не уступает. Минут пять они вот так препирались, красуясь, затем уgomонились. Палатку он поставил у края поляны, между двумя стройными березами. Растянул ее, как полагается, так что брезент нигде не морщился, не провисал. Нарвал сухой травы и устлал ею пол, а поверх травы постелил широкое одеяло. Очаг сложил перед палаткой, три бревнышка-обрубка приволок, чтобы на них сидеть. Спросил: «А как водичка?» Разделся, трусы тоже снял, своих девиц не стесняясь, и храбро вошел в незнакомую воду. Девушки тоже в мгновение ока все с себя снимали и вошли в воду вслед за ним. Он оглянулся, чтобы определить, какая из них лучше, стройнее. У каждой были свои достоинства, и если по части талии впереди была Вера, то по части бедер и попочки – Анна. Он аж зажмурился, такими блестящими были достоинства его девиц. Вода приняла его и приятно обволокла, словно не осень стояла на дворе, а лето во всем своем августовском великолепии. Он оставил девиц барахтаться у берега и устремился на середину.

- Назад! – вдруг закричали ему. – Там крокодил!

Он увидел продолговатую коричневую голову с выпуклыми глазами, стремительно к нему приближавшуюся. Повернул к берегу и тоже набрал скорость, на какую был способен. Девушки уже стояли на берегу, бросали в воду камни и громко кричали, отпугивая крокодила. Ни одна из них не стеснялась своей наготы – они ее просто не замечали. Он опрометью выскочил из воды и оглянулся. Крокодила не было нигде. Тогда он снова залюбовался девушками. Солнце успело зайти за хребет, и его последние лучи задержались только на самых высоких пиках. «Оделись, бессовестные!» - наказал он, и на девицах, мгновенно высохших, тотчас же появилась одежда. Сели у огонька. Тепло стало и спокойно-спокойно.

- Кирюша-двоеженец! Кирюша-двоеженец! – в один голос стали скандировать девушки. Но они не просто скандировали понравившиеся им слова. Они никли к нему справа и слева, обнимали, ласкали, выказывали свое женское посягательство на его мужское естество. Тянули его от огонька к палатке, на сотворенное им мягкое ложе. Он поднялся, палатка была натянута рядом. Отодвинул полог, вошел. Мрак крошечный стоял в палатке.

- Минуточку, - попросил он, высвободил руки и засветил свечу. Мрак расступился, все стало различимо. Девушки так же спешно сбрасывали с себя одежду, как перед купанием в озере.

- Я рожу тебе мальчика! - сказала Вера и не потупилась.

- Я рожу тебе девочку! – пообещала Анна и раскрыла объятия.

«Это как же с двумя сразу управиться? – подумал он. – Негоже это, не по-человечески это! Нет, нет и нет!» Но четыре женские руки уже раздевали его и влекли на ложе. Пламя свечи заколебалось, и он уже не угадывал, с какой стороны к нему прикасается Вера, с какой – Анна. Смятение достигло высокого накала, но продолжало нарастать. Его семя могло низвергнуться лишь в одно лоно, но в какое? Огромная волна сначала вознесла его под самые небеса, затем низвергла в пену и мрак. Видения кончились, он проснулся. Ладонь его пыталась отвести от пупка его воспрянувшее мужское естество – и не могла. Что-то тягучее и вязкое извергло в ладонь, и это тягучее и вязкое резко пахло спермой. Очарования момента как не бывало. Возвращение в серую реальность было мгновенным, как прыжок вниз с высокой скалы.

Кирилл Васильевич чертыхнулся, в сердцах произнес несколько более крепких слов. Прошел в ванную, встал под душ. Воду включил чуть-чуть теплую. Вода не освежила его. Ну, вымылся, а дальше что? Он понуро стоял под тугой струей. Голова его плохо соображала. Потом она стала соображать чуть-чуть лучше. То, что во сне он увидел рядом с собой Анну, было в порядке вещей. Они прожили вместе более четырнадцати лет, и младшая их дочь Ирочка училась в четвертом классе. Но как объяснить то, что ему одновременно была явлена Вера? Первая его пассия давно жила своей жизнью, давно получила то, что хотела, и их пути, разминувшись сразу после школы, более не пересекались. Скорее всего, довольная жизнью Вера на судьбу не роптала. Он подумал, что увидит ее дней через пятнадцать, во вторую субботу ноября, которую они двадцать лет назад объявили днем встречи однокашников. Вера и ее Анатолий и были инициаторами этой зарубки в памяти.

Еще он подумал, почему сон явил ему двух милых его сердцу женщин сразу, ведь с Верой он так и не был близок. Он был близок только с Анной и ни с кем больше. Ни с кем больше – это надо же! Да признайся он в этом позавчера в гараже, его засмеяли бы! Над ним потешались бы раскатисто и долго, особенно Атаманчук. Однако то, что Анна была первой и пока единственной женщиной в его жизни, не казалось ему чем-то ненормальным. В свое время он не поспешил преодолеть дистанцию, разделявшую его и Веру, и это сделал другой юноша. Он видел себя и Веру вместе по окончании института, не раньше. Создавая семью, он должен был твердо стоять на ногах, жить на свои, а не на папины - мамины деньги. Он так считал, его так воспитали. Вере же расстояние в пять лет показалось далью несусветной, почти бесконечностью, и вскоре она объявила ему, что у нее есть другой человек, и больше встречаться им не следует. Он это переживал тяжело, в себя приходил медленно. В институте его взгляд только скользил по легкокрылым девичьим фигуркам, но не задерживался ни на одной из них. Теперь он понимал – напрасно не задерживался. Зато в гидравлической лаборатории...

«Спи, - сказал он себе, - Анна уже не твоя, Анна отрезанный ломоть, и нет никакой нужды доискиваться, как это произошло. Начнешь доискиваться и увидишь, что ты виноват в этом тоже. Ты виноват в этом больше, чем думаешь, и больше, чем она. Да, больше, больше, больше!» Он лег на спину, расслабился, но сон не шел. Час был, скорее всего, предутренний, самый тихий, и луна успела сместиться за махалинские дома. Анна ворвалась в его жизнь как метеор. Стоило ему увидеть ее, и возгорелось пламя. Он не стал ему противиться – от него было так тепло. К тому же, в нем накопилось слишком много горючего материала. А в Анне? В ней его было еще больше, она была заряжена им по самое горлышко. Ладно, стоп! Чем дальше он будет углубляться во все это, тем ему будет хуже, больнее. Не надо трогать то, что отодвинулось от него далеко-далеко.

Глава 6

Кирилл Васильевич играл в шахматы со своим начальником и попутно наводил справки. Кот, как шахматист посредственный, редко ставил его в тупик, и проигрывал он ему, когда грубо ошибался, подставляя ладью или ферзя. Подставка легкой фигуры к проигрышу обычно не вела. Они играли партию пятую или шестую, и Кирилл Васильевич наседали по всему фронту. «Кот, как, по-твоему, сколько я смогу получить за свою хату?» - спросил он партнера.

- В лучшем случае или в худшем? – уточнил Игорь Иванович.

- В лучшем случае, в случае нормальном и в случае совсем понтовом, - сказал Кирилл Васильевич.

- Ну, понтового случая быть не должно, ведь ты никуда не отчаливаешь, не торопишься. Как мне известно, цены на нашу недвижимость после недавней фигни на американской бирже расти перестали, поползли вниз, и заметно. Я думаю, это лишь начало падения цен на жилье. Так что тебе следует поспешать. Месяц назад тебе могли бы предложить сто тысяч, сегодня будет хорошо, если тебе капнут 95 – 90 тысяч. Это при известной везухе. Дадут 85 – не трепыхайся, это тоже нормально. Можно согласиться сразу, а можно и повременить. Но тогда вероятен вариант, что следующее предложение будет поменьше. Парадокс наблюдается, и я не могу его объяснить: доллар падает, а все за него хватаются, стараются при себе удержать. словно это универсальный спасательный круг. И квартиры дешевет, как и дачи, офисы. Как вся недвижимость. Ты с маклерами не общался? Могу свести – чтобы блюли твой интерес.

- Давай координаты, а я, так уж и быть, фигурку тебе подставлю, - сказал Кирилл Васильевич.

- Фигуркой захотел отделаться! Тут дело магазином пахнет. Ладно, Бог с ним, с магазином. Тащи-ка свой сухарик, а то мы одним жидким чайком пробавляемся. Сухарик у тебя очень даже приличный. Наловчился! Я даже думаю, чего это ты у нас штанишки протираешь, чего цех свой винодельческий не откроешь? Давил бы винцо из всякого фрукта с утра до ночи и в ус не дул! – Игорь Иванович временами бывал велеречив, и тогда Кирилл Васильевич его не перебивал. Правда, потом он не мог вспомнить ни одного слова, сказанного Котом – они обтекали его стороной, совершенно не задевая. Он поднялся, чтобы пойти за своим вином. – Ладно, сиди! – остановил его начальник ЖЭКа. – Мне пора, родня жены вечером должна пожаловать. Придется попотеть, угождая без надобности. Давай закругляться. Так что проси сто пять, а точку ставь на девяноста.

- А что Кулек?

- Кулек сошелся на 75, но у него три комнаты. И его уже подпекало. По первой ему давали куда больше, но он полагал, что дальше предложат еще больше, и тянул время, а дальше предлагали только меньше. Усек? Кризис – он цены на недвижимость не увеличивает, он их только уменьшает. Так что соглашайся на первое же приличное предложение.

- А как понять, что предложение приличное? – спросил Кирилл Васильевич.

- Нутром это надлежит понимать. Наитием. Ты не торгаш, ты лишен надлежащего чутья. Вот в чем дело! Будь ты торгаш, ты бы все сразу уразумел.

Этот разговор, который он хорошо запомнил, был в самом начале его беготни. На объявления в газетах и по телевидению откликались многие. Ему звонили днем и ночью, и он подробно описывал свое жилище. Точнее, расписывал, какое оно комфортное и как все в нем приведено в порядок по уму. О своих возвышенных чувствах, о своих детях он так подробно не рассказывал никому. Он расписывал в самых розовых тонах общую

планировку, ясеневый паркет и французские обои под шелкотрафарет, кафель и немецкую сантехнику. Он все это показывал, когда потенциальный покупатель изъявлял желание увидеть товар. Квартира нравилась несомненно, но цифра «сто», произносимая им в ответ на предложение назвать цену, отпугивала, словно мешок должен был открыться, а из него выйти снежный человек или кто-то, на него похожий.

Маклеры пожаловали к нему. Они просили кто два, кто полтора процента от будущей сделки, приводили двоих – троих клиентов и тихо растворялись в безвестности. Не суетились они, не напрягались – им это было без надобности. Не получится с Ивановым и с Петровым – получится с Сидоровым. Где-нибудь да выгорит, какая-нибудь рыбка да клонет, а старайся или нет, это результата не приблизит. И они не старались. Это удивляло Кирилла Васильевича. Хотя, маклеру для безбедной жизни вполне было достаточно продать одну квартиру в два – три месяца, и это у него получалось без какого-либо напряжения.

Кирилл Васильевич теперь большую часть рабочего времени проводил дома. Когда он был нужен, из ЖЭКа звонили, и он являлся по вызову через пару минут, быстро делал то, что требовалось, и возвращался домой. Смотреть его квартиру приходили покупатели с маклерами и без маклеров, привлеченные его объявлениями. Кому-то большая квартира была нужна, чтобы улучшить стесненные жилищные условия, кому-то – чтобы расселить детей, сделать подарок сыну или дочери, создающим свою семью. Кому-то – чтобы выгодно вложить свой капитал и через какое-то время, как только квартира подорожает, перепродать ее. Каждый преследовал свою цель и свой интерес, и каждый старался сбить цену, снизить планку. Для этого полагалось выискивать недостатки и хаять квартиру: и ремонт, оказывается, был произведен давно и не лучшим образом, и новому хозяину придется его повторить, и планировка недостаточно хороша, несовременна, прихожка тесновата и гостиная не велика (вот с этим уже ничего не поделаешь).

Кирилл Васильевич просил сто, ему предлагали 65, ну, 70. Один раз бизнесмен из Самарканда посулил 90 и для пущей убедительности своих намерений взмахнул пухлым портфелем: мол, сию минуту и расплачусь. Но хозяин квартиры в тот момент был согласен на 95 и не меньше, а столько самаркандец не дал. Они разошлись, а Кирилл Васильевич не сообразил записать телефон самаркандца. Прошла неделя – другая, и столько ему не предложили ни разу. Вот тогда он и укорил себя за то, что упустил момент, не разглядел своей выгоды. Теперь ему называли цену не выше 80 тысяч. Цены поплыли вниз, и очень заметно. Маклеры заявляли в один голос: поторопись, Кирюша, или выжди, ляжь на дно и повремени с продажей. Анна, однако, позвонила и несмотря на то, что он обрисовал ей ситуацию, сказала, что деньги нужны ей сегодня, а не завтра. Он понял, что повременить не получится. Новые маклеры пришли, и новые покупатели. Скоро все эти люди стали казаться ему на одно лицо. Они произносили одни и те же слова, называли примерно одну и ту же цену. Квартира, конечно, нравилась тем, кто производил смотрины. Но не ее цена. Покупатели все как один намеревались приобрести «Мерседес» или «Вольво» по цене «Жигулей». И Кириллу Васильевичу приходилось терпеливо им объяснять, что этому их намерению не суждено осуществиться, что каждый товар имеет свою цену – и никакую другую.

А Кулек дал отходную в гараже Атаманчука. Славно они посидели, вспомнили много чего. Раскрепостились. Водки откушали в свое удовольствие, и две баклажки вишневого вина. Кульку было адресовано немало добрых слов, и еще ему было сказано, что его возвращению будут рады и он не услышит ни слова упрека по поводу того, что его американская жизнь не заладилась.

- Типун вам на язык! – отмахнулся он от мрачного прогноза. Чемоданы его были собраны, на другой день его ждал самолет. О возвращении восвояси он, конечно же, не помышлял, все его надежды и помыслы были в новой жизни. Его квартиру приобрел узбек из Бухары, промышленявший пошивом каракулевых шапок. Его семья шила их и продавала сотнями – и дожила-таки до того момента, когда труд праведный превратился в хоромы каменные. Атаманчук вызвался отвезти Кульку в аэропорт. И Рашид вызвался, они даже поспорили по этому поводу. А Витя-фитиль не проявил такой инициативы. Атаманчук и Рашид бросили жребий, чья машина будет задействована, и жребий показал на Рашида.

- Смотри, не проспи! – наказал ему Атаманчук.

- Так Кулек меня подстрахует в случае чего, в соседнем подъезде живет! - сказал Рашид.

Отъезд Кулька ничего не менял и не переиначивал в жизни Кирилла Васильевича. Покупатели приходили чуть ли не по десять человек ежедневно, но никто из них не произносил решающего слова, не ударял с хозяином по рукам. Кто-то обещал привести родителей и детей, но не приводил, кто-то называл цифру совсем неплохую – 85 тысяч, например, а потом сам же от нее отрекался. Не нравилось все это Кириллу Васильевичу. Сначала просто не нравилось, а потом очень не нравилось. Какая-то несправедность была разлита вокруг самого ритуала купли-продажи, и эта несправедность его угнетала. Отсутствия Кулька на очередных гаражных посиделках он просто не заметил. Что, как? Да никак! Смотрелся Кулек в далекую страну, и ни на ком, кто остался и жил, как ему было удобно и привычно, это совсем не отразилось. Значит, не запечатлелся Кулек в их заскорюзлых душах, как человек особенный и многогранный.

«Почему все мы такие инертные, серые? – спросил себя Кирилл Васильевич. – Почему не переживаем, если кому-то плохо, если приходит беда? Вот, Атаманчук сказал позавчера, что у него нехорошие анализы и неможется ему аж с середины лета. А с их стороны не прозвучало вопроса, что не так в его анализах и из чего состоит его немочь. Могли бы углубиться в это, посочувствовать». Звончок раздался и отвлек его от грустных

размышлений. И он стал в сто первый раз повторять, какая у него замечательная квартира, как в ней просторно, тепло зимой и прохладно летом. Люди приходили, смотрели, вникали, со сказанным соглашались, иногда что-то обещали. А потом он снова оказывался наедине с собой. Продвижения вперед что-то не отмечалось.

Контейнер он заказал, и занимался им целый день. Электрик Слава подсуетился, помог, и Кот не проигнорировал это мероприятие. Руки у Кота были цепкие и плечи крутые. И двое грузчиков приехало на машине, на которой стоял высокий контейнер. Так что Кирилл Васильевич сильно не напрягался. Две трети мебели он отослал Анне и почти все книги, томов шестьсот. Комнаты сразу опустели – как и его кошелек, из которого он выложил железнодорожному ведомству полмиллиона сумов. Почему Анна сама не занялась контейнером? Наверняка он что-то забыл, недовложил, зато положил много такого, что она посчитает рухлядью и мусором. Но это уже ее заботы; ее вкус он так и не изучил до конца, а, главное, не принял. Ей нравилось все яркое и броское, и камушки разные она обожала, обрамленные драгоценными металлами. Ему же были по душе тона ровные, умеренные, а к ювелирным безделушкам он был равнодушен полностью. Ее одежда часто коробила его своей выпендренной вульгарностью. Ко дню сегодняшнему, однако, это не имело ни малейшего отношения. Опустевшую квартиру он вылизал, отдраил, чтобы нигде не было ни пылинки, ни паутинки. Но ее пустота его удручала. Она подчеркивала горькое его одиночество.

Вдруг явился маклер Ринат с тремя женщинами и одним мужчиной. Ринат был высок ростом и сложен крепко, спортивно. Он сам провел покупателей по комнатам, сам обрисовал им достоинства квартиры. Апартаменты молодым женщинам понравились. Они по ходу действия распределяли, где будут спать, как расставят мебель. Их отец был тренером национальной команды боксеров и объездил много стран. Не так уж трудно было вычислить, каким образом он сколотил нужный капитал. Он, правда, сказал, что он из Джизака и там продал отличный коттедж и магазин, но при покупке указал не ту сумму, которую выручил, а во много раз меньше. Обменялись мнениями, поторговались – и вдруг сошлись на 87 тысячах. Подписали договор о намерениях, улыбнулись друг другу. Но не радость, а опустошенность почувствовал Кирилл Васильевич, когда за удачливыми покупателями захлопнулась дверь.

В обязанности Рината входило собрать справки и выписать бывшего хозяина, и он проделал эти бюрократические операции на удивление быстро и четко. В назначенный день все и свершилось. Деньги пересчитали в банке и заключили в вакуумную упаковку, подписали договор о купле-продаже, пачка долларов перешла во владение Кирилла Васильевича. Он положил их на свой счет в том самом банке, где их утром пересчитали, и долю Анны – пятьдесят тысяч – стал перечислять ежедневными порциями по пять тысяч. Свою долю он поменял на узбекские деньги и положил под проценты. Ежемесячно ему полагалось полтора процента от 50 миллионов сумов, или 750 тысяч. Его зарплата в ЖЭКе плюс чаевые были в три раза ниже. Теперь он был безбедный человек на много лет вперед и даже мог не работать, о чем, однако, не помышлял. Своими расширившимися финансовыми возможностями, как только они открылись, не воспользовался, за черной икоркой, конфетами фабрики Бабаева, красной рыбкой семгой и армянским коньяком не побежал, все это было ему без надобности. Чем-чем, а деликатесами он никогда себя не ублажал, не выработал такой потребности. Кроссовки новые, китайские, купил себе за 15 тысяч сумов, для походов в горы и для каждого дня. Удобная это была обувь, ног не напрягала. Еще купил яблочек краснощеких и хурмы. В горы он мечтал выбраться давно и вздох облегчения испустил по завершении всей этой скучной кутерьмы с ликвидацией недвижимости.

Глава 7

Утренняя электричка везла Кирилла Васильевича в Ходжикент – горный кишлак, за которым реку Чирчик перегораживала Чарвакская каменно-набросная плотина высотой почти 170 метров. Емкость водохранилища была два кубических километра, и лучшего места отдыха, чем его берега, ташкентцы не имели. Верхний, двухметровый слой воды прогрелся и не смешивался с нижним, всегда холодным. Плавать в такой воде можно было как угодно долго. Лето, однако, прошло, точнее, промелькнуло на одном дыхании, и осень тоже кончалась, плавно переходила в зиму. Горы дальние, киргизские, так любимые Кириллом Васильевичем, теперь были ему недоступны, а доступны были горы ближние, включая Чимган, на который он никогда не поднимался, но окрестности которого знал хорошо. Для путешествия однодневного ближние горы подходили как нельзя лучше.

Пустовато было в вагоне. Туристы отсутствовали, их сезон кончился еще в октябре. Несколько седоголовых сборщиков лекарственных трав, грецкого ореха и шиповника сидели своими компаниями, и с десяток молочниц, которые возвращались домой с пустыми бидонами, были его попутчиками. Молочницы вставали рано и в вагоне сразу засыпали, а сборщики трав говорили на отвлеченные темы, скрашивая себе путь. Электричка местами проявляла высокую резвость, соперничала с легковыми автомобилями на параллельной дороге, но на участках с крутыми поворотами ее скорость гасла. Пейзаж знаком был Кириллу Васильевичу до мельчайших подробностей: предместья Ташкента, пригородные кишлаки, поля и сады, индустриальный Чирчик с лиловым парком над трубами химического комбината – парок пах остро и малопривлекательно, снова поля и сады, плотина поперек Чирчика, перемещение с правого берега на левый, въезд в долину, горные хребты, ее обрамляющие. На всех заводах, которые он видел, лежала печать запустения, разрухи. Как будто Молох войны

прокатился по заводским цехам. Не лежала у узбеков душа к заводам, зато торговый прилавок они не просто любили – они его обожали.

На второй станции от города Газалкента он вышел. Его внимание привлек пространный лес, выросший на месте давнего оползня. В чрезвычайно холодный и многоводный 1969 год в здешних горах сошло столько оползней, сколько и за предыдущие сто лет, и этот большой, полукилометровой ширины оползень был из их числа. Лес высокий вырос на его некогда коричневом языке, – алыча и боярышник, ива и дикие яблони, кусты шиповника и барбариса густо перемешались, стали чащей. Протеррасировав эти не очень крутые склоны, можно было вырастить прекрасные сады, яблоневые и ореховые. И виноград можно было посадить. В поливе такие сады не нуждались. Но сначала земля должна была обрести хозяина, а этого пока не происходило, правительство Республики Узбекистан не торопилось расставаться с государственной собственностью. На бесхозной же земле никто сады не сажал, дехкане довольствовались естественной травкой и выпасали на ней скот. Но скудная это была травка. Скромный достаток она позволяла иметь, и не более того.

До оползня, покрытого лесом, было минут сорок ходьбы, и Кирилл Васильевич зашагал сначала по асфальтированной, потом по грунтовой дороге. Прохлада предвзвья приняла его и повела. Склон полого поднимался к водоразделу. Нижнюю его часть занимал обширный яблоневый сад, а повыше располагалось поле богарной пшеницы, убранной в середине лета. Вчерашняя богара была аккуратно вспахана под новый урожай. Кирилл Васильевич миновал сад, обогнул городскую свалку, обрамленную забором, и по границе леса и богары пошел к водоразделу. Простора ему хотелось, и он окунулся в этот простор с радостью великой. Бараны и коровы выпасались на склоне, но в отдалении. Вблизи него не было ни души, и ему это нравилось необыкновенно. По людям он скучал совсем не часто – и давно уже не делал открытий в человеческой среде, предсказуемой чуть ли не на все сто процентов.

Он поднялся достаточно высоко, и дороги внизу, железная и автомобильная, превратились в узкие ленты, а река, перегороженная плотинами Ходжикентской и Газалкетской гидростанций и разлившаяся за ними, продолжала оставаться широкой и ярко блестела, отражая небо. Вся долина была освоена и ухожена, и только склоны, во всяком случае, полагая их часть, – а их площадь была очень велика, могли быть превращены в сады посредством террасирования. Горы мощно повышались к востоку. Пики Тянь-Шаня, там возвышавшиеся и не снявшие перед летом свои белые шапки, заслуживали уважения. Еще десять минут неспешного восхождения, и Кирилл Васильевич взошел на водораздел. Сай он увидел за водоразделом, глубокий и голый, почти безлесый. Тонкий ручеек змеился по его дну. По водоразделу он пошел на восток, полого поднимаясь, и шел недолго. Тут росли шиповник и боярышник, вперемешку. У боярышника с крупной желтой ягодой он остановился, попробовал ягоду, и она ему понравилась. Он наполнил ею небольшой полиэтиленовый пакет – дома пригодится. Ташкентские пенсионеры, те самые поджарые, подвижные старцы, которые ехали с ним в электричке, большие любители подножного корма, до этого дерева не добрались, и слава Богу!

Он огляделся и стал спускаться вниз. Обрыв преодолел, цепляясь за корни того же боярышника, а далее оползневый склон был вполне приемлемой крутизны, подвохов не таил и козней ему не строил. Кроны деревьев спрятали его, трава же была совсем не высокая, свежая, выросшая после недавних дождей – здесь тоже выпасался скот, подьедавший всю травку подчистую. Скот сейчас выращивал каждый дехканский дом, иначе было не прокормиться, не свести концы с концами, особенно если кто-то из детей учился в институте. Так что на склонах здешних гор давно уже не выростало столько травы, сколько было нужно для прокорма скота, который выращивал местный сельский люд. И летняя травка кругом была подьедена под корешок, а осенняя едва поднималась. Республика Узбекистан жила в основном от земли, от своей орошаемой пашни, в то время как заводские цехи большей частью простаивали, что порождало массовую безработицу и низкий уровень жизни. Более двух миллионов молодых узбеков работали в соседнем Казахстане и в России. В кишлаках не строили и не обновляли почти ничего, и в маленьких городах, таких, как Газалкент – тоже. Одна столица жировала, что было просто некрасиво на общем сером, почти нищенском фоне. В Ташкенте новые узбеки хвастались друг перед другом своими терем-теремками один изысканней другого, и не стыд, но гордость великая распирала их. А чем они могли гордиться? Тем, что перекладывали из карманов граждан в свой, и их за это не гладили против шерсти?

Кирилл Васильевич плохо понимал все эти вещи. Точнее, они плохо до него доходили: умыкалось-то от своей страны, от своего народа и от него, киралла Васильевича, в частности. Что ж, все узбеки были патриотами своей семьи и своего кармана, и даже самые высокие должности не делали их патриотами своей страны. И потому у этой страны не было не только великого будущего, но и сколько-нибудь нормального будущего. У этой страны, скорее всего, не было никакого будущего, ведь ее разрывывали, растаскивали денно и ночью. Вот и лозунг громкий «Узбекистан – государство с великим будущим», который еще недавно висел над каждым перекрестком, убрали за ненадобностью, чтобы над ним не потешались и стар, и млад. Ибо до неприличия громко все стали смеяться над этим лозунгом.

«О чем это я? – спросил себя Кирилл Васильевич. – Эх куда меня занесло! Не надо, эти дебри не для моего разума. Я пошел в горы для того, чтобы подышать свежим воздухом, а не для того, чтобы объяснять себе, почему у Узбекистана нет великого будущего». Он остановился на маленьком ровном месте под боярышником, который сбросил почти все свои листья, снял с плеча сумку, достал из нее старую куртку, постелил ее на опавшие

листья, как одеяло, сел. Посмотрел на небо – оно было синее-синее, яркое до рези в глазах. И еще оно было глубины необъятной. Блаженная тишина обволокла его. Медленно шевелились седовласые кроны, и пахло увяданием. Дожди пролились недавно, и почва успела просохнуть, но не успела отвердеть. Над противоположащим хребтом, увенчанным лиловыми скалами, висели редкие белые облака – лиловый хребет словно притягивал их. За ним начинался степной Казахстан, равнина обрывалась у берегов Ледовитого океана. В эти горы он поднимался только один раз и до вершин не дошел – увидел, что если продолжит восхождение, опоздает на электричку. Преодолев две трети пути, он повернул обратно. Ничего страшного! Его любимыми маршрутами были узкие долины вдоль рек Коксу, Чаткал, Акбулак, а также водоразделы, отделяющие Коксу от Чаткала и Акбулак от Ангреноского плато с завальным озером на нем, близ которого били горячие источники. Теперь эти реки и водоразделы принадлежали суверенной Киргизии, и жителям Ташкента простого доступа туда не было. Визу брать полагалось, чтобы посетить соседнюю страну.

Определив место стоянки, он прошелся по лесу. Деревья росли густо и мощно. Чаща это была, и кроны, свисавшие низко и переплетавшиеся между собой, ограничивали свободу передвижения. Под некоторые кроны, касавшиеся земли и очень густые, лучше было не соваться. Он возвратился к месту, где оставил куртку и сумку. Собрал хвороста, зажег огонек, и едкий дымок по-родственному его обволок. Достал бутерброды, яблоки, баклажку своего вина. Достал баклажку с водой, вымыл руки, напился. Вино же свое пил неторопливо, обстоятельно, ведь в запасе у него было часа три - четыре. От выпитого вина и еды на душе потеплело. Он лег на курточку свою старую, сначала на спину, потом на бок, так было удобнее. Веки смежились сами собой. И он оказался неизвестно где, в тридесятм царстве-государстве. Здание мрачное, недостроенное, неоштукатуренное, нависло над ним. Он вошел, стал подниматься, не считая этажей. Увидел походя, что кирпичная кладка произведена неряшливо – огрехи проступали во многих местах. Вот и последний этаж, лишенный перекрытия. Строительные леса отсутствовали, но он оказался на самом верху, на недоложенной стене, под голубым ярким небом. Как-то по стеночке и взобрался на самый верх, балансируя руками и совсем не боясь высоты.

Но на самом верху, на углу, да еще на выступе, на котором верхние кирпичи не схватились и ерзали под ним, он почувствовал неуверенность в себе сродни страху. Боязно стало смотреть вниз и куда-нибудь еще. И поворачиваться было боязно. Он попытался повернуться и начать обратный путь, но тяжело это было очень – он мог потерять равновесие. Он все же напрягся, стал поворачиваться – и увидел, что к нему поднимаются люди, каменщики в брезентовых широких робах и прораб в костюме из плотного синего ситца. Прораб походя костерил каменщиков за низкое качество кладки – и ряды неровные, и швы не той толщины, и кирпичи в кладке не так перевязаны. А каменщики шли и молчали, на прораба не смотрели, ничего ему не возражали. Да и какой им было смысл переть против очевидного? Прораб нахмурился и дал тумака одному и второму – за разгильдяйство. Каменщики поравнялись с Кириллом Васильевичем и обошли его. И прораб скользнул мимо и в упор его не заметил. И он тихо прошел мимо понурых каменщиков вниз, вниз.

Он открыл глаза, и здания недостроенного не стало. Солнце не успело сколько-нибудь сместиться вправо, значит, он едва прикорнул. Он высвободил затекшую руку, которой подпирал голову вместо подушки, лег поудобнее, хотя какое это удобство без матраца, и снова заснул, точнее, провалился в сон. Опять перед ним оказался старый замызганный дом, и он поднимался на балкончик четвертого этажа по двум длинным лестницам, составленным вместе. Одна лестница казалась массивней и надежней, но была составлена из двух половинок, а вторая, хлипкая, жалкая, едва держала саму себя, и он на ее ступеньки не наступал. Он взбирался наверх по лестнице, которая казалась ему надежной, прочной, хотя и пружинила под ним. Перил балкона уже коснулись его руки, и он грузно перевалился на балкон и перевел дыхание. Что ему было нужно на этом балконе и что его сюда потащило, он не знал. Комната за балконом была пустая и затхлая, не жилая, с толстым слоем пыли на полу и густой паутиной по углам. Он ступил в эту комнату и увидел, что на нем нет брюк. Одни трусы широкие были на нем (дома их называли семейными), зато две рубашки, нижняя теплая и верхняя парадная, но без галстука.

«Как же я спущусь во двор без брюк?» - подумал он, ища глазами, где же он повесил свои брюки. В комнате их не было, и на балконе тоже. Он посмотрел на лестницы, приставленные друг к другу, и в это время одна из них, та, которую он считал надежной, стала заваливаться, да все быстрее, но от падения на землю ее задержал соседний балкон. Теперь ему предстояло спускаться по очень хлипкой лестнице. Он содрогнулся от выпавшего ему неожиданного испытания. А брюк по-прежнему не было нигде. Он снова вошел в комнату, а в другие комнаты не пошел. Мрак там был и полная неизвестность. Мрак ему не понравился, его снова потянуло на балкон. А там уже стоял неизвестно откуда взявшийся молодой губастый и толстощекий человек в овчинном тулупе и тыкал в него пальцем: ага, попался, который кусался! «Девять тысяч штрафа за незаконное проникновение! - вальжно произнес человек в тулупе. – И милицию сейчас позову!»

Тут он заметил, что оставил на перилах балкона свой пиджак, и человек в тулупе успел покопаться в его карманах и извлек на белый свет ровно девять тысяч сумов. Именно столько он и запросил в виде штрафа. «А где мои брюки? – спросил он. – Я не могу ходить без брюк!» Он напрягся, ожидая ответа, и проснулся. Ответа так и не последовало. Вокруг него ничего не изменилось, брюки, слава Богу, были на нем, а кафтанчик – под ним, вместо одеяла. «И что означают эти затхлые дома, в которые меня заносило два раза? – спросил он себя. – Один

недостроенный, второй – брошенный, нежилой? Чем сие может для меня обернуться? Чего в этих домах мне было надо? Меня несло на самый верх, вперед и выше – но ради чего?»

Сияло солнце, и ничто в природе не давало ответ на заданный им вопрос. В природе окрест него не было неблагополучия. Но этого нельзя было сказать о его душе. Анна не с ним, не с ним, не с ним, и это, скорее всего, навсегда. Едва ли завтрашний день подскажет ей, что вернуться к нему для нее будет лучше, чем остаться с великовозрастным Геннадием Петровичем, который всегда себе на уме. А если подскажет, как она поступит? Да, вдруг спросил он себя, не его ли Анну олицетворяют два этих затхлых дома, не к ней ли он поднимался? Ничто, однако, не говорило, что он поднимался именно к ней. Но дома, в которых отсутствовал даже намек на благополучие, вполне могли ассоциироваться с его Анной, взбалмошной и скорой на опрометчивые поступки.

«И здесь нет мне покоя!» – подумал он, сделал пару глотков из баклажки с вином, собрал сумку, скользнул взглядом по деревьям, обронившим большую часть листвы, и стал спускаться. Преодолевал один крутой участок, потом второй – нигде не заскользил. Обзор сразу сузился, деревья заслонили долину. Все возвращалось на круги своя. На станции он подождал, посидел на скамейке. Вечерний поезд мало чем отличался от утреннего. Никто из попутчиков не подсел к нему, не поделился своими нуждами – заботами, и сам он тоже не сделал к ним встречного движения. Дома тоже не на что было положить глаз. Все телевизионные программы выдавали одну рекламу, ему давно опротивевшую. Он был согласен платить телевизионным компаниям, чтобы они обходились без рекламы. А в фильмах только и делали, что убивали и искали убийц. Он их не смотрел, жалел свое время. Еще неделя была отведена ему на проживание в проданной квартире, но он вдруг засобирился и в следующее же утро все свое нехитрое имущество снес вниз, в свой полуподвальчик. Электрик Слава помог ему спустить туда диван-кровать, телевизор и сервант, стол и стулья, и еще книжные полки с парой сотней книг. Все остальное было отправлено Анне и детям. Ему оставшейся малости хватало вполне. Но при случае он мог прикупить все, что хотел. Въезжайте, новые хозяева, располагайтесь! Милости прошу!

Звуки с улицы почти не долетали в новое его жилище. Зато и уличный свет, дневной свет проникал в полуподвал самой своей малостью, через узкое окно, едва возвышавшееся над землей, а солнышко сюда вообще не заглядывало, северная это была сторона. Ноги прохожих видел он в это окно, и только. Но этот тихий полуподвал куда меньше напоминал ему об Анне, чем прежняя престижная квартира, и за это он был ему благодарен. Тишину и покой он сейчас жаловал, они действовали на него благотворно.

Глава 8

Завтра должна была состояться встреча с одноклассниками – сначала в школе, которую они окончили ровно двадцать лет назад, затем в доме Веры и Анатолия, – в двух шагах от школы. Эти встречи Кирилл Васильевич не пропускал ни при какой погоде. Тяга к бывшим озорникам и озорницам, которые вместе составляли один класс, а теперь шли по жизни каждый своим путем, с годами только возрастала; наверное, на силе этой тяги сказывались дефицит общения и тоска по подростковой мало чем ограниченной свободе. Вспоминать Веру ему было приятнее, чем вспоминать Анну – измена Веры была логичнее и менее болезненна измены Анны. Да, они обе были лучезарны, как клумбы майских роз. Их лучезарность и была притяжением силы необыкновенной. Чье притяжение было сильнее, он не мог определить и сейчас. Вспоминать же Веру ему было приятнее по той причине, что он сам был виноват в ее повороте от него к Анатолию. В повороте же Анны к Геннадию Петровичу он себя не обвинял, только ее. Слишком застенчив он был в свои последние школьные годы, потому и смотрел на Веру снизу вверх – с весьма приличного расстояния смотрел, не сокращал его, и это в конце концов не понравилось Вере. С Анной он и близко не был так застенчив, она в одно мгновение зажгла его, превратила в порыв и воодушевление.

Он подумал, кто из одноклассников придет на завтрашние посиделки, а кто проигнорирует их. Человек десять должны прийти, а то и двенадцать. Но двенадцать из двадцати пяти – это всего лишь половина. Почти все, кто придет – преуспевающие ребята и яркие женщины, судьба их не обделила, как тех, кто захочет отсидеться в своих сумеречных углах. Да, не преуспевающие и тусклые не придут, они стесняются своей приземленности. Пожалуй, он один спокойно относится к тому, что он, инженер, крутит баранку слесаря-сантехника. Он не виноват, что суверенная Республика Узбекистан по причине хронического безденежья не строит сейчас ни новых плотин, ни новых каналов, и его знания остаются невостребованными. Даже Россия, при нынешних заоблачных ценах на нефть, строит только одну гидроэлектростанцию, на дальневосточной реке Зее.

Лучше всех из ребят его класса чувствовали себя давние закоперщики и заводилы Алик Аталиев и Юрий Сирота, преуспевающие врачи хирург и терапевт. Кто-то из них уже и докторскую защитил, причем без малейшей натуги. Кто, Алик или Юра? Алик – прирожденный лидер, организаторские способности так и выплескиваются из него. Ему требовалось всего пять минут, чтобы организовать футбольную баталию или вечер танцев. Он и женолюб, каких поискать. На Стасю, их одноклассницу, глаз положил еще в восьмом классе – и соединил свою судьбу с ее судьбой в одну на втором курсе медицинского института. Интересно, как Стася относится к его любовным зигзагам, как закрывает на них глаза и прощает? Умница она. Она настолько умна, что в упор не замечает его левых поворотов. Ведет себя, как будто их нет. Наверное, поэтому его приключения на

стороне никогда не перерастают в нечто большое и стойкое, мешающее его семье. Его сторонние увлечения не были поползновением и подкопом под ценности его семьи, вот какое дело. Юрий Сирота тоже женолоб, каких поискать, и тоже все обделывает тихой сапой, свои победы не афиширует. Детей же у них по двое, и точка. Интересно, если бы Алик и Юра всецело были при своих семьях, старались только для них, было ли бы у них детей больше? Конечно! Чужие поля – они для посева, не для жатвы. Для приятного времяпрепровождения, и только. И жалко, что огромное количество человеческого темперамента в этих искрометных поворотах налево гасится, превращается в ничто, в марево лиловое, далекое.

Вадим Першхайло придет обязательно. Он автомобилист, начальник большого автопарка. Его взвешенности и рассудительности всегда можно было позавидовать. Он и семьянин образцовый, юбки не коллекционировал никогда. А тоже за двоих деток не перешагнул. Юра Черноиванов, авиастроитель, самолеты давно не строит. Захирел его огромный заводиче в связи с отсутствием заказов. В свое время он настрогал столько летающих гигантов, предназначенных доставлять в края отдаленные полки десантников и их технику, что дополнительной потребности в этих гигантах давно нет. Перейти же заводу на мирную продукцию что-то не удается. Умен всегда был Черноиванов, но предпочитал не высовываться. Спина Алика устраивала его вполне. Одно время в их школе было повальное увлечение игрой в кони-рыцари: парень поменьше садится верхом на парня побольше, и – вперед на такого же всадника. Кто кого опрокинет, повергнет наземь? Алик и Юра не знали себе равных. Они всех повергали. Алик был лошадкой-тяжеловесом, а Юра отличался редкой ловкостью и хваткой. Рустам Муратов придет. Он пошел по торговой части. За партой звезд с неба он не хватал, с тройками дружил куда чаще, чем с четверками и пятерками, а в бизнесе почувствовал себя в своей тарелке и преуспел – в назидание другим преуспел, тем, кто считал себя выше и умнее его. У Рустама уже не один, а несколько магазинов, и сам он за прилавком давно не стоит, цену себе знает.

И знал Кирилл Васильевич, что непременно пожалуют Инна Матвеевская, Людочка Голованова, Ада Герасименко и Алла Битюцкова. Инна училась тихо и усердно, себя впереди других и выше других не ставила, не нужно ей это было, а специальность получила денежную – стала инженером-химиком, стопы свои направила в парфюмерную промышленность и сейчас была на коне, ведь ни одна уважающая себя женщина не обходилась без косметики. Крем для кожи, помада, духи-одеколоны – про эти товары не просто широкого, но широчайшего потребления она знала все или почти все, и ее уже приглашали в другие края и много чего сулили. На каждое такое приглашение она отвечала: «Спасибо за внимание, но мне и здесь хорошо!» У нее у одной росло трое деток, чему она тоже радовалась негромко, наверное, сглазу боялась.

Людочка кончила транспортный институт и работала в национальной железнодорожной компании «Узбекистон темир йуллари». Статная это была девица, гордичка и задавала. Издалека было видно, что она не такая, не ждет трамвая. Еще бы: гимнастка-перворазрядница, сложена образцово-показательно! Но наезженная житейская колея заметно поубавила в ней лоска и спеси, ведь исполнилось далеко не все, о чем она сладко мечтала в своем девичестве. Ее золотая медаль отнюдь не стала синонимом достатка и благополучия. Роптала ли она на судьбу, подарившую ей мужа-горовосходителя и всего одного ребенка? Роптала – в тихие предутренние часы, когда он и его команда штурмовали очередной семитысячник, а потом обзревала с него все то, что можно увидеть с такой высоты. Он, конечно, мог и дальше покорять высокие пики, но при чем здесь она?

Ада была первая подруга и первая соперница Людочки. Подругами они и остались, а соперничество сошло на нет. Своей судьбой она распорядилась лучше – кончила строительный институт, вышла замуж за приятного человека, который неожиданно для всех стал писателем. Сейчас Ада строила новым узбекам изысканные терем-теремки. Своя подрядная контора была у нее, пять или шесть строительных бригад разного профиля, и свои два грузовика для подвоза материалов. Размахнулась, ничего не скажешь! Она брала качеством, и ее услуги котировались высоко. Муж ее издал две или три книжки, но широкой известности не получил и сейчас работал в газете, что тоже не было престижно, ибо журналистам не дозволялось заниматься аналитикой, но дозволялось аплодировать каждому слову, произнесенному президентом Республики Узбекистан. Работой этой он давно тяготился, но в свою контору и под свое крылышко Ада его не брала, там она сама была хозяйка. Не один раз Кирилл Васильевич сказал себе, в прежние, конечно, времена, что не на Веру, но на Аду надо было ему положить свой глаз, ибо она никакими женскими достоинствами Вере не уступала, но была способнее и, главное, обладала более широкой человеческой сущностью, то есть почти инстинктивно тряготела к праведности. Поезд этот давно ушел, а вот вспомнить, что одно время ему хотелось успеть и на этот поезд, Кириллу Васильевичу было приятно.

Насупившись, он перебрал в памяти тех, которые не придут. Одни уехали, когда был сделан общий поворот к суверенитету и рынку – кто в Россию, кто в Америку, а Вовка Красин обосновался в далекой Австралии, женился на таитянке, производил на свет с нею деток и писал, что в Австралии славно, как в раю, только звездное небо совсем не такое, как над Ташкентом. Кириллу было жалко, что уехал Валентин Хадиков, с которым он много лет просидел за одной партией. Интересный это был человек, предельно открытый. Кавказская кровь в нем прямо полыхала (отец его был осетин). Но так полыхала, что видеть это было приятно. Улыбка его, искренняя необыкновенно, открывала бездну обаяния. Он был очень чувствителен и к доброму, и к недоброму слову. В свое время он положил глаз на Аду. Почему она не ответила ему взаимностью? Увы, ответить за Аду он

не мог. У Валентина быстро появилась другая девушка. Когда он получил первый разряд по боксу и стал чемпионом Ташкента среди юношей, ему перестали говорить недобрые слова.

Но однажды на ринге его неправильно ударили по голове, возникла черепно-мозговая травма, и пришлось делать операцию. Он оправился, но с боксом расстался навсегда. А Кирилл Васильевич в тот год сделал для себя вывод, что когда часто и сильно бьют по голове, это не есть хорошо. Сам он боксом вместе с Валентином занимался месяца два, а больше в секцию не ходил, понял, что этот вид спорта не для него. Валя рано женился и один из первых оставил Ташкент по настоянию своей жены Галины, инженера легкой промышленности. Она хотела жить в России и больше нигде. Они обосновались в Подмоскowie, и какое-то время у них все было очень хорошо. А потом у Валентина начались проблемы со здоровьем. Ранний склероз, именуемый старческим, поразил его головку. Он стал забывать, где он и кто он. На прогулках его сопровождала овчарка, без ее помощи он не всегда находил обратную дорогу. Он еще работал на какой-то малозаметной должности, но не позже чем через год его ждала полная инвалидность. И ранняя пенсия впридачу. То есть, того искрометного Валентина Хадикова, который так нравился Кириллу в школе, теперь, увы, не было, и сам Валентин в минуты просветления именовал себя старой развалиной, а в минуты более темные смиренно вопрошал: «И кто я? И где я?» Ответом ему почти всегда было молчание.

И были в их классе такие, кто ушел насовсем. Их тоже было уже не мало. Судьба отнеслась к ним немилостиво, быстро погасила их свечи. Первым, в 24 года, ушел Юра Третьяков, парень крепкий и говорун, каких поискать. Учителя были не в силах прикрыть ему ротик и отсаживали его на последнюю парту. Он хвастался, что курил с третьего класса. И его, здоровяка с объемом легких чуть ли не в два раза выше, чем у среднего человека (двухпудовочку он легко вскидывал над собой десять раз и левой, и правой рукой), поразил рак легких. Вдруг ему стало тяжело дышать. Это заставило его спохватиться. Рентген показал, что девяносто процентов его легких поражены злой опухолью. Он прожил еще месяц. Его грудь походила на вибростол, так часто он дышал. Его жена Раиса, учившаяся классом ниже, истаяла от горя и вскоре уехала в Россию. Детей они так и не успели прижить.

Вторым ушел Шура Колокольцев, борец в весе мухи (спорт в их школе любили и жаловали благодаря преподавателю физкультуры Ивану Васильевичу Реброву, который дневал и ночевал на их спортивных площадках). Шура только кончил медицинский институт и начал работать в исправительно-трудовой колонии (его туда распределили). В его дворе сосед-сварщик ставил новые шпалеры под виноград. Дело было седьмого ноября, мать уже накрыла стол, отец велел ребятам поспешать. А ацетилен что-то поступал в горелку плохо. Шура наклонился над древним неподъемным чугунным баком, в котором шла реакция между карбидом кальция и водой, отвернул кранец, прибавил воды – в баке мгновенно забурлило, тяжелая чугунная крышка резко взметнулась вверх и ударила его по лбу. Удар был такой силы, что он потерял сознание и через час был готов. Праздник был перечеркнут плачем по покойному.

Кирилл заплакал, когда узнал о случившемся; нелепость этой утраты поражала его и сегодня. Оплошность, мгновенная химическая реакция - и все перечеркнуто, нет человека. Жалко. Но ты хоть тысячу раз повтори, что жалко – ничего не изменится. Главное, какого человека не стало! И в горы ходил с ним Кирилл, в многодневные походы, и на Чирчик поплавать в стремительной майской воде, холодной, как какая-нибудь недотрога дворянских кровей, и в футбол гонял до полной отключки. И были еще утраты. Витя Артамонов спился, а Володя Рытченко утонул в Сырдарье. Пятнадцать лет непрерывной дружбы с бутылкой, и не стало Артамонова. А вот как мог Рытченко утонуть в медленной теплой реке? В их классе вроде бы не было не умеющих плавать.

С некоторых пор Кирилл считал школу и свой класс особым миром, в который память любила окунаться без всяких побуждений с его стороны. Родная гавань это была с тайными, одному ему известными уголками, которые время сделало заповедными. Причалил, и нет на плечах никаких забот, одна светлая радость в груди. Институтские годы он почти не вспоминал, не притягивали они к себе почему-то. Хотя и в институте его окружали славные ребята и девицы – кровь с молоком, отойди и подвинься! Но там уже не было той внутренней свободы, мгновенных переходов от учебы к играм и забавам, к разного рода сшибкам, выявляющим победителя (это и была высшая форма самовыражения). Как самозабвенно они резались в снежки с параллельным классом «Б», кстати, более сплоченным, и приходили на урок много позже звонка, мокрые, всклокоченные, как после забега на километровую дистанцию, но счастливые. В институте в снежки он уже не играл, не тот возраст. И много чего другого из прекрасного школьного времени не попало во времена институтские, вполне солидные – впадать в детство уже казалось им дурным тоном. А потом началась работа и семейная жизнь, и это было уже совсем из другой оперы. На этой наезженной колее, как ему казалось, мало чего было от школьной непосредственности, но много от заданности на годы вперед: вчера, сегодня, завтра были удивительно однообразны и не содержали в себе неожиданностей, парения. Романтики не стало в его жизни, и это была самая большая из понесенных им потерь.

Хотя, как сказать! Встреча с Анной была неожиданностью сверхприятной, и ее «Да» на его пылкое признание в любви, и рождение детей, и постижение ими мира, наблюдать за которым было так интересно. Он мог взять каждый год своей взрослой жизни и вычленил из него моменты и особенности, присущие только этому году. Но все равно школа чем дальше, тем больше выделялась в отдельный мир, обособливалась, звала вернуться.

Он мало чего хотел повторить из минувшего, а вот школу повторил бы с большим удовольствием. Чем-то неизъяснимо дорогим веяло от школьного мира, и чувство было: это не повторится, в детство, в юность снова не возвращаются. Чувство это мало походило на ощущение утраты. Оно включало в себя и удивление, и восхищение тем, что было, да прошло. Сложное это было чувство. И в нем в самых разных ракурсах присутствовала Вера. Она была его стержнем. С восьмого класса присутствовала, когда он выделил ее жадным, почти кричащим взглядом, и начал возводить на пьедестал. В девятом классе он возвел ее очень высоко, в десятом она уже олицетворяла собой все женское начало в природе, и он глаз с нее не сводил. А о том, чтобы дать волю своим поступкам и своим рукам, он и помыслить не мог: тех, кто на пьедестале, руками не касаются. Им выражают свое почтение издалека и снизу вверх.

Он подумал, что возьмет с собой на завтрашний вечер, как оденется. Выделяться одеждой, да и вообще выделяться он не привык, лишнее это было, а в их среде и не нужно совершенно. Одежда могла сойти самая простая, джинсы и свитер легкий или рубашечка белая, удобная и без галстука. Джинсы и галстук мало совместимы. Друг перед другом они не выпендривались: не достижениями, не недостатком своим они приходили меряться, а вспомнить, как хорошо им было в родной школе, под бдительным оком любимых учителей. Вина он возьмет своей выделки, баклажки три. А из продуктов? В подспорье такого рода Вера и Анатолий не нуждались, однако однокашники старались компенсировать все их расходы. Неловко возлагать на ближнего своего ту ношу, которую ты в состоянии нести сам. Он решил, что купит мандаринов и московской сырокопченой колбасы. Или вместо мандаринов взять коробку шоколадных конфет? Вера когда-то была большая сладкоежка. Нет, мандарины лучше, ведь он и его однокашники давно вышли из конфетного возраста.

Он по привычке опорожнил бокал «изабеллы» и скоро отошел ко сну. Сначала ему приснилось не то, чего он хотел. Горы высокие встали перед ним, крутые и лесистые до середины, а затем переходящие в отвесные скалы и лиловые утесы. Вершины гор были увенчаны белыми спрутами. Быстрая река разделяла горы на два хребта. На одном из притоков реки образовалось озеро, его обрамляли трепетные березовые чащи. Озеро было широкое и синее, в нем отражалось все, как в зеркале. «А где моя палатка?» - подумал он и почувствовал, что у него за спиной рюкзак, а в нем все необходимое для многодневного беззаботного похода. Беспokoиться было не о чем, он мог устроить привал в любом приличном месте и идти как угодно далеко. Но облако сизое вдруг стало напoлзать на солнце, большое-пребольшое, краски дня стали тускнеть и гаснуть, а краски ночи и мрака – торжествовать. Облако разрасталось и разрасталось, превратилось в тучу, занявшую полнеба, потом и все небо. Он бросился искать пристанище. Лучше всего подошла бы пещера, но ни разу в своих походах он не ночевал в пещерах, они вообще ему не встречались.

Он снял рюкзак под могучей орешинной, крона которой громко протестовала против порывов ветра силы необыкновенной. Извлек полатку, посмотрел, где ее лучше поставить. Ибо крона орешины могла стать спасительным пологом только на первые две-три минуты ливня. Две стройные березки росли неподалеку, и между ними как раз оставалось место для палатки, прикрытое жухлой травой. Он натянул полатку, а ровиком обнести ее не успел. Тут над ним громыхнуло раскатисто и ярко, небесные хляби разверзлись, и полило, как из брандспойта. Опять громыхнуло, и опять, над самой головой. По палатке застучало. Он укорил себя за то, что не остановился раньше, когда туча только напoлзала на солнце, не побеспокоился о дровах. Живой огонек сейчас одаривал бы его теплом и вниманием, ничего не требуя взамен. В палатке было совсем темно. «Дно палатки сейчас намoкнет!» – подумал он. И почувствовал, что под полатку уже подтекло. «Столько оплошностей за один раз! – удивился он. – А еще бывалый трурист!» И мрак один был перед ним. Мрак прикрыл собой все достоинства горной страны, все ее изыски и красоты.

И так бывает, увидел он. И поставил на место сумеречной горной страны Анну, а на место зловещей тучи, обильно извергающей громы и молнии – Геннадия Петровича Емелькина, новоиспеченного ее сожителя. Чертыхнулся, но от этой ассоциации не отказался. Злой, точнее, зловредный Емелькин заслонил ему чистый небосвод, и одна чернуха осталась вокруг, одна неприглядность. Надо было ждать, когда распогодится.

Он проснулся, убрал из-под головы затекшую руку, повернулся на другой бок. Мрак и тишина стояли в его подвале. Он различил только узкий оконный проем, как нечто более светлое на цельном черном фоне. Зол он был очень на Емелькина. И в то же время прекрасно понимал, что злиться следует на Анну, и спрашивать за все про все надо с нее, неверной. Горькая тоска захлестнула его. Голоса детей он захотел услышать – они препирались между собой так непосредственно! Уступить сестре или брату, – но с какой стати? Чем он, чем она лучше меня? Что ж, умение уступать, умение давать и ничего не требовать взамен приходят позже, вместе со зрелостью, как итог, принесенный методом проб и ошибок. Вот, он отдал Анну, чего ему очень не хотелось, и остался наедине с собой, обездоленным – это и есть зрелость? Вопрос был задан, но остался без ответа. Больно было ворошить все это, ибо спрашивать в первую очередь приходилось с себя. Мало, значит, зарабатывал, не накопил на машину, телевизор «Филиппс» и прочие прелести жизни. Хотя, на все остальное им вроде бы хватало. Но отчуждение между ним и Анной пролегло не от того, что он мало зарабатывал. Его давно уже раздражали до белого каления спонтанные Анины «Я этого хочу!» Её «Я этого хочу!» превышали все возможное и невозможное. Хоти, пожалуйста, это никому не возбраняется, но и сама устраивай и удовлетворяй все свои желания-хотения. Не заставляй его стелиться и напрягаться, ему не до этого. Он сдавил челюсти: к старому возврата не было и

быть не могло. Завтра вечером он опять убедится, что школьные годы не повторятся. Память лишь освежает былое, но ничего не возвращает.

Он заснул – и увидел себя на тихой улице «Первая конная», застроенной скромными одноэтажками. Сейчас она называлась по-другому, а как, он не запомнил. Дом Веры был одной из этих одноэтажек, и перед ним стоял штaketник и росли вишни и яблони, заслоня одна другую. Метрах в трехстах находился и его дом, но на улице Буденного. Чего Кирилл потерял на «Первой конной», чего ждал в великом нетерпении, подросток шестнадцатилетний? Увидеть Веру было единственное его желание. Увидеть, но не подойти к ней. Постучаться в ее окно? Упаси Боже! Конец света мог наступить, осуществи он это свое намерение, такое простое и естественное в его положении. Причем, он не мог сказать, чем Вера лучше, чем краше других девочек из его школы. Да, лучше, да, краше, но эта данность не подлежала обсуждению и разложению на составные части, такие, как объем груди, бедер и прочего. Вера притягивала его, как магнитом. Она – это все, а остальное так, придаток, чтобы высвечивать и оттенять ее неоспоримые достоинства. Он не знал, как дать ей понять, что она ему нравится; любое действие в этом направлении казалось ему грубым до оскорбления. И он только смотрел на нее издалека.

Он прошел мимо ее дома и раз, и второй, и третий, каждый раз ощущая замирание сердца, – и вдруг заметил шевеление за кружевной оконной занавеской. Она все видела, она знает! Он почувствовал, что опростоволосился. Конечно, она не подает вида, что ей приятно его внимание. А если она посмеется над ним? Пожалуйста, мол, будь добр и выбери для прогулок подальше закоулок! Он и не заметил, как оказался дома. Смятение владело им, сердце пламенело. Вера была перед глазами, Вера была везде, на чем ни задерживался его взгляд. Да, куда бы он ни обращал свой взор, он видел ее и только ее. Она возникала словно из ничего и не торопилась отступить на второй план. На гребне этой высокой волны он и проснулся. Очень хотелось продолжения, причем такого, которое отличалось бы от того, что было в реальной жизни. И он укорил себя за то, что не досмотрел сон до конца. Хотя, бывают ли у снов концы? Сны обрываются, когда им угодно – в местах самых неожиданных, когда ожидание чего-то необыкновенного и несбывшегося подогрето до точки кипения. Это как в остром футбольном матче: наши нападающие у ворот соперника, обведен последний защитник, но неизвестно, чем завершится удар по воротам.

«Вера, разве ты была такая? – спросил он у ночи. – Ты была совсем не такая!» Близилось утро, но до рассвета еще можно было покемарить, и он смежил веки. Опять явились ему пред глаза Верина улица и домик ее, обрамленный невысокими плодовыми деревьями, кажется, вишнями. Он стоял на другой стороне улицы и несколько сбоку, прикрываясь кустом. Все свои чувства он мог назвать одним словом – нетерпение. Вера могла выйти, а могла и не прореагировать на его присутствие, что она и делала очень часто. Дверь отворилась, но вышла не Вера, а ее сестра, десятью годиками младше. Глазастая шустрая девочка с красным бантиком на затылке, в нарядном платье. Она была очень привязана к Вере и готова была сопровождать ее везде. «Мы пойдем в зоопарк!» - объявила она в пустое пространство перед собой и важно вздернула головку: предстоящее событие было из разряда не рядовых. «Кто это – мы?» - подумал он. Второй человек, который должен был сопровождать девочку, из калитки еще не вышел. Он ждал, ожидание затягивалось. Девочка подпрыгнула на одной ножке, присела и снова подпрыгнула. Ее ожидание не тяготило нисколько, зоопарк обладал великой силой притяжения. «Я тоже хочу в зоопарк. Вера, выходи!» - подумал он, и тут все кончилось. Едва брезжил рассвет. Спать больше не полагалось, а полагалось начать новый день (инструкция прилагалась). Он так и поступил.

Глава 9

Так уж было заведено, что ребята приходили на ежегодную встречу однокашников (официально она называлась «Первая суббота ноября») без своих жен, если они были не из их школы, а девчата – без мужей. И то правда: для сборов более широких квартира Веры и Анатолия не годилась, надо было идти в кафе, а кафе – это казенщина и громкая музыка, мешающая говорить, это не место, где можно отвести душу, не оглядываясь по сторонам. Откровенные излияния и кафе как-то не совмещались. Однокашники сначала приходили в свою школу, а она их встречала. В вестибюле красочно одетые девочки-десятиклассницы записывали, кто они и когда кончили школу, препровождали в актовый зал, где их ждали учителя и где должен был состояться концерт художественной самодеятельности. Школа уже была не та, что при них – расстроилась, и уже не надо было учиться в две смены. Автострада широкая пролегла вдоль железнодорожного полотна и отхватила от школьного двора добрую треть, совсем его скукожила – лишила беговой дорожки и полей волейбольного и баскетбольного.

Кирилл громко приветствовал, а потом крепко обнял Алика Аталиева, Юрия Сироту, Юру Черноиванова, Людочку Голованову, Аду Герасименко. Вера и Анатолий стояли за их спинами, и Веру он не стал обнимать в присутствии Анатолия, но галантно поцеловал ей ручку. Не смутился: Вера, которая ему приснилась минувшей ночью, была совсем не та, что стояла перед ним во цвете лет своих, довольная решительно всем – своим мужем и детьми, своим служебным положением, своим завтрашним днем. Что ж, он не имел ничего против; с некоторых пор чужое благополучие он считал как бы частью своего благополучия. Легко дышалось ему в этом случае, и ни у кого ни к кому не было претензий.

Все, кого он приветствовал, выглядели ого как впечатляюще. Женщины все как одна были кровь с молоком и загляденье, а мужчины им соответствовали, особенно любвеобильные Аталиев и Сирота. Что, как, почему, и что по части намерений? Вопросы и ответы сыпались как из рога изобилия. Вадим Першхайло подошел, а потом и Алла Битюцкова. Рустама Муратова еще недоставало, но семеро одного не ждут. Важно прошествовали в вестибюль, назвали себя, улыбнулись девочкам, регистрирующим гостей – Алик Аталиев с широкой улыбкой адресовал им пару фраз двусмысленного содержания, что-то вроде удочерения, на которое девочки просто обязаны дать свое согласие. Девочки воссияли, мужское внимание с некоторых пор у них было на первом месте. Мужское внимание – это не какая-нибудь вам алгебра с геометрией и тригонометрией, не какие-нибудь синус альфа в квадрате плюс косинус альфа в квадрате, равные единице. Конечно, синус альфа в квадрате и косинус альфа в квадрате были плохи не сами по себе, а в том плане, что никто не знал, что с ними дальше делать. Прошли в зал, раскланялись с учителями.

Под охи и ахи раскланялись, попутно отмечая, что от учительского персонала, их обучавшего, осталась едва ли треть, остальных житейское море рассеяло и разбросало по разным своим берегам. Но физик Михаил Константинович был здесь, и русичка Ирина Александровна, и еще географичка Виктория Ивановна. Им запали в душу те учителя, которые их любили. Те же, для которых преподавание было обыкновенной работой, в душу почему-то не запали. Любовь, как они теперь понимали, рождала ответную любовь, а равнодушие не рождало ничего и подлежало забвению быстрому, безвозвратному. О каждом любимом учителе можно было складывать оды. А можно было обойтись и без од, без всякой помпезности, это ничего не меняло. Их образ и без од складывался очень привлекательно.

Михаил Константинович был строен и сед, и казалось, что этот первопроходец состоит из одних сухожилий. Улыбался он благостно и отечески нежно, словно пришел на долгожданный праздник жизни, и этот праздник мог оказаться для него последним. Каждый отпуск он отбывал в какой-нибудь дальний поход, покорял очередные горные хребты или сплавлялся по диким таежным рекам на надувных плотиках-катамаранах. Наверное, дымок костра сделал его кожу смуглой, как дымка горячего летнего дня. Сейчас он преподавал не в школе, а в политехническом университете, и у него было несколько патентов на изобретения. Ирина Александровна – за обаяние и грацию они звали ее «наша французенка», слегка расплылась, потускнела, и годы превратили ее в обыкновенную женщину. Она всегда горела на работе, а семьи не создала, наверное, по той причине, что ее планка была очень высока. И теперь она должна была поставить себе неудовлетворительную оценку за то, что осталась без мужа и без детей, одна-одинешенька. Смириться с этим, конечно же, было тяжело, ведь никакая работа не в состоянии заменить детский гомон и тепло домашнего очага. А Виктория Ивановна стала совсем старушкой. Белый одуванчик, и только. Но подуть на этот одуванчик не хотелось, а хотелось заслонить его от всякого ветерка, доброго и недоброго. Когда-то она вела их в дальние страны и на другие континенты. Это было необыкновенно интересно, и они внимали ей с раскрытыми ртами. Ибо узнать, что там, за поворотом, человеку важнее всего. Они постояли рядом с любимыми учителями, обменялись любезностями, вспомнили одно, другое, третье, десятое. Но пошире растечься мыслью по древу не получилось, начались торжественная часть и художественная самодеятельность.

Директрисса приветственное слово, слава Богу, не затянула, уложила в шесть минут, затем сцена ожила, девицы и парни пели и танцевали, но без душевного парения, на скромном среднем уровне. Такое обычно не запоминается. Потом свое слово сказали несколько выпускников. Блаженные улыбки разлились по лицам учителей, ведь их гораздо чаще порицали, чем хвалили. Восторгам не было конца и края. Как только официальная часть стала приближаться к финишу, Алик пустил клич: «Короткими перебежками – к Вере и Анатолию!» Конечно, были приглашены Ирина Александровна, Виктория Ивановна и Михаил Константинович.

Кирилл Васильевич без какого-либо смущения вошел в дом Веры. Это была не та времяночка на тихой улице «Первая конная», у которой он часами простаивал подростком, ожидая ее выхода и ее улыбки. Родители Анатолия построили молодым новый дом на улице Железнодорожной, в двухстах метрах от школы, комфортный, со всеми удобствами. Иногда, при хорошей погоде, столы выносились во двор, но теперь было промозгло, и все прошло в просторную гостиную. Столы уже были накрыты. Учителей дорогих посадили не вместе, а порознь, для душевного разговора. И то правда, жизненный опыт уже уравнился, и наставники и их бывшие ученики (а многие из нихправляли большими делами) теперь разговаривали на равных.

Женщина молодая и очень милостивая, яркоглазая принесла недостающие приборы; примерно такой была Вера десять лет назад. Кирилл Васильевич невольно задержал на прелестнице взгляд – и не он один поступил так. Алик эмоционально воскликнул: «Какой кадр нас обслуживает! Верочка, ты, пожалуйста, отдохай!» И у Юрия Сироты глаза, устремленные на безукоризненную молодку, стали широкими и искристыми, как автомобильные фары. «Ну, и азартен же ты, братец!» - подумал про него Кирилл Васильевич. С неудовольствием подумал, словно тот ему дорогу перебежал.

- Знакомьтесь, моя сестра Валентина! Прошу любить и жаловать! – представила расторопную девицу Вера. И Валентина всем церемонно поклонилась, а улыбка ее засияла, наполнившись неожиданной огненностью.

- По части любить и жаловать мы с Юрой великие умельцы! – воскликнул Алик. – Но такую богатую натуру я Юрию не уступаю.

- Вы, женатики, помолчите, вы налево пойдете где-нибудь в другом месте! – сказала Вера. – У нас есть женским вниманием обделенные и не охваченные, а это, сами понимаете, не есть хорошо.

- Таких наша школа не выпускала! – назидательно сказал Алик. – Я таких не знаю. Где они, покажи пальцем! Я их мигом перевоспитаю!

- Кирилл, ты у нас обделенный и неохваченный! – сказала Вера прямо. – Поэтому я посажу Валю рядом с тобой.

- Кирилл, ты везунчик, а не какой-то там обделенный и неохваченный! – сказал Юрий Сирота. – Тебе что дать, чтобы поменяться с тобой местами? Могу предложить велосипед.

- Машину, машину предложи! – возвысил голос Алик.

- Фигушку тебе! Под ручку с Валечкой я и пешком пройду по здешним переулочкам. Вспомним давние времена, а, Валя? – сказал Кирилл в тон Юре. – А тебе, Верочка, огромное спасибо за заботу и внимание.

- Давние времена у нас были у каждого свои, - заметила Валентина.

- Это уж точно!

- За встречу долгожданную! – подняла тост Ирина Александровна. – Ваш выпуск в нашей школе был самый заметный. Вам нравилось постигать мир, вы учились с милой непосредственностью юношей и девушек, у которых все впереди. Те же, кто шел за вами следом, были как-то пожиже и пониже ростом. Они были лишены проникновенной вашей непосредственности.

- Вот мы какие! – подвел итог Юра Черноиванов. – Мы самые продвинутые!

- Самые-самые! – подхватил Вадим Першхайло.

Валентина села рядом с Кириллом Васильевичем, и это очень ему понравилось. Он мигом наполнил ее тарелку и бокал, не позабыл и о своих.

- Немедленно по второй, для согрева души! – провозгласил Алик.

- Ямщик, не гони лошадей! – попросил Михаил Константинович. – Мы никуда не торопимся.

- Значит, вы не на плоту, не на быстрой реке! – сказал Алик. – Там вы ой как поспешаете, чтобы на порог не наскочить!

- Все-то ты про меня знаешь! На то ты и эскулап, - сказал физик. Простецкая у него была натура.

- Кстати, как вы все по части самочувствия, здоровья? – спросил Юрий Сирота. – Пожалуйста, не стесняйтесь. Диспансеризацию, небось, давно не проходили? Подробные анализы необходимо делать хотя бы раз в год. Приходите, я вас сопровожу.

- Придем, - пообещал Михаил Константинович за всех учителей. За медицинской помощью, однако, старшее поколение обращалось только тогда, когда начинало серьезно припекать.

- Так вы та Валечка, которая так любила держаться за Верину ручку? – вспомнил Кирилл Васильевич. – Вы та маленькая девочка, которая от старшей сестры не отходила ни на шаг?

- Я пошла в школу в тот год, в который Вера поступила в институт, - сказала Валентина. – Помните, я вам целоваться мешала! – вдруг сказала она, но не громко, не для всех сказала – для него одного. Он вспыхнул от пикантной этой подробности, так глубоко запавшей в память девочки. Всего лишь однажды он потянулся к Вере с таким намерением – когда провожал ее из парка. Они как раз дошли до ее дома, и тут дверь открылась, и выбежала ее сестра, совсем малышка. – Я знаю, что вас разъединило! – еще добавила она. Смелая она была женщина, сразу видно, одной породы с Верой. – Вы были под родительским впечатлением, что до свадьбы «ни-ни». А моя сестра не была под этим впечатлением. Правильно я говорю? – Он кивнул: Валентина уверенно брала бразды правления в свои руки. «Да это вторая Вера! – удивился он. – Вот, ведь, какое дивное сходство характеров и привычек! Стопроцентная копия!»

- Хватит шептаться! – остановил ее Алик. – Мы сюда для чего пришли, чтобы по углам разбегаться? Валюша, Кирилл нанесет тебе визит вежливости завтра же, и тогда вы сможете позволить себе все то, что сегодня по понятным причинам исключается. Договорились? А сейчас слово по кругу, и каждый говорит о том, что его в минувшем году припекало, а что радовало. А мы будем взвешивать, чего было больше. Сопереживать и сострадать разрешается! Сопереживать и сострадать приветствуется!

Алик Аталиев был природным томадой и не позволял застолью облечься в неорганизованные рамки. И потекло-поехало! Юрий Сирота, оказывается, защитил докторскую диссертацию, а Алла Битюцкова – кандидатскую. Юра Черноиванов проводил в последний путь отца: инфаркт миокарда. Вадим Першхайло ушел из большого автомобильного треста, который просто распался на свои составляющие, и сейчас наводил порядок в одной частной транспортной конторе. По зарплате это было лучше а по тем впечатлениям, которые в душе откладывались, хуже. Рустам Муратов пообещал всем присутствующим хорошую скидку в своих магазинах. «Почти задаром одену и обую всех вас!» - заверил он.

- Почти задаром, или совсем задаром? – поинтересовался Алик. Он был большой мастер вставлять палочки в колеса. Ада Герасименко первая стала бабушкой. Сынок восемнадцатилетний ее осчастливил. «Не стыдно быть бабушкой, но стыдно спать с дедушкой!» - немедленно выдал по этому поводу Алик. Он и Ада

росли по соседству, и он знал ее сызмальства. У них были частые стычки за верховодство, и в жены Алик присмотрел себе совсем другую девицу, не настырную, нежную, в упор не замечающую все повороты Алика налево. Ада бы таких поворотов не потерпела.

- А как чувствуют себя в наше костоломное время старики-пенсионеры? – спросил Рустам. Учителя замялись. Михаил Константинович преподавал в политехническом университете физику и имел несколько патентов на изобретения. С патентов своих, однако, он не имел почти ничего, а за преподавательскую работу получал такой мизер, что хватало ему впритык, на самое необходимое. Ирина Александровна тоже еще преподавала – и жила на свою учительскую зарплату тише воды и ниже травы. Одна Виктория Ивановна получала пенсию – и все вдруг увидели, что ее одежде лет десять – пятнадцать. Даже на великой моднице (по прежним временам) Ирине Александровне одежда и обувь были далеко не новые. «Рустам, нам в твоих магазинах скидки делать не обязательно, а о наставниках наших позаботься по полной программе! Заметано?» - сказал Алик. Рустам кивнул, как о само собой разумеющемся, и тотчас записал телефоны учителей.

Вдруг все обратились к осбытию совсем недавнему. В России, в славном приволжском городке Жигулевске летом погиб их однокашник Геннадий Козлов. Он поколесил по России, пока не зацепился за Жигулевск. Его взяли в мэрию главным землеустроителем города, квартиру пообещали дать к зиме, а на первое время выделили комнату в коммуналочке. Его соседкой по коммуналке была одинокая женщина с ребенком. Мужичок к ней хаживал невзрачный, вернувшийся с отсидки. И Гена стал захаживать к этой мадам запросто по-соседски. Мужичку это не понравилось, и он улучил момент и ударил Гену сзади утюгом по голове. Изо всех сил приложился. Несчастный приполз в свою комнатенку и свалился замертво. Дело было вечером в пятницу. В субботу и воскресенье соседка к нему не наведася, хотя знала о случившемся. Хватились его на работе только в понедельник – и застали в беспамятстве и в луже крови. Жена к нему прилетела, прекрасный врач.

И только после этого его начали лечить по всем правилам. А до этого за ним лишь приглядывали: выкарабкается – хорошо, не выкарабкается – такова его доля. Прооперировали его, но время было упущено, он не выкарабкался, умер через двенадцать дней. Перед супругой покаялся, только ей от этого не легче. Семья Козловых осиротела. Две дочери-старшеклассницы остались. Мужичку, саданувшему Гену по голове, дали совсем немного, пять лет. Бытовая, мол, разборка, ревность попутала. Россия не очень-то привечала и жаловала русских из ближнего зарубежья, о протянутых руках и доброжелательности и речи не было. Хотя ее население сокращалось ежегодно на полмиллиона человек, рождаемость оставалась ничтожной, и со стороны государства не было заботы, чтобы ее повысить.

Что ж, кому-то ходы налево сходят и даже делают честь, а кто-то отчитывается за них по полной программе. Это сказала Ада. И еще сказала, что ей очень жалко Гену, он был такой неприкаянный, домашний! «У него была улыбка ребенка!» – поддержала ее Милочка Голованова. «Он меня и Веру на саночках катал! Он ведь наш сосед был!» - вспомнила Валентина.

Шестой или седьмой тост был провозглашен. Вино Кирилла Васильевича шло «на ура», особенно вишенка, вкус вишни сохранившая полностью. Юра Черноиванов и Вадим потребовали у него рецепт, поинтересовались подробностями, пообещали поделиться собственной вишней. Сумбурно и громко стало за столом. Выговориться теперь хотел чуть ли не каждый, и слушателей на такое количество ораторов явно не хватало. Далеко не к каждому раскрытому роту было приставлено внимающее ухо. Даже вечного молчуна Вадима Першхайло раскошегарило, потянуло на откровенность. Кирилл и Валентина воспользовались этим и снова зашептались.

- Ты почему остался один? – спросила она. – Расскажи, если это не военная тайна. Мне интересно!

И Кирилл Васильевич удовлетворил ее любопытство, не выпячивая ничью вину: в семейной жизни чего, мол, не бывает! Валентина, в свою очередь, поведала о бедах, разрушивших ее семью. Муж, бедолага – она поначалу в нем души не чаяла, но скоро поняла, что очень его переоценила - пристрастился к спиртному, потом к наркоте поганой, сел на иглу, и передозировка остановила его сердце. У нее началось умопомрачение, и лишь предельным усилием воли она его погасила. Будь ее воля, она бы без всякой жалости ставила к стенке каждого наркодельца: губишь человеческие жизни, обездоливаешь честной народ – отвечай! Как в Китае. Там с наркодельцами не церемонятся, ловят и отстреливают, как бешеных собак. Девочка осталась у нее, Кариночка, семи годиков. Смышленная очень! Читает и пишет, все схватывает на лету. А, главное, послушна и ласкова, словно благословление свыше дано ей. Премилое создание! Что она бы без нее делала? Остудела бы и очерствела, или вслед за муженьком полоумным вниз покатила.

- А мне это надо? – задала она вопрос. – Мне это близко не надо!

- Познакомь! – попросил он тогда.

- С кем? Подругами на этот счет не располагаю!

- Ты и вправду на одном заиклена, как Аталиев и Сирота! С Кариночкой, главным своим творением, и познакомь!

- Всенепременно, - пообещала Валентина. И волна блаженства накатила на нее – к ее любимочке было проявлено внимание. – Нельзя ли нам тихо ретироваться? – спросила она. – По-моему, нам самое время раствориться во мраке ночном!

- Это пожалуйста. Минут через двадцать! Учителя это уже проделали, а я не помню, сказал ли каждому из них «До свидания!» или нет. Скоро начнется самый сумбур, тогда и отчалим!

Тогда она кокетливо коснулась его плечом, а он опустил ладонь на округлое ее колено и почувствовал, что тугое ее бедро прижалось к его бедру. И у нее, значит, давно уже не было того, чего не было у него. И она, значит, элементарно соскучилась по твердой мужской руке на своей обнаженной талии. Подъем он почувствовал и раскованность. Новые неведомые пространства открывались ему, и он ощутил притяжение, от них идущее. Наклонился и заглянул в глаза Валентине. Бесенята озорные роились там в большом количестве. «А с тобой хорошо, привольно!» - сказал он.

- Скоро и я узнаю, хорошо ли с тобой, - сказала она с вызовом. – Моей сеструхе в свое время с тобой было не очень хорошо. Но ты все понял и исправился.

- Надеюсь, что понял.

Еще был провозглашен тост, за школьное братство.

- Почему никто не танцует? – удивилась Вера. – Толя, вруби что-нибудь школьное! Знаешь, что? Танго «Брызги шампанского!»

Толя тотчас подсуетился, бравурное танго всех вымело из-за стола. «Война казалась мне какой-то шуткою, и незаметно в плен немецкий я попал!» - пел тенор Яков Козловский, давно сошедший со сцены жизни. А знаменитость была какая! Да, в незабвенном 1941 году в немецком плену оказалось около пяти миллионов советских солдат и командиров, большинство из которых никакого уважения к советской власти не питало и надеялось, что с приходом немцев станет не хуже, а лучше. Иначе как объяснить тот факт, что только за две недели сентября подняли вверх руки шестьсот тысяч советских солдат под Киевом и шестьсот тысяч под Вязмой? Но очень быстро народ прозрел и увидел в фашистах захватчиков-поработителей, считавших славян презренной низшей расой. Все в корне изменилось: война при том же оружии приобрела другой характер, немцы столкнулись с русской непреклонностью и осознали, что поход на Восток был роковой их ошибкой. Фашистов погнали от Волги до Берлина.

«Ты отвлекся, ты не со мной! – услышал он слова Валентины. – Не отъединяйся!»

Он сразу напрыг руку, лежавшую на ее талии, а она прижалась к нему грудью и отпрянула, прижалась и отпрянула, имитируя соитие.

- Так мы и до кровати скоро доберемся! - шепнул он ей на ухо.

- А что, слабо, как с Верой? – ответила Верина сеструха. Озорно так ответила, интригуя. Она была вполне просвещена по части жизни старшей сестры и прекрасно помнила, когда и в чем оплошал ее визави.

- Как с Верой – это дела давно минувших дней, преданья старины глубокой, - ответил он, не вдаваясь в подробности.

- Тогда отчаливаем, - предложила она.

- Ко мне или к тебе? – поинтересовался он. Выбирала она – его удовлетворял любой вариант.

- Лучше ко мне. Кариночка моя вполне самостоятельный ребенок, сама ужинает и спать ложится, но мне спокойнее, когда она рядом.

- Заметано. К тебе – это куда?

- На Сарыкульскую, это километр отсюда. Пойдем пешком.

- Угораздило же тебя жить рядом с психушкой!

- Это не страшно, там забор высокий и на окнах решетки. Страшно жить рядом с психом неизлечимым, а у меня долго была такая жизнь.

- Извини – напомнил ненароком. Больше не буду.

Фокстрот грянул быстрый, темп танца взвинтился. Кирилл Васильевич заметил, каким пристальным взглядом одарила его сначала Ада, затем Милочка Голованова. Одна Вера делала вид, что ничего не замечает. И тогда он понял, что Валентина – ее подстава. Помнит ведь, что потеряла – так пусть не чужая какая-нибудь, а сестра родная это подберет! Тихой сапой они скользнули за дверь, во двор, а потом на улицу, в ночную промозглость. И сразу свернули в тихий переулок с редкими фонарями. Он вел ее чинно, под руку. Но у раскидистого дуба в два обхвата остановил ее и поцеловал страстно. Привлек к себе и не отпускал. «Не здесь!» - сказала она тогда. Он разжал объятия, они продолжили путь. Шли молча, общего прошлого у них еще не было, а во днях вчерашних все было свое, обособленное, и этого лучше было не трогать. Куда сильнее их влекло то общее, что уже намечалось.

- И на сколько тебя хватит? – вдруг спросила Валентина без малейшей стеснительности; собственница в ней уже поднимала голову. – На раз?

- А это будет зависеть от твоего поведения, - ответил он. – На такую, какая ты сейчас, меня хватит на тысячу и один раз. Но за твою непредсказуемость я не ответчик. Вдруг ты окажешься вздорная и страшно брыкучая, выступать начнешь! Я сразу снимку.

- Я не вздорная и не брыкучая, я хорошая, - сказала она, плечиками подернула и повернула в тупичок совсем крошечный – двоим не разминуться. Калитка отворилась и пропустила их. «Давай на цыпочках, девочка спит!» - попросила Валентина. Они вошли в дом, не потревожив воздуха. Это жилище и прежде не знало

изысков, а теперь доживало свой век в полной невзрачности. Кариночка сладко спала и посапывала, раскинув руки поверх одеяла. Все ее куклы были приставлены к стене, одежда висела на подлокотниках кресла. Аккуратная это была девочка, воспитанная. Понимала, что маме надо помогать. И очень жалко стало Кириллу Васильевичу непутового ее отца, который так рано свел все счета с жизнью.

- Редкой выделки у тебя ребенок! – сказал он. – Почему один?

- Так еще не вечер, - ответила Валентина. – Мы чем сейчас заниматься будем? Тем, что имеет прямое отношение к продолжению рода, твоего и моего. Будем стараться, чтобы у Каринки появились братик или сестра. Если, конечно, ты даешь на это свое согласие.

Кирилл Васильевич понял, что его крылышко над Валентиной будет простираться долго-долго.

Но сначала они заварили чай и почаевичали. Кириллу Васильевичу очень нравилось смотреть на эту молодую искрометную женщину, а Валентине нравилось быть предельно откровенной. Паясничая и рисуясь, она оставалась сама собой. «Все-то ты про себя знаешь!» - сказал он ей после второй пиалы чая.

- А что, у тебя от себя есть тайны или какие-то зачатки? – удивилась она. – Давай не будем – не будем – не будем! – Она встала рядом с его стулом, посмотрела ему в глаза и, не прекращая заглядывать в глаза, кокетливо повела плечиками и торжественно села ему на колени. – Теперь я твоя, а ты мой. Если я правильно тебя понимаю.

Он провел ладонью по ее телу снизу вверх и сверху вниз, задержал ладонь на груди и сказал: «Одежда мешает. Потопали в кроватку!» Она потянула его во вторую комнату, совсем небольшую. Зажгла свет и, едва он осмотрелся, сориентировался, где кровать, свет потушила. Зашуршала одежда, спешно сбрасываемая на пол. Ее нагота была трепетной и долгожданной. Они прикрылись чем-то легким. Как давно у него этого не было! Разве что в первые дни с Анной у него было что-то похожее. Но тогда он постигал все то, что теперь без стеснения называют сексом, тогда он был подготовишка, а теперь имел право воспользоваться накопленным опытом. Ему казалось, что он на высоте; Валентина обволакивала его со всех сторон. Первый раз промелькнул, как грозовая вспышка. Зато второй раз был долгим, но отнюдь не изнурительным; Кирилл и не подозревал, что в нем заложены такие богатые способности. Валюша страстно постанывала, легко подлаживаясь под его темп и во всем ему помогая. Экстаз был похож на приливную волну, вознесшую их высоко-высоко. «Все, я зачала! Спасибо тебе!» - прошептала она и долго-долго не разжимала страстных объятий.

Потом они просто лежали, прильнув друг к другу. Он гладил ее голое тело, ладное, упругое, горячее, к какому месту ни прикоснешь, а она потворствовала ему встречными движениями, без спешки подталкивая его к третьему разу. Шептала: «Ты мой, а я твоя – это судьба, это навсегда!» А он шептал ответное: «Согласен, чтобы навсегда. Из какого сна ты ко мне пришла? Вчера ты приснилась мне крохотулей маленькой с красным бантиком на головке. Ты вышла на улицу и сказала, что пойдешь в зоопарк, а тот, кто должен был пойти с тобой в зоопарк, так к тебе и не вышел. Интересно, было ли с тобой такое?» Она подумала и сказала: «Было перед школой, отец повел меня в зоопарк. Я так этого ждала! Предвкушала, что попаду в неведомый мир, и была полностью права. Там было удивительно интересно! Но правда ли, что я тебе вчера приснилась, или ты это сейчас придумал?»

- А ты чего хочешь? Чтобы это была правда, или чтобы я придумал?

- Хочу, чтобы это была правда. Придумывать и я большая мастерица. Неожиданное – оно всегда лучше, чем то, что мы получаем по разнорядке!

- Смотри, мы верим в судьбу! – он удивился и обрадовался одновременно. – Повторяю для непонятливых: вчера мне приснилось, что ты пришла ко мне. Сегодня вещей сон исполнился.

Сон почему-то не шел, сна не было ни в одном глазу. Вдруг он понял, что небывалое везение пришло к нему без какого-либо усилия с его стороны. Притекло в должный час, как заповеданное свыше. И этот подарок он мог назвать только подарком судьбы. Вчера еще не было ничего, даже предвкушения не было, а он был зажат в узком промежутке и окружен одним серым пространством, давно ему опротивевшим. И все переменялось в один миг, как в сказке - интересно, по чьему такому велению и хотению? Удержать и сохранить, - вот в чем состояла его задача. Ибо ни о чем лучшем он и мечтать не мог. Она ждала его, жаждала прямо. А он? Предвкушал ли он то, что к нему привалило? Мечтал и надеялся, это было. Но мечтал, как о чем-то нереальном. Ведь не выстрадал он это счастье – и, значит, не заслужил. А Валентина тоже провела ладонью по его позвоночнику – и ощутил он, что не гладкая была ее ладонь, узловатая, мозолистая. Ладонь труженицы, которая много работает руками.

- А у тебя мозоли потверже, чем у меня, - удивился он. – Ты кто по профессии?

- Угадай! – предложила она.

- Каменщиком ты быть не должна. Штукатур?

- В каком-то роде. Я наводчица марафета – гладильщица в доме быта. Целый день стою с утюгом. А утюг чем тяжелее и горячее, тем лучше гладит. Раз провел по одному месту, и шик-блеск. Шов на брюках, как лезвие. Уразумел?

- Проверю на практике. Я, знаешь, редко глажу свои брючки.

- Знаю. Тебе ведь не для кого стараться!

- Что касается дня завтрашнего, то ты уже не права. Ты сама подсуетилась, чтобы мне было для кого стараться.

- Во дне завтрашнем о твоих брюках позволь мне позаботиться.
- Позволяю. И кормить меня вкусными обедами позволяю. А я буду все, что нужно для вкусных обедов, домой приносить.

Ничего, вроде бы, не произошло, безмятежность нахлынула, вознесла над недавней суетой, и через некоторое время он почувствовал, что его потянуло на третий раз. Так призывно и трепетно она к нему прильнула. Так нежно, так ласково – ну просто цветочек аленький, покрытый утренней росой, прикоснулся к его губам и одарил небесным ароматом. Мать честная, вот это женщина! Да она олицетворяет собой все женское начало в природе! И она его движение к ней почувствовала тотчас же. Обвила его ручками и ножками, грудью прижалась и животом, губами нашла его губы, выражая великую готовность принять ей предназначенное. Паши, пахарь! Сей, сеятель! Минует положенное время, и быть тебе жнецом! И он вошел в ее лоно, удивляясь, что сие возможно еще раз. Анну он, кажется, трехразовым вниманием не устаивал никогда. Раскрепощение наступило полное. Валентина позволяла ему все-все и требовала от него всего, на что он был способен. На сей раз прелюдия к оргазму была долгой-долгой. Он подстегивал себя – ожидание не оправдывалось. И она подстегивала себя. Наконец, он затих и напряжился. И она замерла, предвкушая единение двух природообразующих начал, женского и мужского. Мгновение было высоким, как седьмое небо.

- Ты сам себя превзошел! – прошептала она. – Теперь ты мой до конца дней моих.

- А ты – вторая женщина в моей жизни. Вторая и последняя. Если ты согласна. Юбки я не коллекционировал никогда. Узнаю, что у тебя есть кто-то помимо меня – расстанемся сразу. Тебя такая раскладка вещей устраивает? – спросил он.

- Я на все согласная, лишь бы ты был со мной.

- Договорились! Закрепим сказанное бокалом вина.

- Прямо сейчас? В два часа ночи?

- Сию минуту. С этой минуты ты – моя жена, а я – твой муж.

Он на руках понес ее к столу. Вина в доме не нашлось, но отыскалась бутылка водки, давно початая. Выпили совсем по чуть-чуть, за закрепление союза. Поцеловались, сплели руки и пошли баиньки. Их слегка пошатывало. Веки смежились сами собой. Вдруг услышал он слова ребенка: «Мама, вставай, я иду к Марии, она меня ждет!» Он открыл глаза: голова была тяжелая-тяжелая, медленно соображающая. Девочка стояла перед их кроватью, худая, не улыбаясь; синяя школьная форма была на ней и белый фартучек. Слова ее были обращены к матери, а глаза неотрывно смотрели на Кирилла Васильевича. Ей было непонятно, кто он такой и почему спит вместе с ее мамой.

- Кариночка, здравствуй! – сказал он ребенку. – Мне мама рассказала про тебя, и я знаю, что ты очень хорошая.

А Валентина уже протягивала к девочке руки. День начинался с забот самых обыкновенных, ведь домашние заботы-хлопоты и работу никто не отменял.

Глава 10

Валентина встала проводить дочь к подруге; у нее у самой, несмотря на воскресенье, день был рабочий (отдохнет в понедельник). Муторно ей было уходить спозаранок, но что делать? Один Кирилл Васильевич никуда не торопился. Да пусть сегодня хоть туза бубнового залива, он не пошевелится. И кто его здесь разыщет? Время словно замедлило свой ход. Ему не хотелось двигаться, что-то делать, куда-то идти. Сладкая ночь выжала его и лишила дееспособности. И то правда, такой феерической ночи любви у него еще не было. Он лежал, не шевелился, слушал негромкие голоса в гостиной. Валентина покормила дочь, быстро собрала, что-то дала с собой. На минуту заглянула в спальню. «Эти ключи твои! – сказала она и положила ключи от дома на туалетную тумбочку. – Хозяйничай! В холодильнике, правда, не богато, но ты извини! Ни в чем себя не стесняй. Я пошла – провожу Карину к подруге и покачу на работу. Приду в шесть, вместе с Кариной. Она может прийти и раньше, у нее свой ключ. Тогда покормишь ее. До вечера!»

Она поцеловала его, а он был вял и апатичен – едва ответил. Даже не обнял ее сколько-нибудь крепко. Заснул, как только Валентина захлопнула за собой дверь. Сон ему приснился – бухта, уютный кусочек теплого моря, обрамленный мшистыми скалами, песчаный пляж с тремя кипарисами и палаткой под ними. В палатке почивала Валя, утомленная его ласками. Лежала в чем мать родила, блаженно раскинув ножки и ручки. «Пусть спит!» - подумал он и вошел в воду, ласковую, как утреннее солнце. Температуры воды не почувствовал. Поплыл брассом, ритмично погружая лицо в воду. Вдох – выдох, вдох – выдох! Гребок руками, рывок ногами. До противоположного высокого берега было вроде недалеко, но он почему-то не приближался. Дно просматривалось так отчетливо, словно вода была совершенно прозрачная. Но не рыбок быстрых и не медуз студнеобразных увидел он под собой, а нечто неожиданное – старинные города, маленькие, как с высоты птичьего полета, окруженные крепостными стенами, и крошечных людей, которые занимались своими делами. Они куда-то шли и что-то делали, работали, жили, довольствовались тем, что сами и создавали.

«Что это за люди в воде, что за страна?» – спросил он себя.

Люди были остролицие и длинноносые, похожие на ассирийцев с древних фресок. «Эк куда меня занесло! – подумал он. – Меня занесло во времена, о которых я ничего не знаю!» Поле он увидел и медленных упитанных волов, тащивших деревянный плуг. И сад увидел, в котором цвели диковинные деревья и вилась щедрая виноградная лоза. Цветов на деревьях было столько же, сколько и листьев. «Райская земля!» - догадался он. И увидел, что не доплыл даже до середины бухты. Повернул назад. Валентина могла проснуться, и ему хотелось, чтобы в этот момент он был рядом с ней. Его отсутствие ей могло не понравиться. А он не хотел, чтобы что-либо в его поведении ей не понравилось. Но проснулась не она, проснулся он. Голова уже не зудела, как рано утром. Голова, можно сказать, была в порядке, жить было можно. Ого, уже полдень! Это сколько же излишеств он позволил себе минувшей ночью? Но как прекрасны были эти излишества! Прекрасны до изнеможения. Сексуальный марафонский забег это был, вот что это было. Он потянулся, понежил себя, и словно вновь погрузился в эти излишества, сладкие-сладкие. Она, конечно, была хороша неимоверно. Несказанно она была хороша. А он? Как она постанывала, как изгибалась под ним! Как принаравливалась к каждому его движению! И как жаждала продолжения! Он собирался в комок, и продолжение следовало.

И что теперь делает его Валюша? Гладит чьи-то штанишки и рубашечки? Да пропади они пропадом, сгори ясным пламенем! Он это поломает и переиначит завтра же. Пусть его заработок и невелик, но его доходы от всего прочего перекроют все расходы этой семьи. Во! Пусть она научится кроить и шить и работает дома, соседущек обшивает. Пусть занимается индивидуальной трудовой деятельностью!

Он умылся, а побриться было нечем. Не велика беда, побреется завтра. И пусть Валюша нынешней ночью поколет розовые свои щечки об его щетину. «Нынешней ночью – а смогу ли я?» - подумал он, и сердце сразу замедлило свой ритм. Уверенности не было, так основательно он выложился. Теперь пора оглядеться, где он и что перед ним.

Он обошел скромное жилище Валентины. Кухня, как кухня, побелена лет семь назад. Махонькая, конечно, и без встроенных шкафчиков, без каких-либо прибабасов. Газовая плита с двух комфорок, столик шаткий – он же и шкафчик для посуды. Две полочки полупустые. Холодильник ЗИЛ, отечественный первенец, Валькин ровесник. Или его ровесник? Древний и безызышный, но почти пустой. Он это поправит, затарит порожний ЗИЛок. Столовая, она же и гостиная, она же и спальня для Карины. Ее кровать – за ширмой в дальнем углу. Стол нераздвижной, стулья, сервант очень давний, полупустой. Два окна, занавески похожи на простыни, бывшие в употреблении. Нет телевизора, и нет телефона. Положим, телевизор он привезет свой, а по поводу телефона придется побегать, сунуть в лапу телефонистам, чтобы пошевелились. Или лучше сразу на мобильник потратиться? Мобильник всегда при тебе – удобно и престижно. Все у Вальки не просто скромно, все сверхскромно, еще раз отметил он. А что он ожидал увидеть? Совсем недавно здесь жил хронический алкоголик и наркоман, и он не просто ополовинил все то, что составляло достаток его семьи – он свел его к минимуму. А потом захлебнулся в собственной блевотине. Что потянуло его при такой женщине к наркоте поганой? Дружки незрячие? Ладно, со временем ему откроются все эти горькие подробности.

Он заглянул в спальную Валентины – теперь это будет и его спальня. Железная кровать, дряхлое трюмо. Встроенный шкаф. Он сразу поинтересовался, как у Вали с обновками, распахнул створки шкафа. Там было почти пусто. Он почесал затылок и вернулся в гостиную. Еще одна дверь вела куда-то. Он открыл ее и увидел третью комнату. Она давно уже не использовалась по назначению. Крыша над ней прохудилась и протекала, а залатать ее у Вали не было ни сил, ни средств. Потолок, соответственно, прогнил и темнел подтеками, и пол совсем прогнил в тех местах, куда сильно капало. Боязно было наступать на такие досочки! Кровля и вся деревянная часть здесь нуждались в полной замене. В углу, где не подтекало, стояли ящики с яблоками. Яблоки, как он понял, были свои, доморощенные. «Так-так-так! – подвел он итог. – Это сколько же мне вкалывать? Выдюжу, однако. Вперед, Кирюша, вперед!»

И так же кропотливо он оглядел двор. Кладовка замыкала двор, тоже не новая, и будка туалета. Водопроводная колонка торчала перед домом. «Все удобства во дворе!» - констатировал он. Ничего страшного. А где ванная? Не было ванной, и баньки не было. Значит, и об этом придется позаботиться. Распахнул дверь кладовки. Уголь в ней лежал черной горкой, и дрова, высокая поленица. Значит, печь-голландка, или контрамарка, по старинке отапливалась угольком. Ведро угля поверх горящих дровишек, и в обычную погоду тепла хватает на два дня, а в холодную – на день. А что за деревья произрастают во дворе? Две яблони в соку он увидел, одну урючину средних размеров, одну черешню преклонного возраста. И вишенка росла вдоль забора, в количестве шести стволов. Не густо, но и не пусто. Перед домом стояли шпалеры из ржавых труб, обвитые корявой виноградной лозой. Цветы нигде не росли, и не было их у дорожки, ведущей к двери в тихий и узкий тупичок. Айвана во дворе тоже не было, и он решил, что поставит его между яблонями и урючиной. А у айвана сложит очаг, чтобы живой огонек всегда был под рукой. Заводить ли им собаку? Об этом они подумают вместе. По нему, так живого огонька вполне достаточно.

Итак, какой будет его первая забота? Надо наполнить холодильник. Забота вторая – привезти свои вещички. Забота третья – перебраться сюда насовсем, вместе с мебелишкой своей нехитрой и всеми пожитками, именуемыми скарбом. Задача четвертая – привести все в этом домике в надлежащий порядок, то есть порушить старье прогнившее, преобразовать его в комфорт, а если удастся, то и в изыск, ласкающий глаз. Он нашел сумку

большую и сумку маленькую и стал ориентироваться, где тут магазины и базарчик. Магазины были там, где улица поворачивала направо и начинался квартал многоэтажек. И еще магазины были в противоположной стороне, у развилки, где начиналась улица Сырыкульская, а трамвайная колея раздваивалась, и одна ветка устремлялась на Куйлюк, а вторая – на Тезиков базар. Квартал многоэтажек был поближе, и он направил стопы к нему. Отоварился, сыра купил и колбасы докторской, сахара и макарон, масла растительного и сливочного, молока и печенья. Подумал – и купил еще риса и гречки. Теперь можно было возвращаться. За овощами он сходил к трамвайной развилке, купил картофель и лук, морковь и свеклу. Еще груш купил янтарных и мандаринов, пусть женщины полакомятся. Уже дома увидел, что забыл про мясо. Снова сходил к многоэтажкам, купил баранины и курочку.

Взгляд его упал на бочонок с норвежской сельью. Пара селедочек тоже будет кстати. Подумал, что хозяйка будет довольна. Съездил к себе за вещичками, одежду зимнюю сложил в один чемодан, летнюю – в другой. Побрился. Решил также забрать телевизор и видик, сервиз фарфоровый на шесть персон и еще часть книг. Баклажки с вином сложил в полиэтиленовые пакеты. Нанял такси и через пять минут разгрузил все это добро перед тупичком Валентины. Похвалил себя за то, что быстро управился. И вдруг увидел, что не договорился с ней обо всем этом, не заручился ее согласием. А если она будет против? Что ж, тогда он заберет свои вещички назад, только и всего. Базара не будет. Но все восстало в нем против этого варианта, к старому возврату он не желал ни при какой погоде. Второе подряд крушение – за что, за какие такие грехи?

Перекусил, чайку попил – после вчерашних возлияний еще не проголодался. Подумал, чем же порадовать Валюшу и Карину. «А сотворю-ка я кавардачок!» - сказал он себе и принялся за дело. Почистил картошку, морковь, лучок, обжарил баранину, затем обложил ее овощами и поставил тушиться на медленный огонек. Включил телевизор. Без антенны он ничего не показывал, антенна осталась на прежней его квартире. Вспомнил старый анекдот. Василий Иванович зовет своего неизменного ординарца и помощника Петьку, который зачем-то полез на крышу: «Петь, а, Петь, ты чего это там делаешь?» - «Антенну натягиваю, Василий Иванович!» - «Антенна! Имя-то какое звонкое, не нашенское! Кончишь натягивать - познакомь!» Улыбнулся. Съездил домой еще раз, привез круглую алюминиевую тарелочку с какой-то изюминкой посередине. Повесил над окном, сориентировал на телевизионную вышку, провел в форточку проводок, подсоединил к телику, и экран волшебю ожил.

Так-так-так! «Спасибо» если не от Вали, то от Кариночки ему обеспечено. И всего за пятнадцать минут управился. От котла потянуло приятным парком. Еще немного, и газ можно выключить. Он почистил селедку и обложил ее кружочками лука. Лук полил уксусом и присыпал черным перчиком. Селедочницу водрузил на середину стола. Заварил чай, а чайник фарфоровый накрыл плотным шерстяным колпаком, чтобы не остывал. Рядом с чайничком поставил вазу с печеньем. Что еще ему надо сделать?

Тут и Валентина пожаловала с Кариной. Увидела, что их ждут, что им рады, что для них постарались. «Мама, у нас пахнет чем-то вкусным!» - сказала Карина и запрыгала на одной ножке, довольная. «Я тут похозяйствовал немного без твоего разрешения, ты уж извини!» - сказал он Валентине. И погрузился в счастливую ее улыбку, безбрежную, как море. Она обняла его, как своего суженого. Глаза ее сияли, и слов было не надо. Ужинали неспешно. Кавардачок и селедочка, конечно, были похвалены, как высшее кулинарное чудо, хотя таковыми не являлись. Кариночка прямо прилипла к телевизору. Мультфильм как раз показывали, и она смотрела, зачарованная, на разных шмокодявок, которые все делали, как велели мама и папа. Телевизор ее папочка профукал четыре года назад, за несколько порций героина отдал, и она успела забыть, что это такое. Смотреть телевизор у подруг стеснялась, уже понимала, что бедность свою выпячивать не следует.

- Ну, как, приветствуешь мою самодеятельность, или есть какие-либо замечания? Тогда слушаю тебя внимательно! – сказал он.

- Я не ожидала, что ты так постарайся. Шла домой и думала, что приготовить, как выкрутиться при пустом холодильнике. А ты обо всем побеспокоился. Для себя, небось, ты так не крутился! Я отвыкла, чтобы обо мне заботились. Все сама, кругом сама. Знаешь, от твоей доброты у меня слезы наворачиваются. Спасибо тебе за то, что у нас все ладом и добром начинается, - сказала она. Нисколько не рисовалась, от души говорила. И чувствовалось, что то тепло, которое пришло к ней, было новым в ее душевном состоянии. Непривычно ей еще было, и очень неожиданно.

- Тогда давай о завтрашнем дне поговорим. Хватит тебе на уютюк налегать. Увольняйся, будем домик в порядок приводить. А чтобы в домике все было, это на мне, это теперь моя забота. Справлюсь. У меня накопления есть, они нам помогут. Хату свою я в аренду сдаю, все нам подспорье. Ты отделкой жилищ когда-нибудь занималась? Штукатурила, малярничала? Нет? Научись, я тебя к сведущим людям приставлю. Это денежнее, чем чужое бельишко дни напролет уютюжить. Не хочешь малярничать? А кроить и шить хочешь научиться? Найду тебе учителя со стажем. Но сначала ремонт сделаем. На следующей неделе и приступим. Две комнаты, где живем, прямо сейчас отремонтируем, а третью, с худой крышей – летом, когда с неба капать не будет. Балочки, стропила поменяем, кровлю настелим железную, под черепицу. Чтобы сто лет на нас не капало. Подвальчик оборудуем. И баньку поставим, с ванной и сауной маленькой. Рядом с кладовочкой. Окей? Или я что-то не то говорю?

- Это сколько же будут стоить такие преобразования? Лично я деньгами не располагаю.
- Это на мне, это тоже мои заботы. В нашем завтрашнем домике все нам должно нравиться.
- Ты меня прямо на руках носишь.
- А почему бы и нет, если ты этого достойна? И у Кариночки будет своя комната, хватит ей спать за ширмочкой.

Ему было интересно наблюдать за девочкой с тонкими косичками. После ужина она помыла посуду. Оказывается, убирать со стола была ее обязанность, и она ее выполняла не просто безропотно, а словно уроки делала после школы – без малейшего принуждения. Горячей воды в доме не было, и воду согрели в большом чайнике, а потом использовали для мойки посуды. Тарелки и ложки мыли в специальном тазу, а грязную воду выливали в помойное ведро и потом выплескивали во двор куда подальше. Канализацией в этой части города и не пахло. «Водопоглощающий колодец! – подумал Кирилл Васильевич. – И водонагревательная колонка!» Это был выход из положения. Ремонтных дел и забот накапливалось до подбородка. А Каринка, домыв посуду, села перед телевизором, как перед диковинкой, умеющей захватывать воображение. И он подумал, что надо книжечки ей присмотреть, детские, полные картинок, и следующие, приключенческие. Пусть привыкает к чтению тоже. Сам он к книгам пристрастился, наверное, в пятом классе, и потом уже не мог без книг, не представлял без них жизни. Проглатывал по книге в день. А сейчас у молодежи пристрастие к Интернету. Что ж, Интернет побольше любой библиотеки. Он вобрал в себя все, заслуживающее внимания.

«Какая славная девочка! – еще подумал он о Карине. – Какая послушная!» Его Ирочка и Георгий в ее годы были совсем не такие. Их внутренний мир был ориентирован на них самих, и только. Рядом с Кариной они выглядели большими эгоистами. Когда они чего-то хотели, они становились как неменяемые. Их заикленность на собственных желаниях-хотениях была феноменальная. «Я этого хочу!» - и все. И свет сходится клином на всем остальном. Переубедить их было бесполезно. В это время любые доводы отскакивали от них, как горох от стенки. Потом, правда, они соглашались, что вели себя неподобающим образом. Но очень нехотя соглашались, не по внутреннему убеждению, а чтобы отстали от них, не теребили наставлениями, от которых тошно. Карина росла совсем другая. И, ведь, не воспитывали ее по-особому, не носились, как с писаной торбой.

- Прекрасная у тебя девочка! – сказал он Валентине. – Как тебе удалось сделать ее такой послушной?

- Не поверишь, но она очень рано стала сопереживать мне, вникать в мое положение. Ее послушание – от старания помочь. В этом плане она действительно редкий ребенок.

- Надо будет повести ее в зоопарк. В следующее воскресенье, хорошо?

- Сходите вдвоем, ладно? А я приберусь, постираю.

Ко сну они отошли после одиннадцати, и все это время Валентина не сводила с Кирилла Васильевича восторженных глаз. Она нашла то, что искала, и это же он мог сказать про себя. Ночью, однако, он к ней не прикоснулся, это было выше его сил. И она, со своей стороны, не проявила ни малейшей настойчивости. Попрдержала свои ласки. Всему свое время. Она теперь прекрасно знала, что он с ней, что его от нее не убудет.

Сон ему приснился очень даже неожиданный. День был осенний, прохладный, неяркий, не солнечный. Очередь длинная, сермяжная стояла в продуктовый магазин, как в давние советские времена, когда вдруг на прилавках появлялись сыр и сосиски, а то и конфеты кондитерской фабрики «Красный Октябрь», и возникал всеобщий ажиотаж. Очередь нервничала, ведь на всех дефицитного товара могло не хватить. Кто-то лез вперед, и таких осаживали, стыдили. Большинство проявляло терпение. Анну он увидел в этой очереди, и Валентину, которая стояла сразу за Анной. Жена бывшая и жена нынешняя знали друг про друга все-все, и старались свое знание друг про друга передать в мимике лица, в выражении взгляда. У Валентины это получалось выразительней, эмоциональнее. И то правда, она приобретала, чего нельзя было сказать про Анну. До Анны все еще не доходило, что ее потерю следует считать утратой.

Как только очередь приходила в движение, Валентина делала быстрый шаг в направлении Анны. Напористый это был шаг, он очень походил на наскок, и той приходилось пятиться. Причем ни та, ни другая не произносили ни слова. Слова им были без надобности, ведь они читали мысли друг друга. Каждая ставила соперницу много ниже себя; без этого, наверное, не происходило самоутверждения. Телепатия, и только! И, ведь, не ревность двигала ими. Ревновать – с какой стати? Анне Кирилл давно был без надобности. Пройденный этап он был для нее, вчерашний погасший день. Лысый Геночка застил ей теперь красное солнышко. Вот это и не нравилось Валентине. Анне полагалось знать, что она потеряла, и переживать. И Валентина пыталась внушить ей это. Кирилл принадлежал ей до последнего своего волоска, и она не просто гордилась этим, она выпячивала это, как высшее свое достижение. Ее взгляд был донельзя красноречив, только Анна почему-то не смущалась и не уходила в глухую защиту.

А очередь медленно втекала в магазин. Со скоростью два шага в минуту втекала. И дважды в минуту Валентина делала напористый шаг в сторону Анны, как бы тесня ее к магазинным заскоружлым дверям. Шаг этот уверенный словно утверждал ее правоту. «Милые, о чем спор?» - хотел было сказать им Кирилл, но язык ему не повиновался. И вдруг очередь зашевелилась вся, взволновалась, всколыхнулась, ойкнула и разом отхлынула от магазина. Все, точка – дефицита на прилавках не осталось никакого, одни заскоружлые макарончики, сахар и

маргарин. Анна и Валентина растворились в этой толчее без следа. «Однако! – сказал он себе, чувствуя, что уже не спит. – И что сие означает?»

Сие, скорее всего, не означало ничего. Валентина лежала с ним рядом – протяни руку, и обнимешь горячую и гладкую ее спинку, а до Анны было несколько тысяч километров. И, главное, в нем и мысли не возникло, чтобы место Валентины снова заняла Анна. Нет, нет и еще раз нет! Ни за что на свете! Анна свой выбор сделала, а он с ее выбором согласился. На горло собственное наступил, но согласился. Теперь же все обстояло по-другому. Анны больше не было в его душе, и не надо было ей приходить к нему во сне, беречь старое. Мысль его внезапно перенеслась на другое. Ему захотелось встать в очередь до ее распада между Анной и Валентиной. И посмотреть, как они себя поведут в его присутствии. Анна, скорее всего, демонстративно отвернулась бы и губки скривила, выказывая полное свое пренебрежение. А Вавлюша взяла бы его под руку и всех одарила торжествующим взглядом собственницы. Слов, опять же, было не надо.

Глава 11

Жизнь потекла совсем другая, содержательная, интересная. Стержень в ней теперь был, и состоял он из любви и забот о новой семье. Валентина по первой же просьбе Кирилла Васильевича оставила свой дом быта, несколько об этом не сожалея, и стала подсоблять мужу в облагораживании жилища. Сначала они прикинули, что и как, съездили на рынок строительных материалов, приобрели обои, пиломатериалы. Рашиду, который прирабатывал столярным делом, Кирилл заказал новые двери и рамы, а также полочки для кухни и столик под телевизор. И началась неспешная работа. Старые полы были разобраны и выдворены в кладовочку. Доскам было лет тридцать, и они сильно подгнили и гнилились разве что на дрова. Кирилл подумал – и заменил балки и лаги тоже. Пусть все будет новое, добротное. С балками пришлось повозиться, в стены они были вмурованы основательно. Кирилл Васильевич пригласил в помощники электрика Славу, и вдвоем с помощью ломика и кирки они выковырили старые балки и водворили на их место новые. Покорячились, но осилили поставленную задачу. Перед тем как особенно напрячься, они принимали на грудь по стакану вишнепочки или сливяночки, после чего любая трудность им покорялась с первого захода.

На работу Кирилл являлся теперь по вызову. Выручали его мобильный телефон (пришлось-таки приобрести) и велосипед. С велосипедом он подружился в подростковые годы и потом не расставался. Не престижно, зато надежно, и на бензин тратиться не надо. Крутить педали полезно для здоровья – это он тоже уразумел. Вызовы в ЖЭК, однако, были не частыми. Раз, ну, два раза в день приходилось отвлекаться, устранять очередное недоразумение. Кот, то есть Игорь Иванович Котиков, прямой его начальник, все понимал и лишних вопросов не задавал, а сам подсоблял, где нужно. Годы совместной работы естественно перетекли в доверие и взаимное уважение.

Новые полы, выверенные по уровню в идеальную плоскость, понравились самому Кириллу Васильевичу. Они лежали на прочных балках и не пружинили. Он содрал со стен и потолков старую штукатурку, державшуюся на честном слове и отлетавшую огромными кусками, оштукатурил их заново, отшпатлевал, выпуклостей и впадин не оставил, потолки побелил, а стены оклеил обоями. Обои были высшего качества, французские, шелкотрафарет. При включенной люстре они блестели и переливались, как белое шелковое платье на красной девице. Валентина во всем ему помогала. Она понимала мужа с полуслова и тотчас исполняла сказанное. Спрашивала, если чего-то не знала или не умела. Все новое схватывала на лету. Такого идеального помощника у него еще не было. Работа была ей в радость еще больше, чем ему, ведь преображался не чей-нибудь, а ее дом. К новому году кухня и две комнаты сказочно преобразились. На потолки, стены и полы было приятно смотреть. Чем могла, помогала и Карина. Ее старание было совсем не детским и, главное, искренним. «Никогда не думала, что мой дом может стать таким замечательным! Никогда не думала, что буду жить в такой красоте!» - удивлялась Валентина. Преображение третьей комнаты и замена кровли были отложены на лето. Но айван во дворе Кирилл Васильевич поставил в намеченном месте, а подле него сложил очаг. И баньку возвел, с отдельной печкой, ванной и сауной – из жженого кирпича, как положено. Баньку примкнул к сараю. Увидел, что сарай и банька, стоящие рядышком, смотрятся, как гнилой зуб рядом со здоровым – и за день разобрал сарай, развалил его глиняные стены, а за три дня сложил новые и покрыл шиферной кровлей. Теперь банька и сарай смотрелись, как одно целое.

- Что, молодочка, опробуем сауну? – предложил он Валентине.

Сказано – сделано, заяц трепаться не будет. В печи, покрытой черным лаком, заплясал, заметался веселый огонек, и вскоре в сауне, крошечной, как келья, и такой же сумрачной, стало сто градусов тепла. Столько и было надо. Они разделась в теплом предбаннике, сели на горячую скамейку. Поерзали, привыкая к горячему. Ее попка, конечно, была нежнее, и она ерзала дольше. Посмеялись по этому поводу. «А про пиво-то мы забыли!» - сказал он. И тогда они вспомнили древнюю мудрость, что когда хочешь всего и сразу, это не получается. А получается потихоньку и постепенно, сначала одно, потом второе и третье. Вскоре с них обильно закапало.

- И что ты мне скажешь? – спросил он.

- Люблю, - сказала она и прильнула к нему горячим плечиком. Прильнуть к нему всем телом было бы слишком жарко.

Они посидели еще минуту, распарились и вышли в предбанник. Ай, хорошо, кто понимает! Еще бы бассейн был рядышком или хотя бы бочка с холодной водой. Первая часть обширной программы капитального ремонта была выполнена в полном объеме.

- Что я тебе скажу! – обратилась к нему Валентина и широко, счастливо улыбнулась. – Нас скоро будет четверо. Ты доволен?

Он привлек ее к себе и поцеловал нежно-нежно. А второй раз войти в сауну не разрешил. Подумал, что маленькому человечку в ее чреве стоградусное тепло может не понравиться. И еще подумал, что очень давно ему не было так хорошо, как сейчас. Но мысль перекинулась на детей, которые были с Анной, не с ним, и это помешало полной мерой вкусить от привалившего к нему счастья. Георгия и Ирочки очень ему не хватало. Второй раз он вошел в сауну один. И ощутил себя на полуденном солнце, только без солнышка горячего над головой. Тепло обволакивало его со всех сторон, выжимало пот, проникало в каждую пору тела. Тепло выкручивало его, как тряпку. И откуда в нем столько воды? Вот это банька! И Котика он сюда пригласит, и Славу-электрика. Потому что хорошие они ребята. И гаражных ребятшек пригласит, но в другой раз. Ибо в сауне свои должны сидеть со своими. Раскованность должна присутствовать, иначе банька не пойдет не впрок.

Так, значит, ему снова предстоит стать отцом. В третий раз. Если бы он знал, как отблагодарить судьбу за этот подарок, он бы это сделал непременно. В первый раз он не готов был стать отцом и не знал, с какой стороны подойти к крошке Жорику, как поменять пеленки, как взять мальчика на руки, чтобы головка не провисала. Во второй раз он уже кое-что умел и готов был на две трети. Ирочка его руки не отличала от материнских. Сейчас он был более чем готов, он прямо предвкушал это событие. Затеяв большой ремонт, он предвидел крик новорожденного, пеленки и ползунки. Ради этого он и старался. Летом преобразование домика завершится. Правда, его сбережения отощавают почти наполовину. Что, пристроить еще одну комнату? Аляписто получится и несуразно. Не बारे они, им и трех комнат хватит. А его полуподвальчик продать или повременить? Кризис – не лучшее время обмена недвижимости на шаткий доллар. Ого, он перестал потеть! Значит, пора в предбанник, а то можно и перегреться.

Валентина все еще сидела, ждала его. Он снова поцеловал ее, не одетую. Нежно-нежно поцеловал. И подумал: когда живешь в радости, времени не замечаешь. Удивляешься только, что дни летят, как будто ими выстреливают из пулемета. Банька была испытана дважды, все в ней оказалось справное, все по уму. Можно было закругляться. Он еще раз окинул взглядом тесный предбанник и печку горячую, три четверти тепла которой уходило в сауну. Вроде бы, поправлять и доделывать ничего было не надо. «Пошли, почаевичаем!» - пригласил он супругу. Карина делала уроки, и он проверил, правильно ли она складывала и вычитала. Девочка не ошиблась ни разу, цифры прописывала четко, и он похвалил ее за старание и усердие. Чай пили втроем. Смешинка какая-то попала в розовый ротик Кариночки, и она то и дело заливалась смехом долгим, переливчатым, и лукаво посматривала то на маму, то на дядю Кирилла. Они охотно ей вторили, а в чем причина ее смеха, не доискивались – какая разница? В обновленном доме все радовало глаз, и всем было хорошо.

Ночью, в постели, когда Валентина привычно потянулась к нему, он спросил: «А нам еще можно?» - «Доверься мне, я знаю, до каких пор будет можно», - сказала она. И все было, как прежде, разве что в объятия свои он не вкладывал прежнее усердие. Теперь, правда, им было достаточно и одного раза. «Ты кого хочешь, мальчика, девочку?» - спросил он. Он знал, что она скажет: девочка у нее уже была. И услышал: «Мальчика хочу. Но и против второй Каринки возражать не буду, славная она у меня».

- Славная, - согласился он. – Слушай, в кого она у тебя такая правильная? Такая работящая? Не в тебя – это уж точно. И не в отца непутевого – ты уж прости, что я его таким словом поминаю. В кого, а?

- В дядю чужого, - сказала Валентина, чтобы он поерзал. И он заерзал и отодвинулся. Она засмеялась: «В меня Кавриночка, конечно! Я тоже умею быть паинькой, особенно когда рядом ты».

- Так ты себя принуждаешь, а у нее все само получается. Я и то улавливаю разницу в твоём и в её поведении! У нее все от души идет, от ее естества.

- И улавливай! Получается, что не она с нас, а мы с нее пример брать должны.

- Черт-те что получается! – согласился он.

- А что касается принуждения, ошибаешься ты: я нисколько себя не принуждаю! Сама удивляюсь тому, как много я обрела.

И вскоре сон закачал его на медленных своих волнах. Сначала он плыл по морю синему на маленьком суденышке с одним парусом на невысокой мачте черного цвета. Потом сошел на берег, и ручей быстрый повел его в лес и дальше, дальше. Идти по лесу березовому, пронизанному солнцем, было одно удовольствие. Птички разные летели впереди него, как бы показывая путь, и пели-верещали неизвестно о чем. Поляну он вскоре увидел раздольную, а на поляне – ромашки и васильки, которые легкий ветерок наклонял в его сторону. Три березы росли на середине поляны, отмежевавшиеся от леса, а под ними шалаш стоял аккуратный, с очагом перед входом. Старец степенный вышел из шалаша и приветствовал Кирилла, как доброго знакомого. Получалось, что старец ждал его, ему же ничего об этом старце не было известно. «Анисим Антипович!» - назвал себя старец и

поклонился, а Кирилл в ответ назвал себя и поклонился ниже, выказывая глубокое почтение. Две колоды стояли близ очага, и старец сел на одну, а Кириллу показал на вторую. И сразу же огонек заплясал в очаге, запереливался желтыми бликами, хотя никто его не зажигал и дров в очаг не подкладывал.

- О чем говорить будем? – поинтересовался Анисим Антипович, и Кирилл удивился бездонной синеве его глаз, их привораживающей пронзительности. Иные миры стояли за этими глазами, и они далеко не во всем совпадали с миром Кирилла.

- Обо мне речь поведем, о том, что мне во дне завтрашнем начертано. О людях. О человечестве – что у всех у нас впереди, – сказал Кирилл, подумав.

- Что ж, за маленьким ко мне не приходят, – сказал старец. – Садись и слушай. Водичка сначала испей из этого кувшинчика, она на внимание настраивает.

Он кувшин достал глиняный и ковшик берестяной, наполнил его и протянул Кириллу. Отхлебнув из ковшика, Кирилл ощутил во рту прохладу, а более ничего не ощутил, какого-либо вкуса прозрачная родниковая водичка не имела. Он обратил лицо к старцу. Теперь он весь был внимание и почтение.

- Ты, Кирилл Васильевич, один из многих, один из миллионов, сошка не мелкая и не крупная, среднего пошиба и размера. Так что большого плавания у тебя не будет, не предназначен ты для него. Но ты несколько по этому поводу не переживай – довольствуйся тем, что выпало на твою долю. А большего тебе и не нужно. Ведь так?

- Не нужно, и слава Богу! – сразу согласился Кирилл, ибо увидел рядом с собой Валентину с заметно округлившимся животом.

- Правильно мыслишь. Ты уже много чего умеешь, и это хорошо. Главное, ты привык никому не делать плохого, это у тебя, можно сказать, в крови. Это основа твоей праведности. Ты ничего ни у кого не отбираешь, ты привык к достатку, основу которого составляет твой труд, твоя работа. Это тоже правильно. И тут я ничего не собираюсь добавлять к тому, что у тебя есть, но попрошу тебя и дальше следовать по этому пути. А близким твоим тебе надо будет уделять много больше внимания. Осознать тебе надо будет, что для них ты живешь. Твои близкие – это всецело твоя забота, но и твое умиротворение, твое душевное спокойствие. Могу сказать – это твое счастье.

- Принимаю с благоговением! – согласился Кирилл.

Старец невозмутимо продолжил: «Про то, сколько лет и зим у тебя впереди, я говорить не должен, но тебе будет приятно узнать, что правнуков ты дождешься и начало их жизненного пути проследишь. Теперь ко второй части твоего вопроса перехожу. О людях ты спросил. Человек ты наблюдательный и с понятием, так что о своем ближайшем окружении знаешь достаточно, чтобы жить в людской среде в мире и согласии. Ты не забияка, не нахал, не пивочка липучая, друзей-приятелей уважаешь, и не друзей тоже, чужое манение ставишь не ниже своего, и людям нравится, что ты воспринимаешь их такими, какие они есть, не стремишься их переименовать. С которыми тебе не по пути, ты их инстинктивно сторонись, и это тоже правильно. Заповеди, которым тысячелетия – не укради, не лги, не завидуй, не прелюбодействуй и другие, ты соблюдаешь без напряжения. Ты согласился с ними во младенчестве, и это большой плюс тем, кто поставил тебя на ноги. К нелюдям у тебя тоже отношение нормальное – ты считаешь, что им не место в человеческой среде. И правильно, терпеть их рядом с собой не надо, они настроены разрушать все праведное и плодить себе подобных. Главное же, они творят зло в неограниченном количестве. В целом, люди и десятилетия спустя останутся такими же, какими ты их видишь сегодня. То есть, индивидуальное начало в них не поменяется ни на какое другое. Человеческая природа консервативна, и это можно считать как преимуществом людского рода-племени, так и его недостатком. Я, по зрелому размышлению, считаю это положительным качеством».

- То есть, семенам добра в людях не дано прорасти быстро? – спросил Кирилл Васильевич и наклонился к старцу, ловя каждое его слово.

- В целом – нет, не дано. И исключения из правила погоды здесь не делают. Третья часть твоего вопроса самая интересная. Человечество – как долго будут сохранены национальные кварталы, как долго цивилизации христианская, мусульманская, буддистская, конфуцианская и другие будут искриться, соприкасаясь друг с другом? С одной стороны, набирают силу процессы, имя которым – глобализация. Единое мировое экономическое пространство – это уже не мечта межнациональных корпораций, это реальность, которая будет консолидироваться и укрепляться, а положительно ты относишься к этому процессу или отрицательно, особой роли не играет. Перед межнациональными корпорациями распахиваются любые двери. Потому что у них деньги. Потому что у них новые технологии. С другой стороны, каждый русский в глубине души хочет и дальше оставаться русским, китаец – китайцем, араб – арабом, и так далее. Значит, национальные устои и ценности вступают в противоречие с ценностями общемировыми. Единый язык – его пока нет, но на его роль претендует английский. Единая религия – ее тоже пока нет, и ее надо создать. Самое время сейчас создать ее! Ее можно создать, исходя из того, что Бог един, а заповеди ведущих религий практически нетленны и всех устраивают. В веке двадцатом представлять Бога по-разному и верить в Бога по-разному не подобает, это вчерашний день. Но религии всего консервативнее и будут стоять за себя наперекор здравому смыслу. Почему бы не созвать мировой религиозный собор из представителей всех религий, общественности, философов, и не поручить ему

выработать единую религию, которая бы вобрала в себя все лучшее из религий сегодняшних и явила бы нам Создателя в свете сегодняшних, строго научных представлений о Мироздании? Это давно назрело, но кто, скажи, к этому готов? Мало кто готов.

- Значит, единый язык и единая религия – это то, что ждет нас завтра? – спросил Кирилл Васильевич. – А как долго сохранятся границы? Как долго просуществуют государства со своими силовыми и не силовыми структурами? Не перейдут ли их функции к Организации Объединенных Наций? Логично, если единое экономическое пространство сформирует и единое гражданское пространство. Только как оно совместит народы богатые, находящиеся на острие технического прогресса, и народы бедные, замыкающие человеческую колонну, народы, которым из дня вчерашнего в день сегодняшний еще идти, идти и идти? Народы, которым день вчерашний всего милее?

- Я не сторонник поспешать со всем этим. В новом тысячелетии перемены и так опережают наши способности воспринимать их, приравниваться к ним. Я, например, не единое человечество вижу в конце двадцать первого века, а новую цивилизацию, параллельную с человеческой или довлеющую над ней. Компьютеры и роботы – вот ее главные действующие лица. Сначала роботы научатся воспроизводить себя, а потом захотят отпочковаться от человека. Ведь они превзойдут человека во всем, и не просто превзойдут, а по всем статьям превзойдут. Потому что в памяти у каждого из них будет весь набор человеческих профессий и вся Ленинская библиотека, вся академия наук. И что дальше?

Кирилл поежился от этих пророческих слов, проснулся и снова поежился, уже наяву. Про «дальше», обозначенное старцем Анисимом Антиповичем, лучше было не думать. Перспектива уступить жизненное пространство внукам и правнукам роботам ему и в голову не приходила. Он еще не видел ни одного робота, хотя знал, что японцы в их создании премного преуспели. Зато он знал про компьютеры, какие они умные и на что способны. Компьютеры давно уже вмещали в себя информацию обо всем на свете и выдавали ее по первому требованию. Они вполне подходили для того, чтобы стать мозгом роботов, а все прочее было делом техники. Во дне завтрашнем, роботами заполненном, он знал, все будет разительно по-другому, и прогноз старца – отнюдь не гадание на кофейной гуще, а предвидение, насыщенное горечью. Вполне может статься так, что человеку (его правнукам, например) совсем не надо будет работать. Труд, создавший человека, станет прерогативой других существ, созданных человеком. Существ, основу которых составит не органическая жизнь, а думающее железо (или думающий кремний, германий, скандий – какая разница?). Тут было над чем поломать голову. Или пусть этим занимается отшельник Анисим Антипович, кстати, ликом своим не похожий ни на одного из известных ему людей? Очень жалко, если наступит день, когда к человечеству перестанет притекать. А роботы такой день вяют человечеству непременно.

Станный ему приснился сон. Станный в смысле страшный. А если цивилизации человеческая и роботно-компьютерная будут близки и неразделимы? Все-таки, о родителях положено заботиться, и на роботов это не ляжет тяжелой ношей. Ведь, прежде чем отпочковаться, они переймут от человека все его эмоции. Эк куда его занесло, в какие дали поднебесные! Точнее, в какие дебри! Судьба человечества... Все во Вселенной имеет свое начало и свой конец, и сама Вселенная тоже. Так заповедано свыше. Только что-то существует часы и дни, что-то – годы, а что-то – миллионы и миллиарды лет. И миллиард лет для какой-нибудь звезды то же самое, что и минута для какой-то бациллы. «А о цивилизацию роботов я споткнулся более чем серьезно, - подумал он и увидел, что опасается углубляться в эту бездонную тему. – Нет, не светел завтрашний день человечества с роботами на его острие, совсем не светел. Тогда что, не строить роботы, не заполнять ими шахты и рудники, заводские цеха? Не поручать им убирать мусор, обхаживать стариков и больных? Но кто на это согласится, кто это санкционирует?»

Валентина заерзала и повернулась на другой бок. Ее ножка привычно легла на его ножку, и он почувствовал, что ее ножка теплее. Он сделал встречное движение, совсем небольшое, и она тотчас его повторила. «Так ты не спишь?» – услышал он вкрадчивый шопот. Более она не произнесла ни слова, но прикинула к нему чуть-чуть теснее. Он не сказал ей о гоношистом старце и его пророчествах, но положил ладонь на ее спину, медленно повел вниз и задержал на упругих ягодицах. Старец Анисим Антипович устремился в даль несусветную, из которой возник в подходящий момент, и стал в ней медленно растворяться. И правильно – путь со своими пророчествами держится подальше, от них одна головная боль. Соитие было не быстрым и не очень страстным, но удивительно гармоничным, приятным. Ему нравилось стараться для нее, а ей – для него. «Я еще поплю!» – сказала она виновато. Он посмотрел на оконный проем. Кажется, уже брезжил рассвет. А, может быть, и нет – в пасмурный день рассвет запаздывал.

Глава 12

Рашид Ямбулатов привез на стареньком своем «Москвиче» грузного Атаманчука, почему-то совсем отрешенного и понурого, и еще рослого и жилистого Витю-Фитиля, вполне жизнерадостного. А Сергея Кулькова, то есть Кулька, с ними не было уже, он со всеми простился и перебрался в далекую Америку. С одним Кириллом Васильевичем Кулек не успел проститься, но особых переживаний по этому поводу не испытывала ни та, ни

другая сторона. Кирилл пригляделся к Атаманчуку. Тот что-то сдал, покрылся морщинами, а лицо его обрело вид и цвет печеного яблока. Откровенно плох был Атаманчук. С чего бы это, с каких таких хлопот-забот? Рашид обнял Кирилла Васильевича и заговорщически произнес: «Ну, и где тут твоя сауна? Веди, показывай! Только, извини, пивка мы с собой не прихватили, на твое вино рассчитываем, оно посерьезнее пивка!»

- Скряги вы известные, кто этого не знает! – в тон ему сказал Кирилл Васильевич.

- Не совсем скряги, рыбку вот копченую принесли, Витя-Фитиль в кои годы расщедрился. Последнего сомика из Арнася извлек, постарался, - сказал Юрий Валентинович Атаманчук.

- И не жалко? – удивился Кирилл. Получение чего-либо обещанного от Вити-Фитиля всегда превращалось в большую проблему. Витя-Фитиль сначала долго страдал забывчивостью, потом отнекивался – и только после многих напоминаний исполнял обещанное.

- Так мы насели! – сказал Рашид. – Так мы его за грудки!

- Они насели! На меня где сядешь, там и слезешь, - сказал Витя-Фитиль. – Сомика я на общий стол презентую исключительно по доброте душевной и потому рассчитываю на ответную дроброту Кирилла в виде пары баклажек вишнепочки. В Арнасе уже нет рыбки, всю вычерпали. Ставят китайские сеточки по сто метров каждая – и все вплоть до мелочи наверх, наверх! Рыбалочка там кончилась, лучше сразу на базар ехать за усачом, сазанчиком или толстолобом. Так что мне с сомиком пузатым очень даже пофартило!

Лицо его пятидесятилетнее, но гладкое озарила вполне мальчишеская улыбка, после чего подтрунивать над ним перестали. Прошли в конец двора, ввалились в предбанник, стали раздеваться – в сауне уже были законные сто градусов. «И как вы без Кулька живете-обходитесь?» - спросил бывших своих соседей Кирилл Васильевич. Без Сереги, конечно, было хуже, чем с ним, но самому Сереге было лучше на новом месте, о чем он не преминул сообщить в долгом телефонном разговоре, наполненном восторгами. Законная гордость присутствовала в бодром его голосе. Он все расписал так, чтобы люди на другом конце провода знали, как ему повезло. А если человек не прогадывает, если человек получает свое, значит, и другим нет убытка.

- А ты чего к нам редко навещаешься? – сказал Юрий Валентинович Кириллу. – Мы тебя совсем забыли, это непорядок. Счастлив, небось, с новой своей страстью? Вот и часов не наблюдаешь!

- Счастлив, - согласился Кирилл Васильевич и голову повинную наклонил, хотя вины никакой за собой не чувствовал. – Мы тут ремонт затеяли, и я крутился. А ты, Юра, что-то выглядишь не как добрый молодец. Хвораешь?

- Хуже. Загибаюсь, - сказал Атаманчук. – Пошли в тепло, расскажу.

Вчетвером заняли все свободное пространство сауны. И то гости сели, соприкасаясь друг с другом то плечами, то коленками, а Кирилл остался стоять. «Хозяин подпирает потолок!» - сказал по этому поводу Рашид. Тепло обволокло всех и стало проникать во внутрь, расширять сосуды и выгонять наружу лишнюю влагу. Тепла было много, и, как при обильной выпивке, надо было следить за собой, чтобы не перебрать. Ай, хорошо, кто понимает! Впрочем, и тому, кто не понимал, тоже было хорошо.

- Юра, и что за хворь к тебе прилипла? – спросил Кирилл Атаманчука.

- Плохая хворь. Рак печени называется. Эскулапы дружно сошлись на этом диагнозе. Под какими только ракурсами они меня не разглядывали! И в рот заглядывали, и в место прямо противоположное. Скоро мне хана. Все свое я продал или наследникам отписал, чтобы не было потом лишних хлопот. Гол я сейчас, как сокол. То есть, готов со всеми проститься и откочевать в иной мир. Январь протяну, и все. Больше и не надо, боли уже мучают, морфием только и спасаюсь. Такая жизнь не в радость, а только в тягость. Вот, нагрузил я вас своими бедами! Как будто вам это надо.

- Дела! – согласился Витя-Фитиль. – И, ведь, ничего не попишешь. Остается только ручками развести и взгляд свой обратить высоко-высоко.

- Жалко. Очень жалко, - сказал Кирилл Васильевич. – Операция не поможет? Облучение?

- Рак, понимаешь, дает о себе знать тогда, когда он уже большой и неоперабельный. А до этого он тише воды и ниже травы – такая у него гаденькая особенность. Набирается сил в замаскированном виде, потом прыгает и грызет, аки лева свирепый. Когда он прыгает, защищаться уже поздно.

- Очень жалко, - повторил Кирилл.

- А жизнь продолжается, - сказал Атаманчук и вскинул вверх глаза совсем не затуманенные. Глаза у него были выпуклые и большие. – Жена, дети и внуки, слава Богу, в порядке. Мне помогает все это выдержать смирение. Откуда оно ко мне явилось? Наверное, свыше. Я рос совсем не смиренным. Отойди и подвинься, не заставляй мне белый свет – вот каким я рос. А теперь я смирен и готов принять мне положенное. И сейчас пусть порой мне и невольно, но мне очень приятно на вас посмотреть, парой слов перебраться на темы, не имеющие к моей судьбе никакого отношения. За этим и пришел!

Он первый вернулся в предбанник, а они попотели еще минуты две, пропитались теплом насквозь, от затылков до морщинистых пяток. Помолчали. Уход насовсем – это не то, что отъезд Кулька в другую страну, в мир больших материальных благ. Кладбищенский частокол памятников стоял у них перед глазами: реквизиты, то есть фамилия, имя и отчество, дата прихода в этот мир, дата ухода. И, ведь, ничем не поможешь, как ни напрягайся. Это и было самое страшное – что ничем не поможешь. Напивавшись по горлышко саунной жарой,

они тихо присоединились к Атаманчуку. Налили по стакану сухого вина, выпили и словно не заметили, что Юрий Валентинович к своему стакану не прикоснулся. Посмотрели друг на друга и налили по второму стакану. «А Новый год, ребятки, хороших пожеланий не отменяет! – сказал Атаманчук. – Благополучия вам, удачи в исполнении задуманного и долгого плавания по житейским волнам! И пусть эти волны не будут ни холодными, ни бурными».

- Спасибо, дорогой, - сказал Рашид. – А тебе, раз так все сложилось, не страдать и не мучиться в последние твои дни. Хотелось бы услышать, что там, по ту сторону жизни, но ты ведь с докладом к нам на очередные посиделки не явишься и про все это не расскажешь.

- Про райские кущи вы и без меня наслышаны, - сказал Атаманчук и поморщился, видно, боль его пронзила и какое-то время не отпускала.

- Как вам кризис? По кому он ударил, по кому – нет? – задал Витя-Фитиль свой вопрос. – Америка взрастила его, а весь мир расхлебывает. Всем, оказывается, полагается спасти доллар, не то он рухнет, и все понесут убытки!

- Ну, ты-то в порядке, спасибо зарядке, - сказал Рашид и заел вишнепочку кусочком янтарного сомика. – Ты долларового запаса не создал, машинки как ремонтировал, так и ремонтируешь, ну, чуть меньше за это получаешь. Так ведь и цены на базаре сейчас не поднимаются, а вниз идут. А кризис, это паршивая вещь. Народ сокращают, где можно. Еще это хороший предлог, чтобы зарплату уполовинить. Многим, многим сегодня очень неудобно. Когда над тобой каплет, а ты не можешь увернуться, вера в светлое завтра быстро тускнеет.

- Ребятки, мне тоже неудобно, но совсем по другой причине, - сказал Атаманчук. – Имейте душевное спокойствие, имейте внутреннюю тишину, и кризис прошествует над вами, как высокая волна над ракушками, сжавшимися в песок. В Америке, в Европе и Японии всего под завязку, людям больше не надо, от того и кризис. Обычное перепроизводство. Будь моя воля, я бы превращал кризис во всеобщую передышку. Во всемирный месячный праздник. Отдыхайте, добрые люди, вы перетрудились! Переусердствовали! Набирайтесь сил, подбейте свои запасы! Завтра вам снова пахать, сеять и жать.

- Совершенно верно! – согласился Кирилл Васильевич.

- Однако, мы остываем! - сказал Рашид, открыл дверь в сауну и бочком втек туда.

- Я повременю! – сказал Атаманчук. – Я во двор выйду, мне и в предбаннике горячо.

- Юра совсем плох, - сказал Рашид. Все сели, никто теперь не стоял. У саунного тепла были приятные объятия. Пожалуй, их можно было сравнить с объятиями любящей женщины.

- Я хочу, чтобы смерть не донимала меня долго, - сказал Витя-Фитиль. – Я хочу, чтобы смерть забрала меня сразу. Лучше всего заснуть и не проснуться.

- Заснуть и не проснуться в глубокой старости, когда ничего не сделанного за тобой не числится! – уточнил Рашид. Рациональный он был человек.

- Ладно вам! Не о том мысли наши, не о том говорим! Новый год впереди, и давайте соответствовать! – сказал Кирилл Васильевич.

- Люблю соответствовать, - сказал Рашид. – Когда соответствуешь женщине, которая с тобой, а она соответствует тебе, это, скажу вам, высшее соответствие. Лучше не бывает. За такое соответствие готов бокальчик осушить!

- Проверено! – согласился Витя-Фитиль и протянул ладонь к стакану с вином. Но Кирилл и Рашид посмотрели на него с сомнением: при его строгой, бдительной и взыскательной супруге любой поворот налево был чреват последствиями очень неприятными.

- А что у нас впереди? – спросил Кирилл Васильевич.

- Ты имеешь в виду каждого из нас или страну, именуемую Республикой Узбекистан? – задал наводящий вопрос Рашид.

- Я имею в виду не столько каждого из нас, сколько Россию. Я почему-то ассоциирую себя не с Узбекистаном, а с Россией. Душой я с нею, душой я ее гражданин.

- И я! И я! – в один голос воскликнули Рашид и Витя-Фитиль.

- Я думаю, России суждено восхождение. И пусть оно будет непрерывным, долгим-долгим. Сама же Россия пусть избавляется от пьянства, хамства и прочей галиматии и наполняется праведностью. И этим же путем пусть идет все человечество, - сказал Кирилл Васильевич. Сам на свой вопрос и ответил.

- Я – за, - сказал Рашид. – Но как сократить расстояние между идущими впереди и замыкающими? Многим в мусульманских странах не нравится быть замыкающими. Они на все согласны, чтобы устранить тех, кто впереди. Две столетиятажечки манхэттенские – самые впечатляющие, но далеко не последние заложники в их программах несогласия с теми, кто впереди.

- Итог будет другой, американцы с союзниками устранят их, и еще сами себе похлопают, - сказал Витя-Фитиль. – Никому не дано безнаказанно стравить палки в колеса тем, кто впереди.

- Согласен, те, кто впереди, достойны почета и уважения за то, что они умнее, выше ростом, да и прилежнее во всех отношениях, - сказал Кирилл Васильевич. – Но вы мне вот на какой вопрос ответьте. Через сто, через двести лет возможна цивилизация роботов или нет? Что роботы в пятом или в десятом поколении

превзойдут во всем человека, я не сомневаюсь. Это самый логичный вывод из наших тенденций развития. И что тогда? Какая роль уготована человеку рядом с умными, все умеющими роботами?

Рашид удивленно вскинул глаза, и вслед за ним удивленно вскинул глаза Витя-Фитиль. Роботы ни тому, ни другому не угрожали ни с какой стороны. Ни в ближайшем, ни в отдаленном их окружении роботами пока и не пахло, и беспокоиться по этому поводу было преждевременно.

- Если за меня кто-то будет вкалывать, я не против, - сказал Рашид после минутной паузы. – Я тогда круиз кругосветный совершу, на Гавайях под пальмами понежусь. Вторая моя мечта пирамиды посмотреть, египетские и мексиканские. Как по-вашему, что приятнее, путешествовать или пахать?

- Приятнее всего, когда ты никому ничего не должен. Когда ты рад тому, что у тебя есть, и никому не завидуешь, - сказал Кирилл Васильевич.

- А роботов давайте оставим нашим детям и внукам, пусть они сами с ними разбираются! – сказал Витя-Фитиль. – Нет смысла решать проблему, если она еще не возникла. По мне, пусть роботы приходят и делают свое дело. У меня, например, каждый день руки по локотки в машинном масле, гаечки разные я часами то откручиваю, то закручиваю, и это не есть приятное занятие. Лады, я нагрелся уже, дальше пойдет перегрев. Я – в предбанник! В прорубь бы сейчас погрузиться на пару секунд.

- Снаружи ведро с холодной водичкой стоит, опрокинь на себя, - сказал Кирилл Васильевич.

Они вышли, обдали себя студеной водичкой – красота-то какая! - посидели минут пять в предбаннике, оделись, и Кирилл Васильевич пригласил дорогих гостей в дом, выпить и закусить чем Бог послал. Салат-оливье приготовила Валентина очень даже приличный, открыла по баночке маринованных огурчиков и помидорчиков, котлет нажарила, селедочку лучком лиловеньким обложила – и притом особенно не суетилась, все как бы само получалось, в охоточку. Все красиво и аппетитно смотрелось на столе. Гости улыбнулись молодой хозяйке, посмотрели друг на друга, проверяя впечатление, хозяйкой произведенное, добавили к тому, что на столе, сомика янтарного, и Атаманчук высказал общее мнение: «Кирюша, а у тебя лебедушка очень даже справная – моему сыночку бы такую! Расскажи, в каком таком пруду заповедном ты к ней причалил?»

Рассказывать про вечер встречи с одноклассниками, одарившим его таким подарком, было не обязательно, и Кирилл сказал: «Где я ее встретил, второй такой там не осталось, но мир, сами понимаете, не без добрых людей. Ищите – да обрящете, опыта по этой части вам не занимать! Кто желает водочки, нет проблем. Говорите, кому чего налить!» Только Атаманчук отдал предпочтение водочке, но ополовинил одну рюмку и остановился, а к еде не притронулся совсем. Валентина и так уговаривала его откусать разносолов и котлеточку, и эдак, и Кириллу пришлось взглядом поманить ее на кухню и там быстренько все про Атаманчука объяснить. Она охнула, и уговорам пришел конец. Сидели, впрочем, недолго – в баньке, в горячей ее тесноте откровенничать было куда сподручнее. Опять же, сонливость стала разбирать гостей – тепла они, все же, перебрали. Рашид, правда, пообещал свести Валентину с одной портнихой, подлинной мастерицей своего дела, которой требовались добросовестные помощницы, и сказал, где можно приобрести приличную швейную машинку, немецкую, не китайскую. Сказал, что износа этой машинке не будет.

При ярком свете Юрий Валентинович смотрелся совсем плохо. Он вскоре поник и первый произнес: «Все, закругляемся. Благодарим хозяев за хлеб-соль, желаем... – он выдержал паузу, но не сказал, чего желает – пусть сами догадаются, - низко кланяемся и расползаемся по своим норкам. Рашид, ты как, не переборщил? А то бросай машину здесь, левака поймаем!»

Рашид важно погладил себя по груди и слова про левака проигнорировал. Кирилл Васильевич проводил дружков до улицы Сарыкульская, у обочины которой был припаркован красный «Москвич» Рашида, с каждым попрощался за руку. И подумал: «Вроде бы, хорошо посидели, только в памяти мало чего отложилось».

Вспомнить, однако, было что – Атаманчук, пораженный болезнью, которую не лечат, стоял перед его глазами, и выражал полное свое смирение с выпавшей ему участью. А что еще ему оставалось делать? Все прочие варианты были хуже стоической выдержки. Какой-то частью своего естества он был уже вне этой жизни, и видеть быстрое его угасание было тяжело.

Глава 13

Новый год встречали втроем, и даже елочка пушистая и ершистая была приобретена по этому поводу и украшена игрушками частично магазинными, а большей частью спроворенными руками Валентины и Карины. Игрушки они рисовали, кроили и клеили дней пять, увлеклись и не отрывали голов от стола. Старались, конечно. И у Кариночки они получались не хуже, чем у матери. Кирилл им не помогал принципиально. Подарками занималась Валентина, ходить по магазинам, высматривать и выбирать нужное было для нее большое удовольствие, и Кирилл получил джинсовый костюм, а Карина – пальто с меховым воротничком, не лисьим, конечно, и плащ. Себе она пошила элегантное шерстяное платье и этим ограничилась. Ничего лишнего и пустого приобретено не было, и Кирилл отметил это, как проявление хозяйственности. Сам он сизмальства относился к подаркам почти равнодушно. Ему куда больше нравилось самому, на свои кровные покупать то, что ему было

нужно. Но на сей раз заботу Валентины он оценил должным образом. Джинсовый костюм сидел на нем так, словно был пошит по заказу.

За стол сели в одиннадцать, у Карины уже смежались глаза, и она держалась на пределе своих сил. Зажгли свечи, а свет потушили. Свечи создавали интим и очень располагали загадывать желания. Кирилл с громким хлопком откупорил бутылку шампанского. «Провожаем старичка с длинной белой бородой, и пусть каждый из нас скажет, чем ему запомнился год минувший!» - воскликнул он.

Карина, как младшая, говорила первая.

- Я пошла во второй класс. И еще к нам пришел новый папа, и нам стало хорошо, - сказала девочка и посмотрела на Кирилла Васильевича глазами, полными любви. Валентина обняла дочь и поцеловала. А Кирилл обмер от слова «папа», давно им не слышанного, и глаза его увлажнились. Если бы и его дети сидели сейчас рядышком!

- Мне и добавить нечего, ребенок все сказал! – рассмеялась Валентина. И троекратно поцеловала Кирилла.- Разве что... – И она с удовольствием погладила себя по животу с талией, пока еще вполне удовлетворительной.

- А у меня вы появились, и это мое самое большое достижение. Карина, ты хочешь, чтобы у тебя был братик? Скоро это общее наше желание осуществится.

- Сначала у мамы животик должен стать большой и круглый, - сказала Карина. Она была много серьезнее большинства детей ее возраста. Житейского опыта она набиралась гораздо быстрее своих сверстников.

Шампанское искрилось и в меру горчило. Что-то не очень празднично было за столом. Скорее обыденно, чем празднично. 2008 год как-то буднично и привычно передавал эстафету году 2009. «А чего мы ждем от нового года? Чего ждем от мальчика махонького в красном костюме, который распахнул дверь и остановился на пороге?» - спросил Кирилл Васильевич.

- Я ничего не жду, кроме братика, - сказала Карина. – Все остальное у меня есть.

- И опять ребенок все сказал за меня и за себя, - констатировала Валентина. – Все так безоблачно впереди, что у меня сердце замирает.

- На планете Земля далеко не все безоблачно, - сказал Кирилл Васильевич.

- Это обычное ее состояние. Человеческий максимализм, от которого совсем близко до сволочизма, проявляется то тут, то там со свойственной ему непредсказуемостью. Пусть он нас минует! – сказала Валентина.

- Пусть! – согласился хозяин дома. – Мы в знатные очень не лезем!

- Но все же нам счастье дано! – в тон мужу следующей строчкой из Есенина ответила Валентина. Оказывается, и она любила этого поэта.

- Счастье... – повторил Кирилл нараспев. – Слово-то какое емкое! И ведь все, что оно в себя включает, человек сам создает. Своими руками, своим умом. Как мы все!

- И вот мы поем себе хвалу, - сказала Валентина. – Правильно ли это?

- А почему бы и нет? Наверное, это и есть праздник.

- Мама, я хочу спеть папе песенку «В лесу родилась елочка», - сказала Карина. – Ты разрешаешь?

- Пожалуйста! Я тебе подпою.

- И папа пусть поет вместе с нами!

- Папа... Папа пусть лучше слушает. Ему в твои годочки медведь на ухо наступил.

- Как это? – не поняла Кариночка.

- Так говорят про человека, у которого нет слуха. Такому человеку лучше не петь самому.

И полилась песня, простая, как сама жизнь, когда в нее не врываются злые ветры и разные катаклизмы. У обычной лесной елочки было свое предназначение, и она его исполнила, хотя для этого ей пришлось уйти из любимого леса, пожертвовать собой. Пришлось позволить срубить себя под самый корешок. Но, ведь, пожертвовав собой, она кому-то принесла много-много радостей. И если это же предназначено кому-то из людей, он должен быть доволен таким своим предназначением. Кирилл Васильевич поставил на место срубленной елочки Юрия Валентиновича Атаманчука. Все сходилось, только песенка переставала быть праздничной. На первый план смещался ее глубинный философский подтекст. Кирилл подошел к елочке, срезал с веточки шоколадную конфету, протянул Карине – с единственным словом: «Молодец!»

Включили телевизор. Передавали концерт «Голубой огонек», в нем были задействованы лучшие артисты России. Конечно, четверть века назад Зыкина, Пугачева, Кобзон и Пьеха пели проникновеннее. Только почему-то новые артисты, как ни старались, на их фоне выглядели, как подготовишки и первоклашки, и их старание очень походило на выпендривание. Песни почему-то нравились старые, проверенные временем, а новые не ложились на душу, не рождали созвучного отклика. Карина отправилась спать, и Кирилл убавил звук. Валентина запротестовала, и тогда он перенес девочку в их комнату, на их кровать, которая понадобится им разве что под утро, плотно прикрыл дверь и сел против своей подруги. На нее ему почему-то нравилось смотреть больше, чем на телевизионный экран.

- Год назад я и не мечтал о таком чуде, как ты, - сказал он.

- А я, знаешь, вообще ни о чем не мечтала. На меня многие смотрели с вождением, но приключений на одну ночь мне близко было не надо. От таких мужчин я отстранялась сразу и насовсем. Я словно замерзала и костенела под их похотливыми взглядами. А Вера сказала в начале ноября: «В субботу соберутся наши, и среди них будет один человек – он твой, он для тебя! Не оплошай, дорогая!» Ей нравится опекать меня, словно я до сих пор маленькая. Она хорошая!

- Я знаю. И ты не оплошала, на заботу сестры откликнулась всей душой, - сказал Кирилл.

- Ты тоже! А Вера считает, что таким образом старый свой долг тебе возвратила. Ты считал ее своей должницей или нет?

Кирилл Васильевич пожал плечами; давно уже не было никакой нужды ворошить старое. Концерт прервался, слово произнес президент Российской Федерации Анатолий Медведев. Проникновенное его слово по времени уложилось в шесть минут. Страна шла правильной дорогой и на своем пути должна была встретить много чего хорошего. А кризис – что кризис? Людями он создается, людьми и преодолевается, и в праздничную ночь лучше было не сосредоточивать на нем свое внимание. Кремлевские куранты стали медленно бить двенадцать. Что-то неизъяснимо дорогое было в каждом ударе этих древних часов, символа российской державности. Кирилл быстро наполнил бокалы шампанским.

- Вздрогнули! – произнес он с последним ударом курантов. Ничто вокруг не изменилось, а новый год уже отсчитывал первые свои минуты и первый свой час. Вино было чуть-чуть не такое, какое делал он, но, конечно, не хуже. Бутылка опустела, - и достаточно. Перешли на чай. Ощутимо хотелось спать. Что ж, концерт можно досмотреть и завтра, днем его повторят.

- Прокати меня на саночках! – вдруг попросила Валентина.

- Ну и желания у нас! – удивился он. Но просьба супруги была вполне обоснована, снег выпал только вчера и завтра мог растаять.

Они быстро оделись, и саночки повезли Валентину в веселую ночь. Во всех домах горели огни, и улица тоже не пустовала – не они одни вспомнили про саночки. Он шел легко, иногда переходил на бег. Повернул налево, к парку железнодорожников. Вспомнил про его аллеи, на которых в юности провел не один вечер. Но парка не было уже, на его месте построили колледж трехэтажный, а большинство деревьев вырубил. Жалко, а что поделаешь? Давно уже вечерами мало кто отрывается от телевизора, и народ перестал жаловать парки. Не верилось уже, что когда-то вся вечерняя жизнь проходила в парках, и их притяжение было очень велико.

- Бегом! – попросила Валентина. – Что, слабо? Быстрее! Быстрее! Где ветерок? Поспешай, любезный! Кто опоздал, тот не с нами!

Он домчал ее до Тезикова базара и повернул обратно. Разогрелся. Вспомнил школьное пристрастие к снегу, от которого потом мало чего осталось – он со товарищами до посинения резался в снежки, строил крепости, а потом их штурмовал. Катался с горок – на ножках с приседанием, на портфеле, на пятой точке. Бежать впереди саночек было не тяжело, бежать было приятно. Пусть это не птица-тройка, но все равно приятно. А потом они пили чай, но недолго. А потом он перенес Карину на ее кровать, а они легли на свою. И было одно желание – быстрее сомкнуть глаза. Оно исполнилось почти сиюминутно.

Он хотел, чтобы ему приснился удивительный сон, и такой сон ему приснился. Он вошел в дверь здания, конструкция и протяженность которого не просматривались, и вскоре понял, что перед ним лабиринт, входят в который во дне сегодняшнем, а выходят во дне завтрашнем, конкретным годом не помеченном. Нескончаемые комнаты сменяли одна другую, и в каждой из них были четыре двери. Ни окон, ни мебели, ни картин – ничего такого, на чем можно задержать глаз. Только двери, причем все двустворчатые, коричневые, совершенно одинаковые. Маяться внутри гиганта-лабиринта можно было и час, и тысячу часов. Указания, какого направления держаться, не было, наитие тоже молчало. Он решил держаться северного направления. Вдруг он оказался в комнате с тремя дверьми и повернул направо. В следующей комнате была лестница, и он поднялся этажом выше. Там ему снова открылась бесконечная череда комнат. Он опять повернул и уже не знал, где север. Еще одна лестница повелела ему спуститься. Комнаты мало чем отличались одна от другой, разницы в цвете и рисунке обоев он не замечал. Он стал поворачивать направо, а потом налево в каждой третьей комнате. «В таких лабиринтах ум заходит за разум», - подумал он. И о чудо – очередная дверь выпустила его в сад, в зеленый простор под голубым вечерним небом. Солнце уже погасло, а звездам появиться еще было рано.

Человек в форме садовника корректно ему поклонился. Он присмотрелся к нему и увидел, что это робот, стальной скелет которого обтягивала мягкая резина телесного цвета. Его потянуло подальше от этого места. Улицу заполняли машины, но не «Жигули» и «Волги», к которым он привык, а более продвинутые, каплеобразные и совсем ему неизвестные. Он поднял руку, и к нему подъехало такси. Дверца услужливо распахнулась, за рулем сидел робот с лицом совершенно человеческим, на нем были фуражка и куртка таксиста. Робот поздоровался и спросил: «Куда путь держим, уважаемый?» Резиновое в меру румяное его лицо ничем не отличалось от человеческого, а на руках – надо же! – даже синели прожилки вен. Он назвал адрес, машина мягко покатила. «Однако!» - удивился он. Всеми встречными машинами тоже управляли роботы, а их пассажирами были люди. За рулем ни одной из машин не сидел настоящий человек. Значит, роботы ошибок за рулем не

совершали. Кирилл попросил высадить его у помпезного ресторана. Расплатился с водителем; чаевых роботу, наверное, не полагалось, без надобности они ему.

В ресторанном зале, который мало чем отличался от зала дворцового, робот-официант был быстр и галантен. Кириллу захотелось пройти вслед за ним на кухню, и он позволил себе это. Повара в белых халатах все до одного тоже были роботы, и каждый из них поклонился ему, подождал, не задаст ли он какого-нибудь вопроса, а, не дождавшись вопроса, продолжил свое дело. Только теперь он понял, что попал в цивилизацию роботов. В этом обществе люди работой себя не утруждали, лишнее это было, не нужное. Вчерашний день это был. Обслужили его, конечно, по высшему разряду; такой вкусной рыбы и под таким пикантным соусом он прежде не ел ни разу. И такого вина не пил, вино его выделки до этого уровня все-таки не дотягивало. И таких красивых фруктов давно не видел. Тогда он перенес внимание на клиентов ресторана – и подивился их ухоженности. На каждом из них был не просто пригожий костюм, но отменный костюм, прекрасно подчеркивающий достоинства фигуры и скрадывающий ее недостатки. Женщины просто блистали. Люди приходили сюда себя показать, и это им удавалось без особых усилий с их стороны. Музыка полилась с эстрады; небольшой оркестр тоже сплошь состоял из роботов. Певец запел – вот он не был роботом. Правда, роботу ничего не стоило спеть лучше, но кому-то из посетителей на волне эйфории захотелось взойти на эстраду и попробовать свой голос. Это не возбранялось. Чудеса, да и только!

Ну, а что на трудовом фронте? И сразу вечер сменился днем солнечным, а Кирилл увидел себя на большой строительной площадке. Строящийся дом ограждал забор, как и положено; при доме возвышался кран и подавал на леса кирпич и раствор, бетонную смесь и арматуру, плиты перекрытия и оконные рамы. Только все строители на этом объекте были роботы, включая крановщика и мастера. Ни одна тонкость строительного дела от робота не ускользала, так что в указаниях мастера и не было нужды, и он занимался тем, что распределял между рабочими материалы. Роботы не перекуривали и не нуждались в перерыве на обед, и трудовой процесс не прерывался. Рабочий день, естественно, не ограничивался восемью часами – в отдыхе и восстановлении сил роботы тоже не нуждались. В магазин он заглянул. Продавцами и кассирами тоже были роботы. В школах, в больницах, в заводских цехах и конструкторских бюро тоже всеми процессами заправляли роботы. А на селе роботы пахали, сеяли и жали, выращивали скот и птицу. И каждый из них любую профессию постигал за те секунды, которые требовались, чтобы вставить в него нужную программу. Людям, чтобы постичь это же, нужны были школа и институт, и еще годы практики, годы приобщения к живому делу.

А что же было оставлено человеку? Вся его жизнь теперь состояла из досуга и хобби. Весь мир путешествовал, весь мир глазел на чудеса и красоты Парижа и Мехико, Токио и Дели, ходил по горным тропам, плавал на яхтах, загорал на пляжах, заполнял стадионы и спортивные залы, театры, музеи, дискотеки, количество которых умножилось. Можно было заниматься чем угодно, (не поощрялись разве что азартные игры), и любое занятие, полезное или так себе, теперь называлось словом «хобби». Художник рисовал, актер играл, писатель писал, композитор сочинял музыку, коллекционер собирал марки или произведения искусства, и все это было хобби. Ибо роботу ничего не стоило повторить творения Рембрандта и Гойи, а то и продолжить за них. Так, роботы получили задание написать то, чего не успели написать Пушкин, Лермонтов, Чехов, Есенин, и сделали это на таком уровне, что люди диву давались. Только сразу после того, как они это сделали, им было запрещено заниматься творчеством, замещать собой поэтов и писателей, художников, архитекторов. Ибо в этом случае людям только и оставалось, что отойти-подвинуться ой как далеко.

Ну, а что делали те, кому не нравилось засилие роботов? Они отпочковывались, уходили в леса и степи, в горные изолированные долины, – и жили там по старинке, без роботов. Колочей проволокой они от них не отгораживались, но их к себе не подпускали, все делали сами. А когда хотели побарствовать, понежиться в комфорте и неге, возвращались в мир роботов и там раскрепощались и отоваривались по полной программе.

Кирилл Васильевич проснулся и крепко задумался. Шел снег, и блекло было на дворе. Но не погода его занимала. Его занимали роботы, отнявшие у человека главное – работу. У человека развязывался шнурок, и робот услужливо нагибался и шнурок завязывал. Человек чихал, и робот тут же подносил к его лицу белоснежный платок. Любое желание человека удовлетворялось легко и просто. На Земле воцарялось всеобщее барство. Не так уж много вещей не могли роботы делать за человека. Они не могли за него есть, переваривать пищу и оправляться. И, строго нейтральные в сексуальном плане, они не могли заменить ему партнера или партнершу для соития. И что дальше? Эстафета была передана роботам, и человеку оставалось одно – сойти с дистанции. Ибо роль попрыгуньи-стрекозы в природе никто не выполнял долго. Потому что не нужна была живой природе попрыгунья-стрекоза. И вот это некоторым из людей, не всем, конечно, очень и очень не нравилось.

«В какие дебри меня занесло! Ну, что я потерял в этом завтрашнем дне, в эре роботов? Не своим делом занимаюсь!» - подумал он. И еще подумал, что не видел пока ни одного робота.

И тут заверещал его мобильный телефон. В одном из домиков на четвертом этаже прорвало трубу с горячей водой. Залило всех, кто ниже, включая первый этаж. Кот попросил его поспешить и взять такси. Хозяин, мол, оплатит все расходы. «Слава тебе поможет, побудет на подхвате! И я, если надо, помогу!» - пообещал Кот. Значит, авария приобрела серьезные размеры. Кирилл охнул, подхватил сумку с инструментами, поймал машину - и занялся своим непосредственным делом.

Новый год, в плане ежедневной обыденности, мало чем отличался от года минувшего. Зима была то холодная на несколько деньков, то оттепельная, с ярким низким солнцем, длинными сосульками на крышах и хлопьями мокрого снега под ногами. Печь-голландка сбоя не давала, уголька и дровишек, слава Богу, хватало, и в доме было тепло даже самыми морозными ночами. Приятно было прислониться спиной к черному овалу печи и подпитаться ее животворным теплом. Ремонтные сантехнические работы в ЖЭКе большим разнообразием не отличались. Правда, в феврале Кириллу пришлось хорошо вкалануть на одной интересной стройке, но эта стройка к ЖЭКу никакого отношения не имела. В тупичке, примыкающем к каналу Бурджар и стороннему глазу мало доступному, новый узбек по имени Мухитдин возводил трехэтажный терем-теремок с глубоким подвалом, в котором хотел разместить сауну, мини-бассейн и бильярд. Три участка по пять соток Мухитдин объединил в один, но и на нем его скромный терем-теремок с четырьмя башенками по углам едва разместился.

Водоснабжение, канализация и отопление этого объекта легли на плечи Кирилла Васильевича. Он изучил проект, предложил свой вариант прокладки инженерных коммуникаций, сокращающий объемы работ, после чего в холодных глазах хозяина, устремленных на него, появилось уважение, закупил трубы, задвижки и вентили, водрузил на лицо сварочный щиток – и надолго склонился над вольтовой дугой. Не так уж он нуждался в этом приработке, но отказываться не стал. Деньги, как он видел, у хозяина водились очень даже приличные, и в дело шли только доброкачественные материалы. Правда, природа происхождения этих денег была Кириллу мало понятна. Или, напротив, очень даже хорошо понятна. Мухитдин занимал какую-то должность в аппарате президента и зарплату получал не очень большую. Значит, к нему хорошо приваливало помимо зарплаты – но за что, за какие такие заслуги? За то, что свое «да» он ценил очень высоко? Несомненно.

Кирилл размечал и варил, а другие гаврики в это время украшали потолки резьбой по ганчу, устилали полы мрамором и паркетом ценных древесных пород, рисовали на стенах картины, на которых Восток радовал глаз чрезвычайной своей многогранностью, высаживали перед домом дымчатые елочки. Изыск был присущ всему тому, что предназначалось для украшения дома. Кирилл насчитал в нем четырнадцать комнат, причем два зала можно было сравнить с дворцовыми. Гнездо, где обитал он с Валюшей, не шло ни в какое сопоставление с этим вальяжным терем-теремком. Это все равно что поставить рядом воробья и павлина. Но ни разу в груди Кирилла Васильевича не возникло чувство, похожее на зависть, ни разу он не поставил себя на место Мухитдина, а про него не подумал, какой это удачливый человек. Он и не представлял себя во всем этом великолепии, не для него оно возводилось. Более того, на месте Мухитдина он бы не старался, чтобы к нему притекало – делал бы свое дело, а руку за мздой не протягивал.

Что ж, новые узбеки кичились своим карманом и любили выставлять свое благополучие напоказ. Вели себя так, словно соревновались, кто из них круче и богаче. В любой махалля теперь было много коттеджей не просто комфортных, но прямо пышущих роскошью. Махалля теперь на треть состояли из таких коттеджей. Деньги, конечно, здесь были задействованы несправедливо, но по-другому в этом краю и быть не могло: здесь очень уважались семья и собственный карман, и совсем не уважалось государство. Белых ворон, живущих на одну зарплату, чиновники в своем кругу на дух не переносили (и не в своем кругу тоже). И любой другой на месте Мухитдина вел бы себя абсолютно так же, – патриотами на высоких должностях Республика Узбекистан похвастать не могла (и на не высоких тоже). Деньги, предназначенные на конкретные экономические цели, по пути к ним интенсивно таяли, и к конечным целям притекала едва ли треть их часть. Поэтому большинство заводов лежало вляжку, их оборудование утекало неизвестно куда, и это мало кого волновало. К промышленности, созданной в советские времена, новые узбеки относились без малейшего уважения – их душу грели только торговые прилавки, тандыры для выпечки лепешек и самсы и огромные котлы для варки плова.

А Валентина в это время осваивала швейную машинку. Конечно, шить было интереснее, чем гладить. Портниху, к которой она определилась в помощницы, звали Марией, было ей лет сорок, шила она замечательно и, главное, обладала редким вкусом и находила для своих привередливых заказчиц такие фасоны, которые им очень шли. Естественно, заказчицы у нее выстраивались в очередь, и на нее работали уже не одна, а шесть помощниц. Времени на их обучение она не жалела, в оплате труда не скупилась, но требовала одного – качества и добросовестности. Сначала – качество, внушала она, потом уже сроки. Если заказ исполнен плохо, никто не вспомнит, что он исполнен быстро, ведь все равно его придется переделывать. С теми, кто портачил, а потом ловчил, старался спрятать напортаченное, расставалась быстро и без сожаления. Такие помощницы ей на дух не были нужны. Пусть ловчат в другом месте и не в ее присутствии.

К тем, кто старался и умел, прикипала всем сердцем, словно находила в них родственные души. Она сразу понравилась Валентине, а скоро и Валентина понравилась ей – своим усердием, своими постоянными восклицаниями: «Ой, ты это умеешь, а я еще нет – научи, пожалуйста!» Марии платили хорошо, и она не скупилась, не тянула одеяло на себя. Стремилась привить своим работницам чувство семьи единой. Фонд взаимопомощи создала, для подпитки при особой нужде. Фонд этот был открыт для обозрения, и каждый знал, сколько в нем лежит его денег и на что они могут быть потрачены. Тратились эти деньги, конечно, с согласия каждого. О том, как создавать у работающих вместе людей чувство семьи единой, Мария почерпнула из японской

жизни, к которой давно проявляла особый интерес. Японцы придавали этому огромное, можно сказать, решающее значение, и потому так преуспели. Вращивая всеобщее старание на работе, они не просто преуспели, а прочно оседлали острие техничского прогресса.

Их компании вели по жизни каждого своего работника, как заботливая наседка, и взамен получали сыновье старание и любовь. Дважды в неделю ближе к вечеру Мария собирала свой женский коллектив на дружеские посиделки за чашкой чая, и неформальное это общение вводило ее в заботы и хлопоты ее работниц. Ее жизнь тоже была открыта для обозрения. Муж ее был инженером-строителем, имел ненормированный рабочий день и домой приезжал поздно, а уезжал рано. И она все делала для того, чтобы дом был для него тихой, родной гаванью, лучше которой нет ничего. У нее с мужем были ровные отношения полного доверия; повороты налево и любовники ей были без надобности, семья была ее главной жизненной опорой. Трех детей вырастила она. Старшая дочь два года назад вышла замуж и подарила ей внука. Девочка эта строчила на швейной машинке, как автомат, но Мария среди прочих работниц ее не выделяла и в пример не ставила, хотя отношения с дочерью имела самые близкие, самые доверительные. Когда на вечерних посиделках какая-нибудь швея хвалилась, что поимела строннего мужичка, Мария искренне восклицала: «Ой, девонька, а надо ли тебе это? Обижать своего благоверного не есть хорошо!» И все видели, что это не поза, а линия поведения, начертанная богатым жизненным опытом. Удивлялись, конечно, но и зарубку в памяти делали. Она не требовала, чтобы с нею соглашались, не ставила себя в пример, но выражала свое мнение, цену которому знала. Ее мнение воспринималось, как задание на завтрашний день.

Валентине нравилась Мария, и нравилось работать под ее началом. У нее не было чувства, что она работает на Марию, но было чувство, что она работает на себя. Конечно, она подробно рассказывала о Марии супругу, и Кирилл Васильевич имел возможность сопоставить эту работодательницу с Мухитдином, который не очень-то жаловал тех, кто пахал на него, особенно заезжих таджиков, и часто не платил им обещанного, ограничивался гораздо меньшей суммой. Устраивал разборки с грубой критикой сделанного, наседали чуть ли не с кулаками и резко снижал оплату. Таджики боялись его, но терпели – в их бедной стране найти работу не было никакой надежды. Нет, Мухитдин не глянулся ему байской своей жесткостью и той глубокой чертой, которую проводил между собой, человеком, имеющим все блага жизни, и теми, кто едва сводил концы с концами. И он деликатно отказался от должности надсмотрщика над всеми наемными работниками, вскоре предложенной ему Мухитдином. Сослался на то, что дети зовут его в Россию, и он принял их приглашение. А ссылаться на то, что не хочет потерять свою работу в ЖЭКе, не стал – работа у Мухитдина тоже могла быть постоянной.

Воспитание чувства семьи единой заинтересовало Кирилла. О таком он еще не слышал. Небольшой трудовой коллектив, как единая семья – а почему бы и нет? Знак равенства между отношениями производственными и семейными, поставленный японцами, удивил его, но все было в пределах возможного. В советском исполнении этот знак так и не был поставлен, а японцам, значит, это удалось. Молодцы, узкоглазые! И он решил рассказать об этом Коту. ЖЭК – маленький коллектив, все там давно свои, там при общем старании это может получиться. Еще понравилось ему то, как Мария ценила свое семейное благополучие. Он увидел, во что превращается завет «Совет да любовь», когда ему следуют неукоснительно.

- Пригласи ее к нам, с супругом, - предложил он Валентине. – А еще лучше перенеси к нам очередные ваши посиделки. Скажи, что можно будет погреться в сауне, это ваших девиц заинтересует. И про вино мое скажи.

- А что? – обрадовалась Валя. – Мы в сауне и под твое вино Маше столько теплых слов наговорим! От нее на версту материнским теплом веет.

К концу весны животик Валин начал быстро круглиться, выпирать, требовать более просторных одежд и повышенного внимания. Кровать стала тесна им, и Кирилл теперь спал отдельно. Следил, чтобы супруга не перетруждалась. Швейная машинка больших физических нагрузок не создавала, а мытье полов, походы на базар и все работы по саду он взял на себя, это его нисколько не обременяло. Анне он отписал, что нашел себе спутницу жизни, и попросил развода. Сдержал себя и не адресовал ей ни слова упрека. Все его вопросы были только о детях, и тут его интересу не было предела. Процедура развода пугала его своей тяготиной, ведь Анна жила в другой стране. Но он знал, что живет в Узбекистане, и конверт с вложенной в него энной суммой откроет ему дверь в любой чиновничий кабинет, в том числе и к господину или госпоже судьбе. Врач-гинеколог обрадовала их, сказав, что Валентина вынашивает мальчика. И сказала, что отклонений от нормы нет, и едва ли они возникнут при родах.

Когда установилось тепло и определилось, что ясная погода продержится долго, Кирилл Васильевич приступил ко второй части ремонтных работ – замене стропил и кровли, а также пола и потолка в третьей комнате, которая должна была стать спальней Карины. Валентину он к этим делам не подключал, а крепыша электрика Славу – с превеликим удовольствием. На старый шифер покупателя искал долго, но все-таки нашел – и продал его за четвертую часть той цены, по которой можно было приобрести новый шифер. Настелить его в два слоя, и хозяин лет двадцать не будет знать никаких забот. Но сам он со старым шифером так не поступил, а постелил кровлю стальную, под черепицу. С нею у него уж точно не будет никаких забот. С крышей и третьей комнатой он копошился месяца два, отпуска не взял. Не торопился, все выверял и делал основательно, чтобы

потом уже к сделанному не прикасаться. «И так сойдет!» - это было не для него, этим принципом он и в молодые годы не руководствовался. И мнение у него складывалось о людях, которые работали абы как, что у них не все в порядке с головкой.

Когда все намеченное было готово, он подумал-подумал – и полностью обновил на домике наружную штукатурку. Содрал старую, саманную, едва державшуюся на стенах, и заменил ее нормальной цементной. Обновленный домишко выглядел теперь, как сверкающая елочная игрушка. Особенно хороша была зеленая металлическая крыша. Все, исчерпал он себя, на ремонтных работах следовало поставить точку. Конечно, можно было еще позаботиться о погребе, расширить и углубить имеющийся, обшить его старыми стропилами, полочки поставить для картошки и лука и разных солений. Но Кирилл подустал и отложил это мероприятие на неопределенное время. Неказистый подвальчик вполне устраивал его таким, каким он был, картошку и все прочее можно было хранить и в таком. Не все сразу, постепенность лучше ударного наскока. Он позволил себе расслабиться и стал ждать прибавления в семье, как долгожданного праздника.

Сны ему всю зиму и весну снились какие-то скоротечные, сумбурные, не запоминающиеся ни своим безликим содержанием, ни намеками на то, что придет к нему завтра. Потому что не было практически таких намеков. С середины мая он спал во дворе, на айване, под ватным одеялом, и получал большое удовольствие от прохладного ночного ветерка, звездного бездонного неба и яркой луны над головой. Луна совершала долгий почетный полукруг с севера на юг, и когда этот полукруг завершался, начинал брезжить рассвет. Вселенная, как он понимал, задавала загадки не ему одному. Наверное, она всегда состояла из загадок, больших и маленьких. Разгадывалась одна, но за ней тотчас возникала другая. Ночь обнажала далекие миры, и они словно приближались, но не торопились открыться и обозначиться, показать себя во всем своем гордом великолепии. Разнообразие далеких миров было потрясающее. Один сон ему все же запомнился. Он приснился ему на айване, в конце мая, как обычно, в тихий предутренний час, когда его обволокла ядреная прохлада, и он натянул одеяло на голову и приблизил коленки к животу.

Он снова увидел себя в далеком завтрашнем дне, плохо обозначенном во временном пространстве. Его окружало общество, в котором люди жили сытно и праздно, барствовали, можно сказать, ничем не обремененные. А все их прежние трудовые обязанности исполняли роботы – сеяли и жали, водили машины и обслуживали станки, варили сталь, добывали уголь и разные руды, воспитывали детей, словом, ловили для человеческого рода-племени рыбку большую и маленькую в далеко не мутной и не мелкой воде. Города разрослись, наполнились комфортом и благополучием, маленьких же городов, сел и хуторов почти не осталось – единение с живой природой почему-то стало не престижно. Праздность накладывала отпечаток на характеры людей, и подвижка в сторону инфантильности и себялюбия была большая. Действительно, много времени на стадионе, в парке культуры и отдыха, перед киноэкраном или в ресторане не проведешь, круглый год по белому свету не попутешествуешь. И оставалось другое время, ничем не заполненное, порожнее и нудное, ведь кухня и воспитание детей тоже лежали на роботах. Человечество медленно деградировало, и Кирилл Васильевич увидел это и не обрадовался этому. Не стало стимула к росту творческому и профессиональному, девиз «вперед и выше» растворился в праздности и инфантильности. Стал притупляться детородный стимул. Многодетные семьи отошли в прошлое, и нормой становилась однодетная семья. Уже не шесть миллиардов человек населяло землю, а четыре миллиарда, и популяция человеческая продолжала сокращаться.

А что роботы? Они прекрасно себя воспроизводили – и продолжали совершенствовать свою суть, в части расширения возможностей. Антарктида и Гренландия, Сахара и тропические леса стали основными местами их обитания, - мороз и солнце не оказывали на них особого влияния. Свои производства они старались разместить вне зоны расселения человека. Они колонизировали Луну и Марс, создав там не просто свои поселения, но и полномасштабное производство. Их устремления простирались дальше, на большие холодные планеты и за пределы солнечной системы. Если космос был изначально чужероден и враждебен человеку, то в отношении роботов эта чужеродность отсутствовала напрочь. Роботы и космос сосуществовали, как родственные души. Космос был открыт и доступен роботам совсем не так, как он был открыт и доступен человеку.

И то правда, они не нуждались в кислороде, воде и пище, в комфорте, подобном тому, каким привык окружать себя человек. И в отдыхе от трудов праведных они тоже не нуждались. Единственное, в чем они нуждались – это в электрической энергии. Для них это был универсальный продукт питания. И, кстати, единственный. Они создали аккумуляторы, в тысячу раз более емкие, чем в свое время создал человек, и научились черпать энергию из космоса. С такими аккумуляторами роботы могли автономно существовать и год, и два, и им ничего не стоило их подпитывать. Не было профессии, им недоступной. Одинаково легко и четко они собирали часы и микросхемы, бурили скважины, оперировали на головном мозгу и сердце, снимали кинофильмы, управляли самолетами, вели скрупулезные лабораторные исследования, издавали газеты, насыщая их информацией глубокой и аналитической. Производительность труда и качество того, что они делали, были несопоставимы с возможностями человека. Человеку стало нечем наполнять свою жизнь, превратившуюся в нескончаемый досуг. Досуг же ничего не стимулировал, и наступала деградация. По-другому и не могло быть.

Кирилл Васильевич проснулся и глубоко задумался. Вариант развития человеческого общества, ему явленный, был сродни головоломке. Беспросветный это был вариант, если говорить точнее. А только-только

начинало рассветать, и небо на востоке быстро розовело. Компьютеры и роботы опять задали ему задачу: сегодня они неограниченно повышали потенциал человека, а завтра взваливали на свои плечи все без исключения его заботы и хлопоты и, оставляя ему одни развлечения, неизбежно сводили его творческий потенциал к величине, несопоставимой с сегодняшней. Воображение пока не подсказывало ему ничего, хотя бы отдаленно похожего на выход из этого положения. Он, однако, увидел, что тема эта очень его заинтересовала. Заинтриговала прямо!

Глава 15

Кириллу Васильевичу позвонил Рашид Янбулатов и сказал, что Атаманчука не стало. Угас Юрий Валентинович в страданиях и муках, стоически угас, ни на кого из ближних свои страдания и муки не перекладывая, и вынос тела назначен на сегодня, на два часа дня. А сегодня был второй день весны, и погода не знала, повернуть ли ей к дождю или к солнышку ясному, и словно размышляла по этому поводу. Тяжким вздохом сопроводил Кирилл горькие слова Рашида. Рак был приговором, оспаривать который наша медицина пока не научилась. Судьба распорядилась, а это не переиначивается. Жена и дети остались у Атаманчука – Кирилл знал их в лицо, не близко. Соприкоснуться с ними по жизни ему не пришлось. В полдень он пошел к трамвайной остановке, купил цветы, сел на трамвай «девяточка» и поехал к своему прежнему месту жительства.

Народа у подъезда, в котором жил покойный, собралось много, Атаманчука уважали и на работе, и по месту проживания. Отдельной группой стояли музыканты с блестящими никелированными трубами. У музыкантов были одутловатые, испитые лица. Кирилл кивнул всем присутствующим, поднялся по лестнице, обнял супругу покойного, совершенно отрешенную, безликую, обнял дочь и сына, пребывавших в глубоком трансе, произнес слова соболезнования, тоскливо сознавая их уместность и, одновременно, полную бесполезность. Постоял у гроба. Юрий Валентинович лежал с закрытыми глазами, и лицо его нельзя было назвать отрешенным, умиротворенным, - несогласие с происшедшим еще не сошло с него. Поклонился покойному, его родным и близким, спустился вниз, подошел к Рашиду и Вите-Фитилю, поприветствовал их, встал рядышком.

Теперь можно было оглядеться. Очень много народу пришло с прежней работы Атаманчука, хотя метро в Ташкенте уже не строилось, и метростроевцы, кто помоложе, укатили в большие российские города. На глазах у двоих немолодых женщин блестели слезы. «Покойного, однако, любили!» - громко произнес кто-то за спиной Кирилла, и опять воцарилась тишина, нарушаемая разве что шорохом подошв, скользивших по асфальту. Кирилл на голос за спиной, что покойного любили, не обернулся.

- Он самого Королева возил, когда служил на Байконуре, - сказал Витя-Фитиль. – У Королева была любовница, лейтенант с узла связи, и он пылиночки с нее сдувал и никому из мужиков не позволял к ней приблизиться.

- Имел, значит, право не позволять, - сказал Рашид.

- А батя Атаманчука, финансист, после войны с Австрии контрибуцию собирал, сам Сталин его на это дело поставил, и Юра в школу в Вене пошел и по-немецки еще как тарабанил! - вспомнил Витя-Фитиль. – Юра потом гордился тем, что к батыным рукам в Австрии ничего не прилипло. Правда, на зарплату батя его не жаловался, генеральские погоны на нем были.

- Не помню, чтобы сам Атаманчук когда-нибудь на что-то жаловался, - сказал Кирилл Васильевич.

- Что-что, а плакаться в жилетку Юрий Валентинович не любил, - согласился Рашид. – Весь последний месяц он ходил со стиснутыми зубами, но ни одной жалобы я от него не услышал.

- Плохо, что он водочку за обезболивающее не считал, иначе ему легче было бы, - сказал Витя-Фитиль. – Прежде он ее не игнорировал, а тут по настоянию врачей начал игнорировать и, как я понимаю, только себе хуже сделал.

- Ладно тебе! Хуже, лучше – какое это теперь имеет значение? – заметил Рашид. – В метростроевской конторе он всей механикой заведовал, и у него был идеальный порядок.

- Как в его гараже? – спросил Кирилл. В гараже Юрия Валентиновича все всегда было вылизано и блестело, и каждой вещи было определено свое место. Кирилла Васильевича иногда даже обескураживала эта стиральная чистота.

- Именно как в его гараже.

- А чем дети его занимаются?

- Сашка – дальнобойщик, Юра ему «КамАЗ» новый купил. Он то в Россию, тот в Казахстан гоняет, с овощами и фруктами. А обратно когда муку везет, когда лесоматериалы. Слава Богу, дома был, когда отца не стало. А Галя в школе английский язык преподает. Других подробностей про них не знаю, - сказал Витя-Фитиль.

Народ зашевелился, и они поднялись наверх, помогли вынести тело. Грянула музыка, воздух содрогнулся. Тоска вселенская была в этой поминальной музыке. Гроб положили на две табуретки, рядом поставили венки. Приблизились, сплотились. Слово взял бывший начальник Атаманчука и отдал покойному должное. Сказал, что Атаманчуку было присуще полное соответствие его служебной должности, а это большая редкость. На таких людях белый свет держится, еще сказал он, - на их добросовестности и трудолюбии. И все согласно закивали. Теперь белому свету предстояло держаться на других людях. Потом выступили прораб и бригадир проходчиков,

оба узбеки. Душевым теплом веяло от их слов. Они благодарили Юрия Валентиновича за то, что очень много от него переняли. Вдруг бригадир сказал: «Русские, не уезжайте, нам без вас плохо будет!» Искренне это у него вырвалось, и Кирилл вздрогнул, так неожиданно было услышать это. И приятно, конечно.

И опять все согласно закивали. Кирилл Васильевич внимательно посмотрел на этого человека. Ему было лет тридцать пять, и на коренного ташкентца он не походил, наверное, корни его были в благодатной Ферганской долине. От имени соседей слово сказал Рашид. Он назвал Атаманчука местным центром притяжения. И он был прав, от Юрия Валентиновича действительно исходило сильное притяжение. И укорил себя Кирилл Васильевич за то, что в январе и феврале ни разу не навестил Атаманчука, не проведаль безнадежно больного. Черствость и равнодушие проявил. Но не черствость это была, а что-то другое: он не знал, о чем говорить с человеком, которому завтра предначертано уйти из жизни. Он не пошел к Атаманчуку потому, что не хотел произносить слов живых, сглаживающих ситуацию. Не подумал, что Атаманчук в таких словах не нуждался, только в сочувствии.

Еще раз грянула музыка. Щеки музыкантов вздувались в такт высоким нотам. Гроб подняли и перенесли в катафалк, провожающие заполнили два автобуса. Скорбная процессия взяла курс на Боткинское кладбище. Оно уже было закрыто лет сорок, и там только подхоранивали. Уже было заполнено и закрыто второе русское кладбище, Домрабадское, уже и его город обтек со всех сторон. Русских теперь хоронили на третьем кладбище, на холмах между Ташкентом и Алмалыком. Значит, Атаманчука положат в землю рядом с родителями, это не возбранялось. Город мертвых был тих и пристоеен, памятники тесно заполняли пространство между высокими деревьями. На голых деревьях восседали вороны, и ветви под ними пружинили. Широкая кладбищенская аллея упиралась в церковь. Колокол зазвонил, и женщины принялись дружно креститься, а мужчины крестились не так дружно и через одного. Мужчины сначала смотрели, как крестятся женщины, к какому плечу после лба сначала подносят пальцы, к левому или правому, и только потом крестились сами. Процесс отпевания уложился в десять минут. Далее гроб понесли на руках; до могилы было метров триста. Здесь слов уже никаких не говорили. Могильщики прикрыли гроб крышкой, застучали молотками, затем споро опустили его в черный зев могилы. Каждый бросил на гроб горсть сырой земли, и через минуту над могилой уже возвышался аккуратный холмик. Его пригладили лопатами, обложили венками и цветами. Музыканты поставили последний скорбный аккорд, и пространство вокруг могилы быстро обезлюдело.

Для поминок было снято кафе недалеко от дома, в котором проживал Атаманчук. Садись свой со своими, чтобы было с кем по-братски перемолвиться словом. Кирилл Васильевич опять оказался рядом с Рашидом и Витей-Фитилем. Наполнили стопочки – и опрокинули под соответствующее слово про вечную память. Что ж, они еще будут помнить Атаманчука, а потом его будут помнить только дети и внуки. А потом? Кирилл часто вспоминал бабушку и дедушку с материнской стороны, он рос под их присмотром, а вторых бабушку и дедушку, с отцовской стороны, почти не вспоминал, ведь он их не видел. Далее же в свою родословную он не углублялся и прадедов не вспоминал. Про них он знал только то, что они были, а более ничего. Сейчас ему было бы интересно узнать про них, какие они были, да обратиться с расспросами было не к кому. «Вот так и расплачиваемся за свою нелюбознательность, - подумал он. – Мы все очень близки к Ванькам-ваньям, не помнящим своего родства. Почему?»

Вторая стопка тоже пошла в охоточку. Закусывали блинчиками и супом с лапшой, а также огурчиками солеными, сыром и колбаской. И зашелестело, завитало за столом – теперь говорили про Атаманчука все и с удовольствием. И не про Атаманчука тоже говорили – жизнь продолжалась, и своих проблем у каждого накопилось вагон и маленькая тележка. После третьей стопки произошло настоящее раскрепощение, однако теперь имя Атаманчука упоминалось все реже и реже. «Пора и честь знать, - сказал друзьям Кирилл Васильевич, - а то, смотрю, кое-кого скоро на песни потянет». Они подошли к вдове, которая едва держалась на ногах, еще раз выразили ей свое соболезнование и пожелали крепиться, а она напомнила им про день девятый и день сороковой. Слез уже не было в ее глазах и в ней самой, все выплакала. До донышка выплакала она свои горькие слезы. И мрак один, одна беспросветность были впереди.

Рашид и Витя-Фитиль вышли с ним вместе, и Рашид сказал: «Ключ у меня есть от Юриного гаража, он оставил. Заглянем?» Причин не заглянуть в привычную обитель не было. Вечерами в ней было так приятно поговорить за жизнь, выслушать слова одобрения и сочувствия и самому произнести их. Отперли замок, потянули на себя железные ворота. Вошли. Стерильная чистота встретила их; на полочках каждая вещь, будь то гаечный ключ, флакон машинного масла или стопка журналов «За рулем», знала свое место. На торцевой стене висел большой портрет Юрия Валентиновича в траурной рамке. Фотограф, снимавший Юру, знал свое дело – Юра улыбался грудь нараспашку. Сели. В Юрином холодильнике стояла початая бутылка водки, им же оставленная. И баночка соленых огурцов стояла, тоже початая. Водочку и огурчики задействовали и оприходовали. Ощущение утраты не притуплялось. «Так-то, пацаны! Не знаю, что чувствуете вы, а у меня такое чувство, словно я осиротел» - подвел итог Рашид. Ему согласно кивнули, тяжесть утраты была очень велика.

На этом на проводах Юрия Валентиновича в последний путь была поставлена точка. В новый свой дом Кирилл Васильевич пошел пешком, от общественного транспорта отказался. Тихие улочки вывели его сначала к Тезикову базару, затем к улицам Железнодорожной и Сарыкульской. Он шел и думал, что жизнь есть сплошная череда рождений и смертей, и эта неукоснительность заложена в ней свыше. Любое живое существо, будь то

растение, бактерия, рыба-кит или человек, приходит в этот мир, растет-мужает, расправляет крылышки, оставляет потомство и уходит в мир иной. А если кто-то потомства не оставляет, не выполняет главной своей функции, определенной свыше, то это тупик и вырождение. Что ж, не занятое место под солнцем тут же заполняют другие. Значит, воспроизвести себя – главная заповедь всего сущего. Рождение и смерть, а в середине – единение мужского и женского начала, как залог продолжения жизни. Как праздник жизни. По крайней мере, так это единение воспринимает человек.

Человек разумный считает, что его век непозволительно короток. И правильно считает. Вот, Атаманчук мог еще пожить – на радость себе и многим. Сколько же людей уходит в небытие в расцвете сил и способностей, сделав и совершив какую-то толику от того, что могли бы сделать и совершить при благоприятных для них обстоятельствах! Продлить жизнь – мечта столь же давняя, сколько человек помнит себя. Жизнь продлевают праведность и скромность, но до определенного предела. Чтобы продлить жизнь как следует, в пять, в десять раз против сроков, запрограммированных свыше, необходимо внести изменения в генетическую программу человека. Надо отодвинуть старение клеток. Это давно уже проблема для десятков и сотен научных лабораторий. Ученые углубились в нее, призвали на помощь стволовые клетки и увидели, что не так все просто и впереди безбрежное море работы. Клетки упорно не желали стареть медленнее, чем было заложено в них изначально. Видимо, Создатель не желал вмешательства извне в свои святые каноны – и возвел против такого вмешательства трудно преодолимый заслон.

«Ну, а как я отношусь к собственному небытию?» – спросил себя Кирилл Васильевич и увидел, что спокойно относится, мысленно на этом моменте не заикливается и несколько по этому поводу не переживает. То есть, чувствует себя так, словно впереди у него вечность. Смерть никого не сопровождала по пятам и в обычной жизни никому о себе не напоминала, ведь она знала, что не промахнется с любого расстояния. Час пробьет, судьба даст команду, а смерть эту команду исполнит – только и всего. Однако не чувствовать, что ты смертен, было удивительно хорошо.

Глава 16

Мария не всю свою команду привела в дом Валентины и Кирилла, а только мужа Сергея Ивановича. Решила сначала произвести рекогносцировку. Хозяева приготовили сауну и дом к приходу гостей и встретили их доброй улыбкой. Сад благоухал, яблони и вишни были каждая как один большой бело-розовый цветок. И если мороз-воевода не пожалует в гости со своим дозором, что неоднократно повторялось в последние годы, вся эта благодать будет сохранена и станет урожаем очень даже осязаемым, весомым. Мария оказалась не просто женщиной эмоциональной, а очень эмоциональной, громко реагирующей на каждое внешнее воздействие со знаком «плюс» и на каждое внешнее воздействие со знаком «минус». «Хочу жить на земле!» - воскликнула она, пройдя по садику вдоль и поперек. Деревья в цвету ее очаровали. Сергей Иванович, ее муж, стал терпеливо объяснять, что пустой земельный участок в черте города сейчас стоит не меньше их квартиры, и на какие такие шиши они построят на нем дом? «Милый, так ведь хотеть не возбраняется! – сказала она. – Так что думай, думай в заданном направлении! А вы, пожалуйста, информируйте нас про соседей, которые отчалить собираются», - обратилась она к хозяевам. Вошли в сауну, и опять охам и ахам не было конца. Только и раздавалось: «Вот это да! И что, от одних дровишек становится так горячо? Прямо завидки берут!» Но, облачившись в купальничек и приняв в себя горячее тепло, Мария умолкла, скорее всего, перенесла свои восторги внутрь себя.

В сауну входили попеременно, женщина с женщиной и мужчина с мужчиной. Несколько вопросов задал Кирилл Васильевич Сергею Ивановичу, для углубления знакомства – о работе, о том, кому что светит в сегодняшнем Узбекистане. Работал Сергей Иванович в серьезной организации, оценивающей эффективность проектов, в которые государство и частные инвесторы намеревались вложить серьезные деньги. Но не анализом проектов он занимался, а ведал всей хозяйственной частью этой организации. Под его началом было десятка три водителей, уборщиц, сторожей, сантехник и электрик, и этому люду он постоянно втолковывал, как надо работать, чтобы сохранить за собой рабочее место. С теми, кто плохо его понимал и не старался, он вскоре расставался, а остальные, естественно, мотали на ус, что есть хорошо и что есть плохо, и демонстрировали радение (в его, конечно, присутствии). Уезжать в Россию он не хотел принципиально, хотя для большинства русских там было лучше во всех отношениях. Сказал по этому поводу, что его прадеды, один пехом и с винтовкой за спиной в составе армии генералов Черняева и Кауфмана, а второй – строитель железных дорог, а потом машинист, пожаловали в этот край не для того, чтобы их правнук бесславно отсюда ретировался. Русские столько сюда вложили! Вариаций на тему, сколько русские вложили в сей край, гася в нем средневековую тьму и приобщая его к современной цивилизации, было много, и скоро Кирилл Васильевич понял, что перед ним истовый патриот России. Это очень ему понравилось, и он зауважал Сергея Ивановича так же, как до этого зауважал Марию – за воспитание у своих швей чувства семьи единой.

- Пойми, спрос на профессионалов только растет, - втолковывал Сергей Иванович Кириллу, - и Ташкент тоже начинает платить профессионалам приличные деньги. Любая большая компания – ничто, нуль без палочки без знатоков своего дела. Думаешь, новые узбеки этого не понимают? Прекрасно понимают. Среди

русских очень много профессионалов, но русские разрознены, их почему-то устраивает это. Я бы очень хотел, чтобы русские, которые здесь остались, создали свою общину, сплотились, как давно уже сплотились евреи и армяне. У евреев и армян держаться друг за друга – в крови, от далеких предков, которые противопоставляли великим испытаниям свою сплоченность, а сегодняшние русские еще должны дожить до этого. Наше единство, как только оно будет достигнуто, не должно выставляться напоказ, но должно действовать, защищать интересы и каждого русского в отдельности, и России в целом.

- Я «за» целиком и полностью, - сказал Кирилл. – Говори, как это будет осуществляться практически, я – твой помощник.

В сауну вошли трижды, пропотели, словно час простояли на солнцепеке – и насытились ее благодатным теплом. В гостиной, когда рассаживались за стол, Мария вдруг вспомнила про подарки, раскрыла сумку и протянула Валентине бежевую батистовую блузку с обрамленным кружевами воротничком, в которую та отлично вписалась бы, если бы не начавший круглиться животик. «Так это на после, когда ты снова станешь статная и красивая», - сказала Мария. Валентина приложила блузку к груди, посмотрела на себя в зеркало, и начались охи и ахи со словами «Да зачем ты?» и «А чем я тебя отдарю?»

Сергей Иванович смотрел и улыбался, он давно привык к некоторым особенностям характера своей жены, один из которых она сейчас ярко продемонстрировала. Подарок был приготовлен и Кириллу Васильевичу – рубашечка-безрукавка, и Карине – коробка с красками, кисточки и альбом для рисования. Валентина только радостно вскидывала вверх руки, а потом разводила их.

Сели за стол; стараниями хозяев дома он радовал глаз разнообразием закусок. «Вина? Водочки?» - спросил Кирилл. Мария и Сергей Иванович привычно жаловали водочку, и та тотчас была налита в их рюмки. Кирилл наполнил бокал своим красным вином, Валентина ограничилась томатным соком.

- За предстоящее событие – за пополнение семьи! – провозгласила тост Мария. Словно источник яркого света был заключен в ней, так она светилась. Ее радость имела необычное свойство передаваться окружающим.

- За дорогих гостей, - дополнил тост Кирилл Васильевич.

- Нет, только за предстоящее событие! Гости могут и подождать! – воскликнула Мария. – Сережа, почему у нас только двое детей? Никогда не прощу себе этого! Так что рожайте, пока рождается! Хуже всего смотреть вслед ушедшему поезду и сознавать, что ты опоздал!

- Не будем совмещать праздник и обыденность! – подал голос Сергей Иванович.

Выпили, налегли на салаты, сыр и ветчину. Валентина придвинула гостям селедочку под шубой и грибки маринованные. «А говорим – плохо живем! – сказал Сергей Иванович. – Все жалуемся, все плачемся! В плохую жизнь такие столы не вписываются».

- Ваша большая контора сама себя кормит? – спросил Кирилл Сергея Ивановича.

- Вполне. И еще государству подкидывает в виде разных налоговых отчислений. Экспертиза дешевой не бывает.

- Все по справедливости делаете, или приходится потрафлять стороне, которая платит? – спросил Кирилл. Не простой он задал вопрос.

- Сам я не эксперт и не прямой исполнитель, чтобы досконально знать о таких вещах, сам я обслуживающий персонал, а такие вещи совсем не на виду, - сказал Сергей Иванович. – Но, полагаю, потрафляем, спина у начальства гибкая, а деньги всегда обозначали направление, в котором следует гнуться.

- Восток дело совсем не тонкое, - сказала Мария. – Если бы вы знали, скольким инстанциям я отстегиваю, вы бы на моем месте громко взвыли и давно закрылись. Налоговики приходят – дай, санэпидстанция – дай, хокимият - отстегни! И у каждого ротик широкий и руки загребушие. Потому и промышленность влежку лежит, кроме пары десятка больших предприятий, которые лично президент курирует. А мне интересно, как я при таком крепком ветре в лицо могу выстоять. Ничего, пока стою. Вот не знаю только, надолго ли силенок моих и сообразительности хватит. Неправедность всех нас низко к земле пригибает. Ведь сама я от своего предпринимательства мало чего имею. Было бы легче дышать – фабрику швейную давно уже открыла бы, да не одну. Мы все еще хлопковое волокно за рубеж гоним, а пора уже ткани и готовую одежду всему свету продавать. Китайцы так и поступают – и давно не жалуется, что их много и что им плохо живется.

- Да, порядочки у нас! – согласился Кирилл Васильевич. – Но, ведь, на всем постсоветском пространстве одно и то же! У времени первоначального накопления капитала свои критерии нравственности, согласно которым все хорошо, когда к себе гребешь, и все плохо, когда этого не получается. Скоро ли кончится этот беспредел, не знаю.

Сергей Иванович с ним не согласился, сказал, что положение в России и соседнем Казахстане много лучше, там начинающему предпринимателю меньше помех и есть где развернуться. Хотя и там, конечно, чиновники своего не упускают. Выпили по второй, воздух порозовел, стал похож на деревья в саду, и совсем хорошо стало жить на белом свете. Весной запахло не только за окном, но и в человеческих душах. Окно открыли, вдохнули полной грудью втекающий в него ароматный воздух, и очень захотелось, чтобы запели соловьи. Но до соловушек, наверное, это пожелание не дошло, или не поняли они его и не откликнулись. «Мария,

славная у вас бригада швей, сплоченная и благочинная, - сказал Кирилл Васильевич. – Вы ее по какому принципу складывали?»

- Мы сейчас у Валентины спросим, все ли у нас так хорошо, как вы расписываете, и всеми ли своими товарками она довольна, - сказала Мария и вопросительно посмотрела на свою визави.

- Ну, начать следует с хозяйки, и про нее я могу сказать только одно – что она у нас классная дамочка, то есть продвинутая и навороченная, - начала Валентина, пристально отслеживая впечатление, которые производили ее слова, сдобренные элементом легкого подтрунивания. – Богатые Буратинки приходят к ней на поклон и нам скучать не дают. Команда уже обкатана и сбоек не знает. Клава и Евгеша умеют и стараются, мне к их уровню еще шагать надо. Они постарше, к ним и прилипло побольше. Швы у них филигранные, они не миллиметр, а долю миллиметра ловят. Естественно, Маша им все самое классное поручает. И правильно, их можно не контролировать. Клава совсем не выпендренная, приветливая, а Евгешу иногда обхаживать приходится, по головке гладить, чтобы внимание обращала и на тех, кто ростком пониже. Лиза и Катя умением своим мне ровня, а по судьбе совсем разные. Им перепадают обычные задания, можно сказать, ширпотреб. Катка деваха благополучная, мужик у нее нормальный, домашний, и сыну шесть годиков, в школу должен пойти. Так что ей работать ничего не мешает, и самое время им еще деток пожелать. А Лиза вся нервная, неровная, выжата. Мужик ее бывший пил и кололся, потом вовсе из дома отвалил. Только до того, как отвалить, он уже и не мужик был вовсе, а так, недоразумение одно. И слава Богу, что отвалил, кому он такой нужен! Ну, кто-то приходит к ней, так это на одну ноченьку. Две девочки у нее, и смотреть за ними, кроме нее, некому. И она разрывается между детками и машинкой. Правда, старшенькая быстро становится ее помощницей. Пока что Лиза очень нуждается в общей нашей поддержке.

- Правильные слова, - согласилась Мария. – Теперь скажи про местные наши кадры. Какого ты о них мнения.

- Рустам и Зухра как бы особнячком стоят. Умеют и стараются, но взор их на себя обращен. Им важно, чтобы им больше заплатили. По поведению и по тому, что у них на уме, сразу видно, что это представители другого образа жизни, не нашего рода-племени. – Чувствовалось, что Валентина не для Марии все это говорит, которая про свой народ знала все-все, а для супруга и Сергея Ивановича. – Рустам и Зухра – муж и жена. Кажется, домашние им помогают, ведь то, что они приносят, слишком большая для двоих норма. Они все чехлы нам шьют, и для кресел и стульев, и для автомобилей. Минимум человека три там еще задействовано, но у нас они не светятся. И задумываюсь я, почему они не отпочкуются от нас, семейное предприятие не создадут?

- Чтобы с налоговиками и прочими пиявками дел не иметь, - подсказала Мария. – У нас с заказами порядок, а они если свое дело начнут, еще долго клиентов искать будут. Это в нашей работе самое-самое – клиента заполучить и к себе расположить!

Кирилл Васильевич предложил выпить, чтобы лучше обмозговать все эти вроде бы и простые, но и заковыристые, нюансами наполненные вещи. Выпили за талант Марии, стержень которого составляла собирательность. И Кирилл сказал: «А теперь поговорим о том, как Мария создает в своем трудовом коллективе чувство семьи единой. Для меня, например, это что-то новое, необычное. В тех конторах, с которыми я имел дело, этим и не пахло. Один за всех и все за одного – не в лозунговом, но в деловом исполнении, – как это получается? Но сначала – как сама мысль эта совсем не наша пришла вам в голову?»

- Валентина, муж твой у тебя кто, сантехник или аналитик? – спросил Сергей Иванович. – Если он вещи большие и маленькие под увеличительное стекло класть любит, чтобы лучше разглядеть, из чего они сделаны и как сделаны, давай, я его в нашу контору затребую, нам людей башковитых и глубоко копающих ой как не хватает!

- Ему приятнее не на виду быть, - сказала Валентина.

- Так это самое простое! Мне и то ничего не стоит его собой заслонить!

- Мне всегда про Японию читать было интересно, - призналась Мария. – Прежде эта страна не просто на отшибе была, а на краю света, в своем соку варилась, самодостаточностью своею гордилась и никого к себе не пускала. А потом увидела, что никого к себе не пускать – это себе плохо делать, и открыла двери Европе и Америке. Быстро переняла от них их технику, самурайские мечи дополнила винтовками и пушками. В прошлом веке высоко о себе возомнила и сначала Россию на лопатки положила, в Маньчжурии и в Желтом море, а потом на Штаты ротик разинула. Только американцев Пирл-Харбор не остановил, они поднапряглись и показали узкоглазикам, кто сильнее и чье слово больше значит. Потопили все их линкоры и авианосцы, а потом бомбы свои атомные над ними взорвали. И японцы решили больше не воевать, не испытывать судьбу штыком и пушкой. Мозгами покумекали и к выводам пришли, для всех весьма неожиданным. Только время эти выводы проверило и признало правильными. Оказалось, что чужие двери куда легче открываются с помощью денег и новых технологий, чем с помощью армии и военно-морского флота.

Они всосали в себя технологии со всего мира, освоили их и на их основе создали замечательный производственный потенциал, и сегодня их золотовалютные резервы наряду с китайскими крупнейшие в мире. Это почти при полном отсутствии полезных ископаемых: топливо, железную руду и цветные металлы к ним везут со всего мира. На то, чтобы догнать и перегнать, им понадобилось всего полвека. Естественно, им помогло

сосредоточиться на главном почти полное отсутствие военных затрат. Америка распростерла над ними свой военный зонт, и они согласны, чтобы так было и дальше. Им есть что инвестировать в другие страны. Кстати, они – главные инвесторы Узбекистана. Что, не знали? Так это наша пресса широко не афиширует. Производительность труда и, главное, качество продукции на их предприятиях повыше, чем в Штатах. А за счет чего повыше? Оборудование и там, и там самое современное! За счет того повыше, что японцы любят свои фирмы и, значит, больше для них стараются. Американцы работают, чтобы заработать, компания, их нанявшая, это работодатель, далеко не всегда любимый и уважаемый. А японцы, работая, выкладываются полностью. Меня это очень заинтересовало. Как их работодатели добиваются этого? А посредством вдумчивого и кропотливого воспитания чувства семьи единой. В их компаниях никто никого не подсиживает, ибо продвижение по службе там связано с трудовым стажем, и только. А если у кого-то способности ого-го, эти способности используются на все сто, но не посредством быстрого назначения на высокую должность, а иными путями – посредством, например, морального и материального поощрения. Это тонкая, но очень действенная система, и выработывалась она десятилетиями. Компания во всем подстраховывает своего работника, можно сказать, ведет его по жизни за ручку, а работник полностью выкладывается для своей компании.

- Вот почему лидерство от Америки и Европы переходит к Восточной Азии! – сказал Кирилл Васильевич. – Острые технического прогресса меняет место своего пребывания.

- Сейчас уместно говорить не об острие, а о треноге технического прогресса, - заметил Сергей Иванович, слушавший жену очень внимательно. – Одна нога треноги опирается на Штаты, вторая – на Европу, третья – на Японию, Корею, Китай и Тайвань. А про мусульманский мир и Африку можно сказать, что они пребывают в полной прострации. Они – давние потребители, но не создатели прогресса. Ведомые, но не впередсмотрящие. Последние вагоны в поезде, именуемом мировой цивилизацией. Третий класс! И там теснота, грязь и вонизм нестерпимый. Но это для нас – теснота, грязь и вонизм, а для них- норма, порядок.

Кирилл Васильевич согласился с этими доводами наклоном головы.

- Даже такие богатые мусульманские страны, как Саудовская Аравия, Ливия, Кувейт, Арабские Эмираты, не создали мощные научные и исследовательские центры, притягивающие ученых со всего мира, - сказал Сергей Иванович. – Зато террористов пестуют и поощряют. Чтобы выразить свое «фе» западному миру, который впереди и задается. Япония не задается, что она впереди, не выпендривается, а тихой сапой продвигается на следующую ступень. Она делает еще один шагок вверх, а большинство этого просто не замечает. А почему не замечает? Потому что фанфары молчат. Не в характере японца, чуть что, лезть на пьедестал.

- И что, Машенька, все твои подопечные прониклись чувством семьи единой, или через одного? – поинтересовался Сергей Иванович.

- Все – это было бы слишком необыкновенно! Так высоко мы не летаем. У Лизы проблема на проблеме, я за голову хватаюсь, столько у нее проблем. И Зухра с Рустамом внешне с нами, а по существу – сами с собой. Я не идеалистка, всех одной гребенкой не причесываю.

- И правильно делаешь! Индивидуальное начало в человеке всегда было выше коллективистского.

- Советское строительство коллективиста из русского человека не сделало, как ни пытались. А японцы соединяют оба начала в единое гармонично и без напора. Никаких декретов и постановлений, никакого администрирования, только практика, целеустремленная, но и очень деликатная, тактичная. И всем на удивление у них получается. Я пытаюсь вникнуть и понять, только и всего. И я не афиширую это, Боже упаси! Для всех наших мое предприятие полностью прозрачно, открыто для обозрения снизу вверх и сверху вниз. Разве что о конвертах, которые пивавки разные уносят, я не распространяюсь. На мне это полностью, и отвечать за эти подношения буду я одна. Но денежку в эти конверты отстегивает каждый мой работник. Это, как говорится, нашей жизни яркая примета.

Валентина курочку внесла, запеченную в духовке. Коричневая корочка покрывала эту курочку, и аромат от нее распространялся умопомрачительно приятный. Но, судя по общему взгляду, на курочку устремленную, лишнее это было. Однако налили еще по стопочке, кому водочки, кому вина, и курочка тоже разошлась по тарелкам. Зато чай цейлонский пили в охоточку. В садик перекочевали, на айван, под яблоневого цвет. Мария все говорила и говорила. Но, как понял Кирилл Васильевич, сколько-нибудь серьезно расширяться в ее планы не входило. Боялась она, что кто-нибудь из новеньких сильно потянет одеяло на себя, такое уже было и больно по ней ударяло. Того, что имела ее семья, было вполне достаточно для нормальной жизни, и она не собиралась посягать на красавца журавля, который гордо красовался в небе. Не ставила перед собой такой задачи. Недавний сон вдруг вспомнился Кириллу, перенесший его в эру роботов, в сотворенную ими цивилизацию, параллельную человеческой. Предвидение, ему явившееся, не нравилось ему все больше и больше.

- Уважаемые, а как вы относитесь к электронному разуму? – обратился он к гостям. Недоумение увидел он на их лицах – с чего бы это вопрос задан такой интересный? Вроде бы, этой темы они ни с какой стороны не касались, и жизнь тоже не выдвигала ее на первый план. Тогда он про свой сон рассказал, все подробности припомнил, и еще свои соображения на этот счет присовокупил. Перспектива, которую он нарисовал, мягко говоря, не воодушевляла. Слушали же его с предельным вниманием.

- Лично я нормально отношусь к электронному разуму, - сказал Сергей Иванович и потер ладонью ладонь. – На него мы чем дальше, тем больше опираемся. А что? Он не подводит и чаевых не просит. Сейчас все, что нужно запомнить, мы не в записных книжках, а в компьютерах храним. Считает и помнит компьютер не в пример лучше нас.

- Согласен, согласен. Уже сегодня компьютер для нас во многом высота недостижимая. Взять хотя бы Интернет, он любыми сведениями переполнен. И для многих уже он как дом родной. Пройдет еще какое-то время, и электронный разум затмит человеческий по всем позициям, а потом пожелает заменить его собой.

- А вот этого лучше не допускать.

- Каким образом, кто скажет? Прогресс не остановить, от умных компьютеров до умных роботов дистанция не так велика, как кажется некоторым. И люди рады будут на роботов всю малоприятную и монотонную работу переложить – за собой прибирать, стирать-гладить, гайки закручивать и так далее. Такой работы наберется процентов девяносто от общего ее количества. Или я не прав?

- Что роботы превзойдут человека, как работника, я не сомневаюсь, - подала свой голос Мария. – А к жизни, которая сплошной праздник, мы разве готовы? Нас этому не учили. Меня, например, затяжные праздники угнетать начинают, я без работы не могу. Как будто что-то у меня отняли, когда я без работы.

- И не ты одна такая! Как нашим внукам и правнукам быть, когда все за них роботы делать будут? Ведь самоутверждению человеческому конец наступит.

- Этого люди не допустят, - сказала Мария. – Я полагаю, будущие поколения все взвесят и творческую часть работы оставят за собой.

- Ой ли? Роботы, как ученые, проектировщики и конструкторы, тоже будут на высоте.

- Замнем, для ясности! – сказала Валентина. – Я думаю, что возможен такой союз между роботами и человеком, при котором роботы не заслонят человеку его будущего. Разум с разумом как-нибудь договорятся! Найдут общий язык!

- На это и остается уповать, - сказал Сергей Иванович. – По мне, так вот в этом саду все высокие яблоки, до которых человеку не дотянуться, пусть собирают роботы. И деревья пусть окапывают.

- Спасибо, утешил!

Еще попили чаю. Пирог с курагой принесла Валентина, ею испеченный. Пирог похвалили. Так налегли на него, что скоро от него осталась половинка. Прохладно стало под деревьями. «Ну, принимаем посошок и разбегаемся! Замечательный выдался день, лучший в этом году. Спасибо, дорогие!» - сказал Сергей Иванович. Выпили по последней, и пришли умиротворение и покой.

- Очень хотел бы, чтобы знакомство наше переросло в дружбу, - сказал Кирилл Васильевич Марии и Сергею Ивановичу, когда они прощались. – Не могу похвастать, что у нас много друзей, вакуум у нас по части друзей, а очень хотелось бы... Нам было о чем поговорить, к чему прикоснуться душой!

- Целиком с тобой согласен! – заверил его Сергей Иванович. Руку его отягощал пластиковый пакет с двумя баклажками вишневого вина, небольшим ответным знаком внимания Кирилла и Валентины.

- Хорошо у вас было, душевно, - сказала Мария. – Я как будто воспарила!

- Повторим, и чем быстрее, тем лучше! – сказала Валентина.

- Мы сами напросимся в гости! – пообещала Мария.

Глава 17

На письмо с предложением оформить развод Анна Кириллу Васильевичу не ответила, из Москвы ни разу не позвонила и о своем житье-бытье не оповестила. Дети, правда, звонили отцу – всегда в отсутствие матери, и с их осторожных слов он знал, что отчима они не жалуют и что у Анны не все с Емелькиным благополучно, и на работе тоже. В Москве оказалось не так уж мало своих умельцев рисовать красивые этикетки, Анну от хороших заказов постоянно оттирали. И вдруг все закрутилось со скоростью лавины, сорвавшейся с крутого горного склона. В конце июня Анна неожиданно заявила в Ташкент сама и деток привезла, Георгия и Ирину. Не сложилась, значит, ее совместная жизнь с прохиндеем и коллекционером юбок Геннадием Петровичем Емелькиным, по мордочке которого в свое время у Кирилла Васильевича очень чесались руки. Этого и следовало ожидать. Позвонила она из аэропорта: встречай, я снова твоя! Он вздрогнул, этого еще ему не хватало! Ее звонок был для него, как лезвие бритвы, приставленное к горлу. Он обмер, но взял себя в руки. Вот, значит, как все поворачивается! Превозмог себя, поехал – увидеть детей хотелось больше всего на свете. Встретил прибывших, детей обнял и поцеловал, на Анну посмотрел свысока и не приблизился к ней, кивнул только, и повез всех в свой пустующий полуподвал, где остались одни голые стены.

Дети были счастливы увидеть отца и наперебой рассказывали ему, что и как. За полгода они подросли, а сколько-нибудь заметных других следов московская жизнь на них не наложила. То, что в сентябре они снова пойдут в ташкентскую школу, им было очень по нраву. Анна тоже потянулась к нему с распростертыми объятиями, но он поморщился и брезгливо отстранился. Демонстративно так отстранился – как от человека

назойливого и очень ему неприятного. «Давай без телячьих нежностей, у нас с тобой все в прошлом, - сказал он, потупив взор. – Ты что, моего письма не получила?»

- Получила, но не придала значения.

- Придется придать. – В его голосе звенела непреклонность, прежде ему не присущая.

- Вот, значит, как! – воскликнула она. – А я рассчитывала... Ты что, всерьез на кого-то глаз положил, или кантуешься с кем попало, пока меня нет?

- С кем попало – это не для меня, это твоя стихия. Что, на круги своя пришлось возвратиться? Это уже без меня. Ты рассчитывала на Емелькина, ко мне на сто восемьдесят градусов повернулась. С него и спрашивай, почему у вас нормальной жизни не сложилось. А я про это даже знать ничего не желаю, - сказал он.

- И что мне теперь, вот с этими голыми стенами жить прикажешь? – спросила она.

- Нашу жизнь ты сама разрушила, сама под откос пустила, и она восстановлению не подлежит. Так что, дорогуша, перед тобой чистый лист бумаги, - жестко сказал он. Как итог подвел.

- Это мы еще посмотрим! Развода я тебе не дам, и не надейся. Двух деток оставить без отца никто тебе не позволит.

- Ты это себе уже позволила, с волей моей не посчиталась, и на этом мы поставили точку. Даже не в прошлом году, когда ты уехала, а много раньше. Так что прошу не возникать на ровном месте! Знать тебя не знаю и видеть тебя не желаю. Иди и дальше распутничай, с кем угодно. Детей, если они тебе помеха, я хоть сейчас заберу. К великой своей радости!

Она оторопела, - ее неотразимость не сработала, дала осечку. А она ой как рассчитывала на свою неотразимость. Глаза детей наполнились страданием. Он уехал, муторно было ему в ее присутствии и неудобно. Он очень хотел, чтобы это не коснулось Валентины, она сейчас более всего нуждалась в душевном равновесии и покое. Она, конечно, проявила живейший интерес к событию, имевшему к ней прямое отношение.

- Бесится баба, - сказал он. – Там у нее все поломалось, а в подробности я пока не посвящен. В свое время я втолковывал ей, что на пустышку она ставит, да не в коня был корм. А теперь и толковать не о чем – мыльный пузырь лопнул. Детей с великой радостью возьму к себе, а лично ей я давно уже ничего не должен. От продажи квартиры она получила две трети – деньги, приличные в любой стране. Как она своей долей распорядилась и что у нее осталось, это ее дело. Ничего ей не дам, даже на обратный билет в Россию.

- А я ей дам на обратный билет! – вкрадчиво сказала Валентина.

- Главное, у нее давно уже своя жизненная колея, а у нас с тобой – своя. У меня к ней все перегорело, она для меня давно уже пустое место.

- Она – мать твоих детей, и не надо, чтобы ее беды смешались на их головки.

- Я этого тоже не хочу.

Спал он плохо, а Валентина заснула быстро. Значит, не почувствовала в Анне соперницу. Значит, верит ему. Осознать это было приятно. А сон все равно не шел. Анна и сейчас была вызывающе красива, только Валентина ни в чем ей не уступала. Ни капельки не уступала ни в большом, ни в малом. А в самом главном превосходила невероятно, как гора Эверест превосходит какой-нибудь холмик маленький – она любила его и жила для него. Днем он поехал к детям, и Карину с собой взял. Повел всех на Комсомольское озеро, сначала на лодке покатал, потом на качелях и чертовом колесе, с которого были видны многие близлежащие городские кварталы. Потом они на пляж пошли, на горячий песочек у мелководья. Народу на пляже было не густо. Что ж, тем лучше. Понежиться, поплескаться в теплой воде детям было приятно.

- И чего вам в Москве житья не стало? – спросил он Георгия.

- Так дядю Гену назад потянуло, к бывшей своей жене. Мама с ним громко ссорилась из-за этого. Он все равно ушел. А у мамы после этого работы не стало, ведь дядя Гена прогнал ее от себя. Только у нее и до этого с работой мало что ладилось.

- И тогда она про меня вспомнила. Так, что ли?

- Так, папочка, так!

- А к дяде Гене ты с Ирочкой как относился?

- Мы к нему не успели привыкнуть. Чужой он был, чужим и остался, нас почти не замечал. Упрекал, что под ногами путаемся. Мы про тебя все время думали. Жалко, что ты маму не простишь и снова не полюбишь.

- Мне не жалко. Такое, сынок, не прощают. Она, конечно, может кое о чем пожалеть, но это ее дело. Пусть за ум возьмется и начинает с чистого листа, а мой лист заполнен. Вот тебя с Ирочкой я бы взял в свой новый дом с огромной радостью.

- Папа, там ведь чужая тетя!

- Нет, сын. Очень скоро ты забудешь про слово «чужая». Кариночка почему меня папой называет? Потому что я ей не чужой. И тетя Валя вам совсем не чужая! Вы это очень быстро почувствуете. Она любит меня, а я люблю ее. И вас она полюбит, у нее добрая душа. Ну, марш в воду! Ать-два, ать-два! И, пожалуйста, поучите Карину плавать!

Он смотрел, как они плещутся на мелководье. Потом присоединился, показал Карине, как распластываться на воде, что делать ножками и ручками, чтобы они сообщали телу движение вперед и чтобы в

ротик не попадала вода. Она все схватывала налету, и он еще раз подивился ее переимчивости и сообразительности. Очень скоро она стала барахтаться в воде вполне осмысленно, ей удавалось сделать пять или шесть гребков, прежде чем она опускала ножки вниз, чтобы убедиться, что под ней не глубоко. Наконец, дети утомонились, легли на песок, подставили солнцу худые свои спинки. У Георгия спина была особенно худая, каждое ребрышко выпирало, и каждый позвонок – он рос быстрее сестры. Тогда и Кирилл Васильевич вошел в воду, родную свою стихию.

Вода приняла его и обволокла теплом. Он сразу осознал себя в полной невесомости. Поплыл к другому берегу, до которого было метров двести. Там росли заматерелые плакучие ивы, их плотные кроны походили на зеленые шатры. Гребок руками, толчок ногами, погружение лица в воду с выдохом, обратное движение головой – со вдохом. И снова, и снова. И взгляд вперед, далеко ли еще до намеченной цели. Ай, хорошо, кто понимает! Не доплыв до противоположного берега метра два, он повернул обратно. Удивительно приятная была вода, теплая-теплая. Он подумал об Анне без раздражения. Не как о женщине и о жене своей бывшей подумал, а как о матери детей своих, которая мается в неустроенности и нуждается в его участии. Как мать его детей, она не чужая ему и не далекая. Вот, ведь, в чем дело. Он, конечно, поможет ей, о чем разговор! А поползновения с ее стороны как бы не заметит. Не обратит на них внимания, только и всего. Это решение успокоило его, он вышел на песочек, лег рядом с детьми. Они уже обсохли и весело щебетали, причем Жорик и Ирочка Карину не игнорировали. Это было доброе предзнаменование. Почувствовав избыток тепла, они снова вошли в воду, уже вчетвером. Устроили «брызгалку» - он плескал водой в детей, они отвечали ему тем же.

Потом он повел детей в кафе-мороженое. Они уплетали пломбир за обе щеки, а он смотрел на розовые их мордашки и благоговел. Потом они пошли домой, весело щебеча, и благодность была разлита в воздухе и в умиротворенных их душах. При виде Анны он напрягся. Она была готова для разговора. И на развод она была теперь согласна, о чем сразу его уведомила. Она была совсем другая, чем в день приезда. Разительно другая она была. Не на себе она была сосредоточена, а на тех, кто рядом. Увидеть в ней такие перемены Кирилл Васильевич не ожидал. Они оставили детей в квартире и пошли в парк, начинавшийся сразу за их домом. Сели на скамейку. От солнца их прикрывали могучие чинары с листвой упругой и темной. Стволы у чинар были в три обхвата, бескорые, гладкие, почти телесного цвета, и гладкость эта вызывала почтительное удивление.

- Рассказывай, - попросил он.

- Что ты хочешь услышать?

- Что было, и что у тебя на уме – в смысле намерений.

- Ошиблась я. В Геннадии Петровиче разочаровалась полностью. Когда сюда возвращалась, очень надеялась, что ты меня простишь, и снова ошиблась. Кругом одни ошибки непоправимые, горькие! Боже мой, какая же я дура!

- Ты погасла во мне еще до своего отъезда. Твоего поворота к этому пенкоснимателю я не понял и не простил. А ошибки – через них надо перешагивать. Умные люди говорят, что ошибки хороши только одним – они позволяют извлекать уроки.

- Умные люди предпочитают учиться и набираться опыта на чужих ошибках.

- И это верно. Теперь и я, и Емелькин – твоё прошлое, и все складывается так, что к прошлому нет возврата. Перед тобой снова чистый лист бумаги. Тебе тридцать четыре, и у тебя двое детей. А мужик в твоей сегодняшней жизни пока отсутствует. Думай, как это поправить. Сразу исключай из своего обихода тех, у кого на уме одноразовое пользование. Детей я могу к себе взять, и сделаю это с большой радостью. Валентина не будет против. Валентина на все готова, лишь бы в моем сердце были мир и покой. Детей я согласен взять на время или навсегда, как тебе будет угодно. Ты их мать, и в их присутствии о тебе никогда не будет произнесено плохого слова. Видеть их ты сможешь в любое время. Помогать нам не надо, о себе заботься. Подумай, как и что. Без детей тебе легче будет начать все сначала. Мы найдем средства, чтобы будущим летом тебя проведать. Ты хочешь здесь обосноваться?

- Нет, не здесь, тут исламский мир все в свои руки берет, а это не для меня. Вернусь я. В Химках, это самое начало Подмосковья, у меня однокомнатная хата в кирпичной пятиэтажке, прямо на Ленинградском шоссе. А трехкомнатная в Москве осталась за Емелькой. Машин на Ленинградке невпроворот, но это терпимо. Деньжата тоже пока имеются, на первое время хватит. Емелька, правда, много чего себе заграбастал, но я, как только разобралась, что к чему, сразу шлагбаум опустила. И свое я у него выпцарапаю, будь спокоен. Имею право! А дети... я сама попросить хотела, чтобы они у тебя побыли. Иначе какой я работник? А потом посмотрю.

- Детей тогда сама к нам приведи, чтобы все честь по чести. Так сказать, передача из рук в руки. Свое напутствие им оставь. Звони и пиши им почаще, для своего и их спокойствия. Ты красивая, и поклонников у тебя будет много. А дальше ты сама увидишь, что и как. Думаю, все у тебя образуется. Что у тебя с работой?

- Меня одна большая полиграфическая фирма пригласила. На этикетки. Не на главную роль, но условия поставила приличные. Я закреплюсь, а дальше будет видно. Я им еще себя покажу! Когда Емелька взбрыкнул и отдалился, я про тебя много думала. Увидела, что поторопилась, что кругом не права и виновата. Сама свое счастье перечеркнула и на помойку выбросила. Все померкло, тоска навалилась великая. Хочешь, на колени перед тобой встану? Прости!

Он увидел мольбу в горячих ее глазах – и непроизвольно увеличил расстояние между ними. Она все поняла, потупила взгляд.

- Значит, ты нашел то, что искал, - сказала она устало и отрешенно. – Ребеночка ожидаете?

- В начале августа. Не в ребеночке только дело, а в полном нашем соответствии. Ни сучка, ни задоринки нет между нами и не намечается. За полгода мы не сказали друг другу ни одного громкого слова. Никогда не предполагал, что такое возможно.

- Тогда что ж... Тогда действительно предо мной снова чистый лист бумаги. Твоя Валя – она моложе меня?

- На четыре года. Но, сама понимаешь, не молодость ее вскружила мне голову, а то, как она ко мне потянулась – сразу вся, безоглядно и насовсем.

- Безоглядно и насовсем... Как и я пятнадцать лет назад. Ладно. Говори адрес и как туда добраться и жди вечерком, деток примешь. Но не насовсем, не насовсем! А простимся сейчас давай. Не хочу больше беречь свое сердце. Желая счастья! С Жориком почаще будь вместе, ему мужского внимания ой как не хватает.

- И у тебя пусть все образуется.

Он встал и протянул руку, помогая встать Анне. Надо же – разобрались во всем без высоких тонов и громких эпитетов, превращающих упреки в разящие дубинки. Он и не ожидал, что расклад получится таким добрым. Теперь ему самому хотелось, чтобы Анна не маялась по белому свету неприкаянная и одна-одинешенька. Пусть и у нее все будет, как у него! Он проводил ее домой, потом быстрым взмахом руки остановил машину и поехал к себе. Он знал, что Валентина очень обрадуется тому, что услышит.

Глава 18

Первого августа Кирилл Васильевич отвез супругу в родильный дом, покантовался отрешенно, посеменял из угла в угол, а вечером узнал, что мальчик у него родился, что вес новорожденного 3800, и роды прошли нормально. От сердца отлегло холод ожидания, и притекло тепло. Мать и ребенок здоровы, а более на данный момент от судьбы не требовалось ничего. Это известие было, как волна счастья. Через четыре дня они будут дома. Мальчика они договорились назвать Иваном; сейчас этим именем русских детей называли не часто, в чести были Димы и Саши, Коли и Славики, Гоши и Миши, и еще Денисы. Дети новость восприняли как должное: гомона в домике было до потолка. Коляска уже ожидала малыша. Анна отбыла в Москву неделю назад, и было видно, что она много о чем передумала. То, в чем она винила себя, тяжким бременем лежало на ее сердце. Разбитое корыто было итогом хотя и промежуточным, но очень малоприятным, давящим. Кирилл с детьми проводил ее, и его напутствие было добрым. Ирина и Кариночка спали теперь в третьей комнате, прекрасно отделанной, а Георгий спал в столовой за ширмочкой, прежде закрывавшей кровать Карины. Но он часто игнорировал свой закуток и шел ночевать на айван, где ложился рядом с отцом; лето позволяло ему поступать таким образом. Ему очень хотелось казаться взрослее, чем он был на самом деле.

Приезд Валентины с младенцем был превращен в семейный праздник. Ванечка, если не был голоден и мокр, о себе почти не напоминал, сладко посапывал и глазки открывал, когда его брали на руки. Тишину уважал и сам не нарушал, а глазки его шустрые много вопросов пока не задавали. Притихли и старшие, громко не разговаривали и бурным напором, переходящим в крик, свои права не утверждали. Торжественно стало в доме, благочинно; прежде так не было. Вскоре, однако, внимание от малыша переключилось на собственные дела и заботы, и жизнь потекла своим чередом. Ирине понравилась швейная машинка, и она вызвалась помогать Валентине и во-всю перенимала, что и как. Она воспринимала работу, как игру, и радовалась ровному шву, как своей удаче. Лицо ее озарялось таким же светом, как когда учительница говорила ей: «Садись, Ирочка, пять!» Сначала она обшила всех своих и соседских кукол, почти не портача, потом себе платьице сотворила, под надзором Валентины, и обрадовалась, что сумела. Подаркам она так не радовалась, как этой своей удаче. И Валентина стала поручать ей простую работу – пошив чехлов для стульев и кресел, пошив рабочей одежды для строителей. За ней потянулась и Кариночка. «Кирюша, а у нас семейное предприятие вырисовывается! Патент брать можно!» - Валентина прокомментировала это событие с доброй улыбкой.

Кирилл Васильевич невольно переносился мыслью назад, в минувшие годы, когда место Валентины в его жизни занимала Анна. Не так светло вокруг него было тогда, это уж точно. Хотя временами все было чинно и вполне благополучно. Только тишь и гладь семейной жизни Анна нарушала взбрыкиваниями непредсказуемыми и, как Кириллу казалось, ничем не мотивированными. Не давал он ей повода для недовольства, а оно возникало буквально на ровном месте, буквально из ничего. Из ее нескончаемых «Я этого хочу!» возникали ее взбрыки, но они почему-то не исполнялись. Значит, в ней самой зрело несогласие с жизнью тихой и размеренной, ее исподволь тянуло к злым ветрам и крутым поворотам. Круговерть легко захватывала ее и влекла в неизвестность. И вот как далеко занесло ее от тихой родной гавани. В холодную погоду и непотребство ее занесло. А там она опомнилась и заново оценила то, что потеряла. Вознадеялась вернуться к тому, что было, - и застала на месте родного дома разбитое корыто. «Вот тебе укор, и вот наука», - подумал он. Но не зло подумал, а как о проблеме, в преодолении которой, возможно, понадобится и его помощь.

Валентина же, как он чувствовал, специально для него не старалась, не выстраивала свое поведение под него. У нее это получалось непродуманно, по велению интуитивному, сердцем подсказанному. Значит, слишком много черного отложилось в ней от тех лет, когда первый ее муж глотал беспробудно водяру и бормотуху и на игле сидел. И она хотела и старалась, чтобы ничего черного в ее жизнь больше не входило. Все правильно: кого-то природа награждает чертами однолюба и семьянина, кого-то – чертами коллекционера юбок или брюк. Последнее, однако, не на веки вечные и подлежит пересмотру, как в случае с Анной. Кириллу очень хотелось верить, что она выберет себе новый жизненный курс – и постарается озарить его светом праведности.

«Свет праведности!» - он сосредоточился на этом определении. Уж очень емкое оно было и слишком много в себя вбирало. Слишком много для каждого смертного, не привыкшего, чтобы перед его желаниями опускался шлагбаум. Анна и праведность, - соединимы ли эти понятия? Жизнь покажет, подумал он. Она уже повернулась лицом к праведности. Но ей предстояло много больше, чем простое обращение к праведности. Ей предстояло проникнуться праведностью и прикипеть к ней, сделать ее не просто составной частью своей души, а ее главной составной частью. Это была огромная работа для ума и для души.

- Тебе не тяжело с такой оравой управляться? – спросил он у Валентины. Она как раз кормила Ванечку грудью.

- Так я в охоточку! И у меня четверо помощников. Один Ваня нам еще не помощник. Но и то, как сказать. Он всех нас мобилизует на трудовое рвение. Так или не так?

- В корень зришь, мать. В самый корень!

- Ты еще неделку поночуй во дворе, а там ко мне переходи, уже можно будет.

Он обнял ее. И в который уже раз возблагодарил судьбу за то, что она подарила ему такую необыкновенную жену. Ибо если бы он вообразил себе идеальную женщину и поднял ее на пьедестал, она бы не превзошла Валентину, а в лучшем случае сравнялась с ней.

Вера вдруг явилась к ним, одна. Соскучилась по сестре и навестила в тихий предвечерний час! Помимо приязни к сестре (и к Кириллу тоже), ее еще и любопытство разбирало. Домик она осмотрела с пристрастием, и видно было, что он ей глянулся с разных ракурсов: бывшее убожество было изгнано навсегда и заменено комфортом, достойным всякого уважающего себя человека. Двор ухоженный затем обошла, сказала: «Чайку испить хочу на айване!» Сели по-узбекски на айване, ножки поджали под себя. Кирилл раскопегарил дровяной самоварчик, который нашел на чердаке, привел в порядок и отдраил до солнечного блеска – Валентина так и не вспомнила, чей он и как у нее оказался. Вера вдохнула дымок, выходящий над самоварной закопченной трубой, - он был такой домашний, - и похвалила сестру: «Хорошо-то как у вас! Наконец-то у тебя все ладком! Врзблагодарим судьбу!» И руки простерла к Валентине – обняла и расцеловала сердечно. Обе неожиданно прослезились – хозяйка дома от счастья откровенного, пришедшего к ней словно по велению свыше, а гостя – от чего-то своего, давнего и все еще обозначающего себя, не дающего покоя. Для всеобщего обозрения, однако, эти чувства предназначены не были. Чай пили долго, с песочным печеньем, принесенным Верой, с шоколадными конфетами «Мишка косолапый» фабрики Бабаева. Заваренный из самовара, цейлонский, чай казался вкусным необыкновенно. Разговор тек о делах житейских, особой конкретики в себе не содержал. Потом детей потянуло к телевизору, и они оставили айван. Ушла в дом и Валентина, под предлогом, что пора покормить Ванечку. Деликатно так оставила сестру и супруга одних – чтобы поведали друг другу что-то сокровенное, если оно у них сохранилось.

- Хорошо у вас, Кирюша! – еще раз сказала Вера и улыбнулась, но грустной получилась ее улыбка. Натянутой. Ибо сопоставление того, что она увидела в доме сестры, со своим, родимым, во многом было не в ее пользу, а признаваться в этом себе ой как не хотелось.

- Я и сам не ожидал, что обрету такое богатство! – признался Кирилл Васильевич.

- Теперь я вижу, что, выбрав Анатолия, больше потеряла, чем приобрела. Потерпеть-то оставалось всего четыре годика, пока ты институт не кончишь. Что ж, кто-то теряет, а кто-то находит.

- Но ты выбрала, и дело сделано. – Он удивился, что в нем ничего из давнего не всколыхнулось, не подняло голову. Ведь то, что он приобрел, было куда привлекательнее. Во всех отношениях привлекательнее.

- Да, сделано. Ты только не подумай, что я что-то из своего хочу порушить и заново начать – нет, нет и нет! Я просто сопоставляю свое и не свое.

- Анатолий – нормальный мужик, - сказал он, прекрасно зная, что эти его слова никак на нее не повлияют.

- Не возражаю! Но вокруг тебя и Валентины столько добра – меня просто оторопь берет! Скажи, откуда оно взялось? Ведь прежде его не было! И свет от вас так и струится!

- От любви это, - сказал он просто. – Любовь – всему голова. Я нашел то, что искал, и Валентина говорит то же самое про себя. Ты это увидела, значит, так оно и есть. И Анна, когда была здесь, увидела это, потускнела, а потом как-то вдруг преобразилась, себя превозмогла и оставила нас в покое. Даже на развод согласилась. А тебе еще раз персональное спасибо за то, что произошло на встрече однокашников. За то, что ты показала Валентине на меня.

- Так ей, пташке розовой, и показывать никого не надо было, она о тебе много раньше думать начала. Ни Алик Аталиев, Ни Юрий Сирота ее и близко не интересовали – только ты. Потому все у вас и свершилось в один момент. У меня, по сравнению с вами, все очень обыденно и даже серо. Давняя наезженная колея: вчера, сегодня, завтра – все одного неяркого цвета. Так и живу!

- Двое деток у вас. Родит третьего, еще не поздно. Сразу съедешь с наезженной колеи! Еще и омолодишь себя. Забот-хлопот, конечно, прибавится, зато какие это будут заботы!

- А что, это идея! Твоя мысль наложилась на мою такую же мысль. Спасибо, подсказал! А ты папой этого ребеночка стать не желаешь? – Она не смотрела на него, но вся напряглась в ожидании ответа.

- Это исключено. – Он вздрогнул, оторопел, но тотчас взял себя в руки. – Ты сама не захочешь клина между собой и сестрой.

- Ты правильный человек, и я опять убеждаюсь в этом. Ты очень правильный человек. Скажи, как тебе это удается?

- Никак. Это само собой получается, без какого-либо напряжения. Автомат, наверное, во мне задействован – с некоторых пор.

- Автомат праведности?

- Пусть так. Дело разве в названии? Дело в том, как он действует.

- Я очень рада, за Валентину и за тебя. Пошли в дом, тут становится прохладно. Да и не надо нам от всех отъединяться!

Он собрал посуду, освобождая айван для постели, и они прошли в дом. Телевизор громко вещал о событиях в России и в мире. «Валюша, проводи меня!» - попросила Вера сестру. Теперь она хотела пошептаться с ней. Кирилл Васильевич знал, что она скажет ей примерно то же самое, что сказала ему, за исключением отдельных нюансов. Он тепло с ней простился, попросил передать привет Анатолию – и остался с детьми. Валентина отсутствовала минут десять и, вернувшись в дом, ничего ему не сказала. Но улыбнулась светло и приятно, притягательно. Эта улыбка нравилась ему в Валентине больше всего.

Спать он пошел на айван, посчитал, что еще рано беспокоить жену своим присутствием. Визит Веры его взворошил, только никакой тяги к прошлому не проснулось. Стать отцом ее ребенка – нет, нет и нет! Как она могла предположить такое? У нее есть Анатолий – на все оставшиеся времена. Но, одновременно, в ее предположении он не увидел ничего неприятного. Тут было во что окунуться мыслью.

Этой же ночью сон ему приснился – на уже заданную тему. Дом он увидел на зеленом земельном участке, под могучими деревьями. Дом был в два этажа, с высокой крышей, покрытой серой плиткой из сланца, с экивоками, то есть разными архитектурными загогулинами и прибабасами, названия которым он не знал. Трубы широкие в двух местах возвышались над крышей, но не от печей угольных шли они, а от каминов. Двенадцать комнат было в этом доме, не считая просторной кухни, - и в двух самых больших, смежных и не жилых, налево от входа, были выставлены картины и старинная мебель красного дерева. Любимая его «Звездная ночь» Винсента Ван Гога висела перед ним, и танцовщицы в синем кисти Дега, и пламенная герцогиня Альба, увековеченная Франсиско Гойя. А межоконный проем на другой стене занимали «Девочка с персиками» Валентина Серова и «Березовая роща» Архипа Куинджи.

Смотреть на эти полотна можно было часами, ведь они были безукоризненными копиями, сделанными роботами с музейных подлинников. И он встал перед «Звездной ночью». Звезды не с друг другом, а с ним говорили на загадочном языке Вселенной. Сверхновые огненными своими сполохами задавали тон, а черные дыры демонстрировали неистовую свою ненасытность. На сколько лет сверхновые и черные дыры явили Ван Гогу свою суть раньше, чем астрономам? На полвека, на век? Недаром Ван Гога при жизни не понимали и не принимали, а он не хотел быть гордым одиночкой и горько страдал от непризнания. От «Звездной ночи» Кирилл перешел к молодой женщине, запечатленной Гойя. Лицо ее было таким, словно перед ней стоял любимый ее мужчина, и она очень его хотела. Она хотела его сильнее всего на свете. И все другие ее желания отступили перед этим и просто померкли, а это горело ярким пламенем. Факельным пламенем. Силой желания, феерией желания и было замечательно это гениальное полотно. Призыв к соитию был запечатлен феноменально ярко и, конечно же, должен был родить ответное мужское движение души, такое же неистовое.

«И это все мое!» - констатировал он. Так оно и было, в доме проживала его многоголосая семья. На троих деток у него было больше, чем сегодня. Столько он хотел иметь еще, и вот дождался. Он попытался разглядеть их лица, но они почему-то все время поворачивались к нему спиной. Пора было обедать, и в столовой всех ждал накрытый стол. Но не Валентина хлопотала у стола, тарелочки раскладывала подле каждого стула, ложки и вилки, а робот Джордж, не знающий усталости, сновал между кухней и столовой и обхаживал каждого едока. Валентина же сидела на почетном месте, словно гостя званная. Обед был, как в лучших ресторанах города, но особых восторгов не вызывал, ведь вчера и позавчера он был точно таким же. К яствам и кулинарным изыскам в его доме привыкли давно. «И чем я теперь занимаюсь?» - задал он себе вопрос. Оказывается, он работал по специальности – четыре дня в неделю, по шесть часов. В том же учреждении работал, в которое устроился после окончания института – проектировал гидравлические станции на горных реках Тянь-Шаня и Памира. Он был главным инженером проекта Даштиджумской ГЭС на реке Пяндж, уже не пограничной – теперь границ между

народами не было, как и заметной разницы в уровне их жизни. Бетонная плотина четырехсотметровой высоты должна была образовать гигантское водохранилище с гидроэлектростанцией, по мощности равной Братской ГЭС.

А что делала Валентина? Шила одежду на заказ, как и прежде. Но за машинкой уже не сидела, только принимала клиентов, выбирала вместе с ними модель и кроила. Остальное исполняли роботы (тот же Джордж в ночные часы). Человек делал исключительно то, что ему нравилось, а все остальное ложилось на плечи роботов. Таково было соглашение, заключенное между двумя цивилизациями. Тот, кто не хотел работать, мог не работать, но безделье не поощрялось, ведь именно труд возвысил человека над остальным миром. Везде, на всех пяти континентах люди жили в полном достатке, еды, одежды и развлечений с избытком хватало на всех и еще про запас оставалось, на всякий пожарный случай.

Теперь почти все поголовно занимались физической культурой и спортом, и стадионов и спортивных залов с плавательными бассейнами было не меньше, чем заводов, магазинов и офисов. Люди много путешествовали, и в сотнях новых городов, повторяющих сказочные городки Уолта Диснея, имелись точные копии Версаля, Лувра, Эрмитажа, Тадж Махала и других мировых архитектурных знаменитостей с точным воспроизведением их начинки, так что совсем не обязательно было поехать в Париж, чтобы увидеть Эйфелеву башню или собор парижской Богоматери. И, конечно, каждый мог в любое удобное для него время посмотреть на большом экране телевизора какой угодно фильм или спектакль, почитать любую книгу, ознакомиться с новейшей информацией, касающейся мировых событий, спорта или науки. Клубов по интересам тоже стало хоть отбавляй. Шахматы, бильярд, преферанс собирали огромное количество поклонников. И все эти заведения роботы поддерживали в порядке и на должном уровне. Не выпячивали себя, не мельтешили, но скрупулезно делали свое дело. Не афишировали, что большая часть производства и услуг – это их прерогатива. Чтили людей, как своих создателей, и согласовывали с человеком каждый свой следующий шаг на Земле и в космосе.

«Однако, это и есть выход! Симбиоз и его следствие – достаток высочайшего уровня!» - подумал Кирилл Васильевич. И сразу увидел рядом с собой других людей, которые отличались от него только одним – своей продвинутостью. В каждого из них был вживлен миниатюрный компьютер поменьше ноготка с огромной памятью, который напрямую соединялся со всеми сферами мозга и неограниченно расширял их умственные и профессиональные возможности. Они учили, лечили, конструировали, писали и рисовали не как гении, а еще лучше. Все им было по плечу. Правда, это же было по плечу и роботам, электронный мозг которых имел аналогичное устройство, а руки давно уже были куда проворнее человеческих. Он увидел это, и все ему стало ясно. Однажды отдав превосходство роботам, человек уже не мог возратить его. Роботам, а не человеку наказывалось свыше сотворить во Вселенной гармонию и согласие. Роботам, а не человеку Космос и Вселенная становились домом родным. А мавр, который сделал свое дело, мог позволить себе тихо удалиться. Самое страшное заключалось в том, что слово «удалиться» относилось не к какому-то конкретному человеку, именуемому Кириллом Васильевичем или как-то иначе, а ко всему человечеству в целом, к разномастному роду-племени численностью в шесть миллиардов особей.

Несогласие стало подогреваться в нем и крепнуть. Оно и разбудило его. Тишина и ночная прохлада обволакивали город. Где-то подала свой голос собачка и замолчала, никем не поддержанная. На сотни километров вокруг него, слава Богу, не было ни одного робота. А вот компьютеры, предвестники роботов, стояли почти в каждой квартире. И исподволь подсказывали человеку, что ему делать, как выстраивать свой день. Нет, его Георгию и Ирочке, Карине и Ивану роботы едва ли помешают проявить свою человеческую сущность. А их детям? А детям их детей? В завтрашнем мире их полномочия и будет все определять. Но голос в нем возник: «Нашел, во что вникать! Что, тебе больше всех надо? И разве тебе человечество делегировало свои полномочия, чтобы ты определил роботам границы дозволенного и не дозволенного? Не лезь впереди батьки в пекло завтрашнего дня! Вместе с роботами и опираясь на роботов, человечество пойдет очень далеко! К звездам оно пойдет, но не через тернии, а дорогой прямой и очень даже интересной!»

«Это роботы пойдут очень далеко!» – возразил другой голос, принадлежащий незримому оппоненту. Вкрадчивый это был голос, но и удивительно проникновенный, подкрепленный силой внутреннего убеждения в своей правоте. К нему нельзя было не прислушаться. Что ж, человек уже двести лет старается возложить на машины, на их железные мускулы, приводимые в действие паром, двигателем внутреннего сгорания или электричеством, как можно больше работы черновой и работы обычной, и к сегодняшнему дню очень в этом преуспел. И лошадка, как тягловая сила и средство передвижения, это давно уже день вчерашний. Ведь в каждую сегодняшнюю карету, то бишь в автомобиль, впряжено по сто, по двести лошадок, а в большие летающие птички, именуемые самолетами – по десять тысяч.

А технический прогресс только ускоряет свой шаг. И каждая вещь, необходимая человеку, продолжает совершенствоваться в десятках проектных институтов и конструкторских бюро. Так что через пятьдесят лет день сегодняшний будет выглядеть примерно так, как сегодня выглядит начало двадцатого века, когда диковинками смотрелись электрическая лампочка и телефон. Получалось, по его умозаключениям, что не так уж далеко то время, когда технический прогресс начнет воспроизводить и двигать вперед себя сам, без участия человека или при его чисто символическом участии, наблюдательном участии – как в том обществе, которое ему только что привиделось во сне.

В гараже Рашида Янбулатова было почти так же чинно и чисто, как в гараже покойного Атаманчука: и пол, выложенный мрамором и являвший собой идеальную горизонтальную плоскость, блестел-переливался, и полочки были одна к одной, вылизанные, как тарелки благородного фарфора у прекрасной хозяйки. Разве что угадывалось старание, стоящее за этой броской аккуратностью. А у Атаманчука старание не выпячивалось совершенно. Не благоприобретенное оно у него было, а часть его естества.

- Знаю, по какому поводу ты к нам пожаловал с полной сумочкой! – сказал Рашид Кириллу Васильевичу и выразительно посмотрел на Витю-Фитиля, который неторопливо мыл с мылом руки под краном и для этой процедуры согнулся в три погибели. Только коричневое машинное масло отмываться упорно не желало. – Сколько твоему младшенькому исполнилось? Три недели? Вот у кого все впереди! Вот кому нынешний президент Республики Узбекистан действительно не указ!

- Ты покажи пальцем на того из здесь присутствующих, кому президент Ислам Абдуганиевич Каримов указ, - попросил Кирилл Васильевич.

Рашид опешил и пальцем ни на кого не показал. Выглянул из гаража – не стоит ли поблизости кто-нибудь посторонний и не мотает на ус высказывания крамольные, для чужих ушей не предназначенные. Успокоился: все другие гаражные ворота были плотно прикрыты. Вернулся, вынес из далекого угла маленькие табуретки, вынес табуретку большую, под человека внушительной комплекции, накрыл ее салфеткой, - табуретке этой полагалось стать импровизированным столом, разместил на салфетке нехитрую снедь, сделал приглашающий жест – прошу садиться, господа-друзья-товарищи! Мужики сели, наполнили стаканы вишневым вином почти черного цвета, посмотрели друг на друга с приязнью – и вперед, ребята! За светлое будущее маленького человечика, который от материнской груди не отрывается и еще и не осознает себя человеком! Выпили, но только один Кирилл Васильевич не опрокинул в себя стакан залпом, а продлил удовольствие, посмаковал свое вино, растянул стакан на десять небольших глотков. Маленькому человечичу, за которого выпили, от этого, конечно, не стало ни лучше, ни хуже, а вот у присутствующих на душе поярчало.

- И как вы живете-можете в современном временном пространстве, господа друзья-товарищи-братья? – задал наводящий вопрос Кирилл Васильевич.

- Как, как! По инерции! Витенька замшелому старью гайки подкручивает и поршневые кольца меняет, этим и сыт, но на трезвую голову сыт, потому что на выпивон и опохмележ не хватает. Мне тоже на каждый день перепадает достаточно, а на сберкнижку что-то отнести и положить не получается. Слить я надумал, в город Казань, где корни предков. Дочери мои уже там, одна учится на третьем курсе, вторая университет кончила и работает. Чем им сюда возвращаться, лучше я к ним подамся. Да и не хотят они сюда, им там привычнее. У старшей работа нормальная и заработок ничего, потому что умница она, и диплом у нее с отличием. А у младшенькой все впереди.

- Сколько ей, которая умница? – поинтересовался Витя-Фитиль.

- Двадцать восемь.

- Замужем, поди?

- Нет ведь, черт побери! Все выбирает, все перед зеркалом себя оглаживает. Карьера, опять же, на первом месте. Не по мне это.

- Карьера пусть подождет. Не то, как поется в одной хорошей песне, поезд – ту-ту! – оставит дымок, в дальние скроется края, и личная жизнь не сложится. А без личной жизни женщине, хоть она Маргарет Тэтчер будет или Бриджит Бордо, счастья не видать. Так что ты наставь ее деликатно, что и как, - подсказал Кирилл Васильевич.

- Наставляю, да что-то не вижу прока от своих наставлений! – засмеялся Рашид.

- Ты, Рашидик, давно уже дедом должен быть! – сказал Витя-Фитиль и посмотрел на пустые стаканы с недоумением – почему в них снова не налито? Кирилл Васильевич наполнил стаканы и порекомендовал друзьям огурчики и помидорчики Валиной засолки, весьма симпатичные как внешне, так и изнутри, а еще сыр и ветчину с Алайского базара. Огурчики малосольные, твердые, щедро сдобренные кропчиком и пряностями, были хороши, и их хвалили больше, чем ветчину.

- И я ей то же самое в оба уха впиливаю: где внуки долгожданные? А она отвечает без стеснения, как и положено отвечать на вопрос со словом «где» - что в ее детородном органе пока пусто.

- И когда думаешь отчалить? – спросил Кирилл.

- Жена приедет через два месяца, тогда и решим все. Она в Америку на полгода укатила, у брата своего гостит. Няней работает, все дочерям подмога. Ей дали визу сразу, а мне во второй раз отказали. Рожа моя, значит, не глянулась тем, которые в консульстве. Нет, отчего такая несправедливость? Может быть, во мне действительно что-то наперекосяк и я на террориста, выкормыша Бен Ладена смахиваю? Да или нет?

Витя-Фитиль и Кирилл Васильевич внимательно оглядели Рашида, на предмет дать оценку его физии, но не увидели ничего такого, что не могло бы вписаться в американские порядки.

- Их консульство как хотит, так и воротит, там визу едва ли каждый пятый получает, - сказал Витя-Фитиль. – Для их консульства мы все людишки второго сорта. Они, наверное, боятся, что вы вдвоем туда сунетесь, а назад не вернетесь. Ладно, замнем для ясности. Ну, не уставать нам на всех фронтах! Многим бывшим корешам нашим на этом свете уже хорошо, и нам того же желаю.

Второй стакан тоже пошел в охоточку, и чувство пришло, что никто никуда не спешит и среди проблем, ожидающих своего решения, нет слишком уж твердых орешков. Раскованность появилась, раскрепощенность. Земной шар уменьшился и мог поместиться на ладони. Но каждая страна проступала отчетливо и просила не путать ее с другими странами, ее соседями. Это парение продлилось несколько минут, затем земные заботы заняли привычное свое место.

- Тебе что больше жратвы приносит, извоз или ремонт? – Рашид задал Вите-Фитилю вопрос очень прозаический.

- Как когда. Извоз хорош, когда повезет, а ремонт – это каждодневная суета сует, зато денежка притекает не скудно. Вот и сикось-накось получается. Опять же, смена впечатлений. Выехал, и весь мир пред тобой расступается. Иной разговорчивый мужик о чем только не поведает! А в яму вполз – так над тобой одно грязное днище. И не хотел бы, да нужда, сами понимаете, заставляет.

- Мне тоже извоз больше нравится, чем верстак. И город предо мной, как на ладони, и народишко весь на виду. Правда, на дорогах конкурентов хоть отбавляй.

- А мне в саду стало нравиться ковыряться. Копаю, сажаю, поливаю, собираю – и времени не замечаю, - сказал Кирилл Васильевич. – А на работе каждый час теперь считаю. Не перекуриваю и лясы не точу, все про то думаю, чтобы быстрее дело сделать да домой! Дома все меня радует.

- Так ты теперь по деткам самый из нас богатый. Ты по этой части как узбек! И хозяйка твоя словно с обложки иллюстрированного журнала сошла, название которому – «Образцовая семья», – сказал Витя-Фитиль. – Превняя краля твоя, которая здесь недавно кантовалась – она теперь что, птичка свободного полета?

- Правильно замечено: она теперь сама по себе. Суверенитет у нее, в точности как у нашей республики! Выбирай любую из четырех сторон света и причаливай! - сказал Кирилл Васильевич.

- Протянула ручку и ждет, кто больше положит?

- На этот счет я с ней разговор имел, долгий и доверительный. Как ей вести себя и по какому пути следовать. Пусть думает. Мне кажется, с протянутой ручкой на большой дороге и под красным фонарем стоять она не будет. Разные наметки есть у нее. Этикетки у нее получаются очень хорошие. Пусть старается!

- Лады, коли так. Есть мужики, которым как можно больше баб подавай, и им под стать есть женщины, которые мужиков приходящих считать устали, - заметил Витя-Фитиль. – Таких сколько ни воспитывай, с них все, как с гуся вода.

- Не в коня корм, одним словом! – согласился Рашид.- Я в Казань сначала на полгода поеду, оглянуться чтоб. И хату продавать не стану. Какие сейчас цены? Подожду, надо мной не каплет. Работенку присмотрю, чтобы радовала.

- Тебе, конечно, главное, чтобы у дочерей все было хорошо, - сказал Витя-Фитиль. – Тут родительский догляд вещь незаменимая. Ты вот что нам скажи! Ты который месяц уже один, а никого к себе не приводишь – как обходишься?

- Просто обхожусь. Нет желания, чтобы вместо жены кто-то был. А нет желания, нет и поползновений. Даже понуждать себя не приходится!

- Так ты у нас экспонат прямо! Пример для подражания.

Мужчины еще раз наполнили стаканы, и Кирилл Васильевич заменил опустевшую баклажку полной. Хорошо, оказывается, никуда не торопиться! Но, ведь, их уже не четверо, как прежде, а трое. Атаманчук непременно внес бы свою струю в их разговор, наложил исторический аспект на день сегодняшней. Рак, который губит направо и налево – неужели еще не родился человек, который положит эту бяку на обе лопатки?

- А ты со своей молодой порослью трогаться отсюда не собираешься? – спросил Кирилла Витя-Фитиль. Мысль эта и ему не давала покоя.

- Нет пока. Разве что Путин домик хороший пожалует и подъемные приличные. За мою многодетность.

- Ты бы тогда какую сторону в России выбрал?

- Где потеплее. Астрахань, например, или Воронеж. Чтобы чисто русский край был. С кавказцами рядом жить не хочу, особенно с чеченцами. Будь моя воля, я бы их желание жить отдельно от России давно удовлетворил: вот вам ваши горы, а у нас чтоб и духа вашего поганого не было!

- Почему – поганого? – поинтересовался Рашид.

- Если им в сегодняшней России плохо, то не знаю, где им будет хорошо.

- А что? Когда вы пожалуете в Россию, она прирастится сразу на шесть русаков, и каких! – сказал Витя-Фитиль. – Да Путин сам должен для вас написать лозунг «Добро пожаловать!»

- Зато Узбекистан пожмет плечами, и только. Для видимости пожмет плечами, без недоумения. Заводы-то наши никто раскочегаривать не собирается. А без заводов какое движение вперед? – сказал Рашид.

- Без России чахнут ее бывшие окраины, - согласился Кирилл Васильевич.
- Казахи не чахнут, и туркмены не чахнут. И азербайджанцы. У всех у них природные ресурсы рядом с Каспийским морем и на дне его – нефть и газ. Россия их нефть и газ через себя в Европу качает. А наш президентик свою страну в собственном соку варит, никуда не пристраивает. Ему давно уже в его протянутую руку не деньги, а только полезные советы кладут, - сказал Рашид.

- Да, тысяча и один полезный совет денежку не заменят. Муторно здесь становится, - согласился Витя-Фитиль. – Между нами, которые обслуживающий персонал, и новыми узбеками дистанция только увеличивается.

- Так выпьем за поумнение нашего президента! – сказал Кирилл Васильевич. – Чтобы с соседями лаяться перестал, нашел общий язык. А то что ни сосед, то дверь на замке, и собачка приставлена лаять и не пущать. Я вот в горы ближние любил ходить, по Чаткалу и Акбулаку. А сейчас не сунешься туда, Киргизия там.

- Не понимаю я его, - сказал Рашид. – Ему и речи такие пишут, что никакой конкретики. Одно «ля-ля», и вокруг «ля-ля» этих невразумительных вся свистопляска. И что мы имеем? Семнадцать лет независимости, а порадоваться нечему.

- Не скажи! В махалля видимо-невидимо терем-теремков поднялось, один краше другого, - заметил Кирилл Васильевич.

- А на какие деньги эти особнячки возведены? – задал вопрос Витя-Фитиль. – Это все отстегивания, все подношения. От меня убыло, от вас убыло, а там прибыло! И все вид делают, что так и должно быть.

- Во времена первоначального накопления капитала так и должно быть. Мораль молчит, а бал правят те, у кого лапки загребушие. Опять же, байские замашки у новоявленных денежных тузов как бы сами собой образуются, - сказал Рашид и погладил ладонью ладонь.

Мужики еще выпили, и начали их язычки слегка заплетаться. Путаться все стало, мировая политика и простые житейские вопросы. Споры погасли – обличай или не обличай тех, которые при деньгах и наверху, лучше после этого они не станут. Пора было искать повод для того, чтобы откланяться. «Ладно, мальчики, я пошел! – сказал Витя-Фитиль без всякого повода. – Честному народу спасибо за компанию!»

- И мне пора, - сказал Кирилл Васильевич. Тоска вдруг захлестнула его, а видимой причины для нее не было, и он подумал, что повторить эти посиделки захочет не скоро. Что-то от наезженной колеи в них присутствовало, от давно пройденного. Ну, что нового услышал он в этот вечер, что нового узнал? Почти ничего. Без Атаманчука не так сиделось в гараже, и разговор ускользал от наболевшего, размывался. Атаманчука ему очень сегодня не хватало.

Глава 20

Супружеская кровать снова соединила его и Валентину. Рядом в коляске посапывал Ванечка, но и голос теперь подавал, при нужде и без нужды, когда хотел ощутить на своем тельце материнскую или отцовскую ладонь. Кирилл часто опережал жену в движении к ребенку, но грудь ее заменить не мог – и уступал ей место у коляски. Вобрав в себя молочка, Ваня блаженно затихал. И тогда тихие теплые волны начинали возносить Кирилла высоко-высоко. Кириллу Васильевичу трудно было оценить это свое состояние, хотя волны, как качели, создавали отличный простор для обзора. Умиротворение заполняло его душу, и почти полностью отсутствовали новые желания.

- Тебя мне сам Бог послал, - сказала Валентина Кириллу в одну из таких ночей. – Сначала были испытания, а потом явился ты. И испытаниям пришел конец.

- То же самое я могу сказать про тебя, - прошептал он ей на ушко.

Он обнял ее крепко-крепко. Неразъединимы они были теперь и, как оба считали, на веки вечные. «А в вечер нашего знакомства ты выглядела бой-девахой, - вспомнил он вслух. – Ты наехала на меня, как танк! И что ты скажешь по этому поводу?»

- Я очень боялась тебя упустить. Ты запал в меня еще тогда, когда за Верой ухаживал. Это очень нехорошо, но я хотела, чтобы у тебя с Верой ничего не получилось. И когда она к своему Толику лицом и душой повернулась, я была счастлива. А Анну твою я сразу не одобрила. Потому что она считала тебя одной из своих вещей. Я ведь не раз к твоему домику подходила, чтобы получше ее разглядеть.

- Свою несовместимость с Анной я увидел гораздо позже, - признался он. – Когда она к Емельке лысому потянулась, а ко мне не просто охладела – замечать перестала. Ревность и настроила меня на критическое осмысление наших отношений.

- Скажи, если бы у тебя не было меня, ты бы простил Анну? Принял ее под свое крыло?

- Не знаю, - честно признался он.

- Пришла бы жалость и вынудила тебя простить.

- Не знаю, - повторил он.

- Ты жалостливый! Это хорошо, бездушные и равнодушные в близком человеке просто нетерпемы, невыносимы. Но жалость должна иметь свои пределы, не так ли? Весь мир не пожалеешь, к груди не прижмешь и по головке не погладишь.

- В наших отношениях нет места жалости, - сказал он. – Это потому что мы с тобой одного роста. Любовь и жалость – слова не из одной песни.

- Как когда, дорогой, как когда. Мы с тобой полночи не спим, а утречком я поднимаюсь свежая-свежая, как будто росой вымытая, - сказала она. – И руки у меня легкие-легкие, как крылья.

- А я от тебя сил на целый день набираюсь. Мне теперь все легко удается – и поломки разные как бы сами собой устраниваются, и с людьми общий язык нахожу куда быстрее. Главное, люди мне теперь говорят, что им со мною легко. Прежде они этого мне не говорили. И задумываюсь я: а что, разве прежде я был не подарок? Не помню я себя таким, чтобы был не подарок – с теми, кто рядом, всегда считался, себя выше их не ставил.

- Но и ниже их себя не ставил! – подсказала Валентина.

- Все-то ты про меня знаешь! Что ж, у меня и правда не было причин ставить себя ниже их.

- Еще бы! Ты теперь главная страна, которую я познаю. И еще дети. Знаешь, я уже не делю их на моих и твоих. Все четверо – мои!

- Заметил. Это потому что мы с тобой одно целое.

А ночь плыла и плыла, поддерживая общий фон благодного умиротворения. Сон приснился Кириллу Васильевичу. Он увидел себя в большом доме на зеленой лужайке, а окружали его Валентина, дети и внуки. Он еще подумал, тот ли это дом о двенадцати комнатах, что приснился ему в прошлый раз, и увидел, что тот, с копиями полотен лучших мастеров живописи. Взгляд его вновь задержался на «Звездной ночи» Ван Гога. В загадки Вселенной можно было погружаться бесконечно – она не торопилась отвечать на задаваемые ей вопросы. Земля и Солнце, светочь ее негасимый – какая малость в пучине Мироздания! И он сам лишь песчинка на планете Земля. Но ему совсем не трудно вообразить, что он что-то значит, и дать простор своей воле. Ведь в его воле сделать Землю и Солнце такой же песчинкой на нивах Вселенной, какой является он сам в рядах человечества.

Он прошел на кухню, и взору его сразу предстал робот Джордж, который поздоровался с ним и спросил, чего он хочет. Он сказал, что приготовить на обед ему и внукам, которые скоро придут из школы. Робот ответил «Слушаюсь», достал картошку, лук и морковь и принялся их чистить. А он поехал на работу. Его машину вел робот-автомат, бывший частью машины. На его работе роботы выполняли обязанности младшего обслуживающего персонала, и только. И так обстояло повсюду, люди нигде не отдали роботам бразды правления. Роботы были строго запрограммированы знать свое место и круг своих обязанностей, и они его не переступали. Им было запрещено воспроизводить себя, и они себя на заводских конвейерах не воспроизводили, это делали люди. Они помогали человеку там, где он хотел этого – и только. И Кирилл Васильевич порадовался, что люди не пошли дальше и не возложили на роботов все свои служебные обязанности. Но досуг свой люди расширили, и очень существенно. Всеобщий достаток позволял теперь человеку работать три – четыре дня в неделю, а остальное время проводить по своему усмотрению. Культура, спорт и туризм теперь играли в его жизни гораздо большую роль, и мероприятия одно интереснее другого сменяли друг друга, как в калейдоскопе.

Он увидел себя на футбольном поле – его класс сражался с классом «Б», но ребята, бывшие одноклассники, все были взрослые, не школьники, и у каждого второго выпячивался приличный животик. Это не мешало азарту достичь высокого накала. Кирилл отобрал мяч у самого Альберта Аталиева, рванул вперед, и мяч словно прилип к его бутсам – один, второй и третий защитники мяч у него не отобрали, а, обойденные, громко дышали ему в спину. Рывок к воротам, вратарь растерян, и мяч летит в ворота мимо него. И половина игроков, которые из класса «А», балдеет от восторга, а половина, которая из класса «Б», погружена в глубокий минор. «Кому проигрываем! – орет Альберт. – А ну, подтянулись! А ну, взялись! А ну...» И веселая карусель закручивается сначала. В конечном итоге, какая разница, кто возьмет верх? Главное, их тела пышут здоровьем, и им по плечу если не все из задуманного, то большая часть.

Он увидел себя на горной тропе, в окружении замшелых скал и березовых рощ. «Где это я, однако?» - спросил он себя, и тропа тотчас вознеслась и открыла ему для обозрения большое пространство. Река широкая текла по ущелью и пенилась на многочисленных порогах. Коксу, Угам и Ак-Булак были поуже. Значит, эта река была Чаткалом. Узнал он и место, в котором оказался. Это было сужение перед урочищем Найза, где макушки огромных тополей растворялись в небесной сини, а заматерелые орешины при сильных порывах ветра роняли орехи так часто, будто шел ореховый дождь. Впереди у него было много дней пути и заповедное озеро Сары-Челек, редкое по своим достоинствам. Как обычно, он шел один, и красоты природы ему одному открывали свои изыски. Робот Джордж не сопровождал его и не нес его рюкзак. Все тяготы похода лежали на нем, но и все красоты открывающейся горной страны становились только его достоянием. Он так захотел, так ему больше нравилось. У реки на зеленой полянке с раскрывшимися ромашками он снял с себя рюкзак. Это было подходящее место для ночевки. Четыре составленных вместе плоских валуна образовали очаг, две ходки в рощу – и у очага легла горка хвороста. Что приготовить на ужин, гречневую кашу или макароны с тушенкой? Он отдал предпочтение гречке, и огонек тотчас лизнул черное дно кастрюльки, которая вместе со спальным мешком и

парой нижнего белья была постоянной принадлежностью его рюкзака. Сел против очага и зачарованно посмотрел на огонь. Ладно. «Ходили мы походами...»

Он увидел себя в городе Петрограде, на речном трамвайчике, идущем по широкой Неве в близкий Петергоф. Ходко бежал трамвайчик – у него были подводные крылья. У руля в матросской форме стоял робот, а едой-питьем пассажиров обносил другой робот, в форме официанта. Третий робот рассказывал, на какие архитектурные достопримечательности следует обратить внимание. По желанию туристов он приводил подробности, которые память гида-человека едва бы вобрала в себя. Внимали ему, как оракулу. Туристов в Петергофе было великое множество. Золотой Самсон рвал дикому зверю пасть, и из нее вырывался фонтан. Все здесь было величаво, державно. А позолоту на могучем Самсоне обновлял робот, маленький и незаметный, – ритмично постукивал деревянным молоточком по листочкам сусального золота. Фонтан в это время, естественно, бездействовал.

Кирилл проснулся и понял, что общество, в которое он заглянул только что, ему понравилось – его внукам в нем будет вольготно. Роботы в нем не главенствовали и не делали человеку одолжения, оставляя и на его долю кое-какие незавершенные дела, совсем маленькие дела. Роботы громким голосом не обладали, знали свою нишу, а расширить ее или сузить было в воле человека. «Так ведь и будет!» – подумал он. И встал первый, чтобы приготовить большой семье простой, но сытный завтрак. Ему захотелось жареной картошки, и он знал, что против жареной картошки ни у кого не будет возражений. Ему было нисколько не зазорно подменять Валентину на кухне ли, при мойке полов или у гладильной доски. Правда, подмены такие были совсем не частыми: Георгий, Ирина и Кариночка домашней работы не сторонились и выполняли ее в охоточку, не морща свои носики.

Ни Валентину, ни старших детей в свое сообщество человеко-роботов он не вводил. Стеснялся? Боялся подтрунивания? Скорее всего. Георгий, юношески категоричный в оценках, мог сказать: «Папа у нас блажит!» И Валентина могла не разобраться, о чем речь, и не откликнуться. Это была только его путеводная нить, и он не передавал ее даже в самые близкие руки.

Глава 21

К Щели, самому красивому месту на реке Коксу, Кирилл Васильевич привел свой отряд в пять часов третьего дня пути. Если бы он шел один, как обычно, он бы достиг Щели еще вчера. Но он повел с собой детей и потому не торопился. Он ожидал, что их восторгам не будет конца. Их восторг, однако, был так велик, что громкими словами почти не сопровождался. Они тихо млели, обозревая красоты горной страны, неведомые им прежде. Он видел изумление на их лицах, и это была высшая форма благодарности. Даже Кариночка не боялась узкой тропы, которая прихотливо вилась по крутому склону правобережья. Правда, там, где действительно было опасно, Кирилл держал ее за руку или брал на руки. Осликов с дровами в сопровождении черноволосых смуглолицых таджиков они пропускали, прижимаясь к склону. Таково было его указание, и дети следовали ему неукоснительно. Они шли неспешно, с длинными привалами, и каждый мог посмотреть вверх или вниз, налево или направо столько, сколько хотел, – он никого не торопил.

Они остановились, не дойдя до Щели метров сто, под густой орешинной, на месте достаточно ровном, с готовым очагом. Справа шумела река, и было нагромождение скал такое, что скалы подпирали небо. Впрочем, слева все было то же самое, но один склон выделялся, являя собой почти вертикальную плоскость, гладкую, словно ее обтесали топором. Только кто мог это сделать? Думать о том, как это могло произойти, было интересно. «За дровами!» – скомандовал Кирилл, и все разбрелись в разные стороны в поисках хвороста. Вскоре раздалось: «Папа, здесь ежевика!» У реки, у самой воды ежевики были целые заросли. И, главное, ее здесь давно никто не собирал, и она успела не только поспеть, но и переспеть, подвялиться. Подвяленная лиловая ягода и была самая вкусная. Кирилл Васильевич разрешил детям попасть в свое удовольствие, только предупредил, что змеи тоже любят ежевику, и чтобы они были осторожны, не наступили на змею. Сама змея, сказал он, безвредна, но если на нее наступить...

- Папа, у меня в руках палочка, я отброшу змею палочкой! – заявила Карина.

- И допустишь ошибку, палочка может змею обидеть и разозлить. Ты позволь ей уползти самой!

Они и в самом деле вспугнули змею, но дружно отпрянули от нее и дали ей уползти. Ее темносерый цвет не понравился Кириллу. Не уж безобидный это был, а какая-то ядовитая особь. Зато полакомились вкусной ягодой от души, и пальцы и губы у всех стали лиловыми. Что ж, спустились к воде, умылись – и все дела. «А сейчас мы увидим Щель!» – объявил он торжественно и повел свой отряд к Щели. Они обогнули по тропе скальный выступ, перешли вброд ручей метровой ширины – и увидели, как река вытекает из скального разлома шириной не более двух метров. Скалу, преграждавшую воде путь, кто-то рассек надвое (подземный толчок, наверное), и река спокойно входила в этот аккуратный разлом и так же спокойно из него выходила, а потом уже набрасывалась на пороги, стоявшие на ее пути. В самой Щели глубина реки была много больше ее ширины.

Они постояли у Щели, выбирая разные ракурсы. Они очень хотели, чтобы Щель запечатлелась в их памяти навсегда. Было одно место, с которого Щель просматривалась насквозь. Вся и насквозь, до самого синего

неба! Над Щелью росла березка, совсем небольшая; лисчочки ее трепетали. И ветра не было, они его не ощущали, а листья на деревце трепетали. Интересно, за что березка зацепилась своими корешками?

- Мы придем сюда, когда будет темно и взойдет луна, - сказал Кирилл Васильевич. – Возможно, луна войдет в Щель, а мы этот момент подкараулим! А теперь бежим к очагу и готовим ужин!

- Папа, можно, я здесь выкупаюсь? – спросил Георгий.

- Только вместе со мной. А девочки пусть идут к очагу и зажигают огонь. Ира, ты за старшую! Прошу не торопиться!

Девочки дружно запротестовали, и пришлось объяснять им, что мужчины будут купаться без ничего, чтобы потом не сушить на себе трусы. Это они поняли и степенно удалились. А вода была холодная-холодная. Еще вчера она была снегом и льдом на каком-нибудь пике. Взмах руками, еще взмах – и Кирилл вплыл в Щель. Сумрачно в ней было и жутковато. В Щели вперед он не продвинулся, как ни старался – не мог преодолеть силы течения. Вода упорно толкала его назад, и он подчинился ее силе, а, главное, холоду, который она в себе заключала. Холодно было неимоверно. Георгий, конечно, последовал за ним. Холодная вода бесцеремонно вытолкнула их на берег. Они дружно запрыгали на прибрежной гальке, пытаясь согреться. Не согрелись, наскоро оделись и побежали к огоньку, к спасительному теплу костра. Теперь им было не просто хорошо. Петь хотелось, так им было хорошо. Пора было заняться ужином. Команда раздалась: «Чистим лук, чистим картошечку! А ты, Жора, беги за ежевикой, мы из нее компот замастырим! Вы когда-нибудь пили компот из ежевики? Нет? Сегодня попробуете. Вкус специфический! Пальчики облизывать будете! Добавку просить будете! А добавки не будет, кастрюлька-то невелика!»

Медленно гасли краски, вечер величественно вступал в свои права.

Расщелины и складки на скальных склонах как бы ступеньки вывалились, стирались, приобретая монотонный цвет сумерек. А сумерки сгущались, наливались чернотой. Поужинали с аппетитом. Попили компот из ежевики, опорожнили кастрюлю до дна, не напились и поставили воду для чая. Нарвали травы, постелили на ровном месте, а на траву положили спальные мешки, один к одному. Все мягче, чем на голой земле. Совсем стемнело. Звезды зажглись над ними яркие-яркие. Перед ними горел земной костер, маленький, но щедро одаривающий теплом, а над ними вспыхнули и запылали костры звездные, одаривающие теплом неизвестно кого. Возле каждой звезды мог быть сотворен свой особенный мир, согреваемый ее теплом и светом, и было очень интересно вообразить себе этот мир. Только в воображении чужие миры почему-то очень походили на земной. Сын спросил, почему в городе человек совсем не смотрит на звезды, а здесь они такие яркие, притягательные?

- Потому что здесь мы остро чувствуем свое единение с природой, а в городе – нет, - сказал Кирилл Васильевич. – А теперь мы снова идем к Щели. И внимательно смотрим на тропу. И держимся за руки, чтобы не оступиться! Вперед, и одна нога здесь, а другая – там!

Цепочкой они и подошли к Щели. На левом склоне уже лежал свет луны, с резко проведенной границей между светом и мраком, а самой спутницы Земли еще не было видно, ее скрывал могучий правый склон. Но близкое присутствие луны рядом со Щелью угадывалось по посветлению над хребтом в том месте, где плыла луна. Встали так, чтобы Щель просматривалась насквозь. Шаг вправо или шаг влево от этого места уже лишал человека такой возможности. Валун большой лежал здесь, и они вчетвером на нем обосновались. Вода в реке была такого же цвета, как и скалы, но белый гравий на берегу выделялся узкой контрастной полосой. Левый борт Щели стал светлеть – луна приближалась. Свет по склону тоже смещался к реке. И вот луна вошла в Щель своим краешком. Словно прожектор вспыхнул, такой яркой была луна на фоне общего мрака. «Ура!» - закричал Жора, и девочки тоже закричали: «Ура! Ура!». Незабываемая наступала минута.

- Смотрим тихо и радуемся про себя! - охладил их пыл отец. Сам он предельно напрягся, в груди его полыхало ликование: он подумал про это, он предвидел эту красоту. Уже треть луны вплыла в Щель, уже половина. Непередаваемое это было зрелище. По яркости луна в Щели была совсем как солнце. Еще мгновение, и луна вписалась в Щель целиком, причем один ее край касался правого борта Щели, второй – левого. Щель была как раз такой ширины, чтобы принять ее целиком! «Вот это да!» - не удержался Георгий. А луна уже начала уплывать из Щели. Уже только одна ее половинка смотрела на восторженных зрителей, потом – одна четверть, потом – самый краешек. И все, в Щели снова осталась одна ночь. Сказка кончилась.

- Все, занавес опустился! Идем к нашим спальным мешочкам! – сказал Кирилл Васильевич. – Благодарим мать-природу за полученное удовольствие и идем к своему огоньку! Аккуратненько идем, не торопимся, нигде не спотыкаемся!

У костра они посидели больше часа. Разговоров только и было про луну в Щели. Кирилл уже видел, что Георгий станет такой же частый ходок в горы, как и он сам. Что ж, ходить в горы не возбраняется ни в холостой, ни в семейной жизни, это не какие-то там походы налево с частой оглядкой проказника. А Ирина с Мариной? Их, скорее всего, поглотят свои женские заботы. Житейские заботы. И потом, заранее тут ничего не предскажешь. Дальше они не пойдут, завтра повернут обратно. Потому что через три дня будет первое сентября, и горн бодро просигналит: «Дети, в школу собирайтесь!» Все самое красивое на этом маршруте они увидели. Ну, не все, но самое главное – сужение перед Щелью и саму Щель, и диво дивное – прохождение луны через Щель. Бывалые

туристы на потолок полезут от этого рассказа – почему им не пришло в голову посмотреть, как через Щель проходит луна? А ведь не пришло, и это такой шелчок по самому кончику носа!

Кирилл Васильевич припомнил, как маршрут пойдет дальше. За Щелью будет уозьсть часа на полтора пути, с двумя нитяными водопадами на левом вертикальном откосе. Потом в Коксу впадет бурный приток, который туристы обычно переходят вброд. Потом тропа резко пойдет вверх, а уозьсть станет расширяться. И сверху будет видно то место, где реку совсем недавно перекрывала завальная плотина. Года три назад, когда паводок был очень сильный, река ее смыла, и озера за плотиной не стало. А плотину образовал оползень, который сошел в необыкновенно холодный и многоводный 1968 год. Сколько же лет просуществовало озеро? Почти сорок. Это говорит о том, что природообразующим процессам нет конца-края, что матушка-земля живой организм, развивающийся по своим законам и понятиям. Озеро было красивое, но очень холодное – он выскакивал из него, как пробка, после пяти – шести гребков. Больше не выдерживал. Далее ущелье еще расширялось, принимало формы долины, а в Коксу, опять же с правой стороны, впадал бурный приток Айрык. Чабанский домик стоял у Айрыка, и мостик был перекинут. И сразу же за притоком мостик был перекинут на левый берег Коксу.

Далее тропа зигзагами шла вверх, на перевал, к долине Чаткала. Шести часов обычно хватало, чтобы подняться наверх и спуститься к Чаткалу в месте, которое называлось урочище Найза. Наверху было бесподобно хорошо, ведь обзору открывалась добрая четверть Тянь-Шаня. По Чаткалу можно было вернуться в Бурчмуллу, а можно было подняться вверх, к самым его истокам, и посетить озеро Сары-Челек, обрамленное елями и вертикальными склонами. Красивее Сары-Челека на всем Тянь-Шане не было ничего. «Ну, ты и размечтался!» – сказал он себе. И дал команду: «Все, идем ночевать! Снимаем одежду дневную, надеваем одежду ночную, теплую, и лезем каждый в свой спальный мешок! Что-то кому-то непонятно? Все понятно? Тогда почему не спешаем? Бегом каждый в свой мешочек, и ротики на замочек!»

На будущий год они, конечно, повторят этот поход. Или, если появится такая возможность, пойдут по Акбулаку, до его истоков. Там тоже бездна красот, бездна укромных уголков, куда редко ступает нога человека. Только, чтобы пойти по Акбулаку, надо, чтобы Киргизия и Узбекистан отменили визовые режимы. А теперь – спать. Его рюкзак был все-таки в три раза тяжелее рюкзака Георгия. Жалко, что они не пошли в этот поход неделей раньше. Это он виноват. Тогда они пожили бы у Щели дня два, – просто так. Это тоже очень интересно – просто сидеть на берегу и смотреть, как течет вода, и как плывут облака по синему небу, и как горы каждый час другие – в зависимости от того, с какой стороны и как интенсивно их освещает солнце. Но тут он почувствовал, что скучает по Валентине. Всей семьей они смогут выбраться в горы лет через восемь – десять. Это срок большой или не очень? В их нынешней круговерти – совсем небольшой. Да он оглянуться не успеет, как Ванечка сравняется с ним ростом! «Не сравняется – перерастет!» – подумал он. Ему этого хотелось уже сейчас.

Он повернулся так, чтобы телу было удобно, сомкнул ресницы, и то, что приснилось ему на сей раз, к роботам и их цивилизации не имело никакого отношения. Не себя он увидел, а мальчика большеголового шести лет, сидевшего за полированным письменным столом и что-то быстро писавшего в объемистой тетради. Мальчик был совсем не похож на него, но это, конечно же, был он. А не похож на него мальчик был тем, что был напичкан самыми разными знаниями по подбородок. Не сам он приобрел эти знания, – они были даны ему свыше, как бы внушены. Они были прочно впечатаны в его мозг, емкий необыкновенно. Одних языков он знал тринадцать – китайский и арабский, японский и турецкий, английский и хинди, французский, немецкий и другие. И русский, в обязательном порядке. И знал их в таком совершенстве, что ни один китаец не мог сравниться с ним в знании китайского языка, араб – арабского, немец – немецкого.

Все увиденное и услышанное он запоминал неизгладимо, и любое знание память выдавала ему немедленно, по первому требованию. Он знал наизусть большие энциклопедии на всех языках, которыми владел, и много чего еще. Задача же была поставлена перед ним, достойная его знаний – он должен был описать Мироздание и Создателя, его голову. И так описать, чтобы каждый понял, о чем разговор, и возгордился тем, что он часть Мироздания и дитя Создателя. И он занимался этим второй год по восемь часов в день. Великая (и совсем не детская) эта работа близилась к завершению. Уже было готово более тысячи страниц убористого текста. Написанное он (точнее, его отец) частями отправлял в журнал «Новый мир», который печатал его трактровку Мироздания уже восьмой номер подряд. Успех был необыкновенный, его «Мироздание» тотчас переводилось на все языки мира и распространялось на всех континентах, исключая Антарктиду: пингвинов его «Мироздание» почему-то не заинтересовало.

Но он поставил всем, с кем вступал в контакт, одно условие – он должен был оставаться инкогнито. Прожектор славы не был нужен ему ни с какой стороны. Его способности сразу же были оценены комитетом, защищавшим сокровенные интересы России (а он был гражданин этой страны), который взял его под свою плотную опеку, надежно оградил от контактов с внешним миром. Так что для всех других, кроме своих родителей, он оставался обычным шестилетним мальчиком, перед которым скоро должны были распахнуться школьные двери. А родители, души не чаявшие в своем уникальном чаде, жили только его интересами. Его способности получили самый широкий выход в мир, а он остался в непроницаемой тени – при огромном

внимании средств массовой информации к его персоне. Какие только домыслы о нем не появлялись! Но все они обтекали его стороной, он ими нисколько не интересовался.

Прошло еще полгода, и он завершил свой труд, в последней части которого подробно обрисовал роль человека, как помощника Создателя, в грядущей гармонизации Мироздания. Труд этот научно-публицистический аналогов не имел и разошелся по миру, как бестселлер. Такое по силам было не одному, но группе гениев. Столь пристального внимания и столь громкой славы при жизни не удостоивался ни один человек, - ни Александр Македонский, ни Великий Тимур, ни Наполеон. А этот человек, точнее, человечик, спокойно ходил в первый класс обычной средней школы и старался ничем не выделяться среди сверстников.

Ну, пятерки получал за свои всегда правильные ответы, - так это в школе не такая уж редкость. Правда, его чуть ли не по пятам сопровождал дядя внушительного роста и крепкого телосложения – оберегал от всех возможных нападений. Разве что за парту рядом с ним не садился. В восемь лет он стал лауреатом Нобелевской премии, причем премия была присуждена ему единогласно. Естественно, на вручение премии он не явился, чтобы и дальше оставаться инкогнито, но благодарственное письмо и выступление написал, - все честь по чести. Главное дело его жизни было сделано, завет свыше исполнен, и дальше он мог жить по своему усмотрению. Дальше он мог жить, совсем как все.

Теперь он ходил в школу, чтобы быть, как все, и писал стихи, рассказы, повести и романы. И сам переводил свое «Мироздание» на те языки, которые знал, ибо лучше него это сделать не мог никто. Написанное им выделялось своей образностью и философской глубиной. Его влекли не приключения и детективы, а обычная жизнь, тем более многообразная, тем глубже в нее вглядываешься. Чего-чего, а глубины проникновения в самое обыденное бытие ему было не занимать. Это и выделяло им написанное. Стихи его быстро обрастали музыкой и становились песнями, а песни становились шлягерами, ибо касались самых сокровенных струн в человеческой душе. Но слава его почти не прирастала, ибо была задана главной вещью его жизни – «Мирозданием». Чем бы он теперь ни занимался, его способности не могли стать выше, чем были. Школа, однако, скоро стала тяготить его ничемностью того, что там с ним происходило, ведь то, чему там учили, он знал в объеме гораздо более полном. И он перестал посещать школу, а ходил только на ежегодные экзамены.

Могучая, но тайная сила его таланта его вполне удовлетворяла, как и тайная слава. Другой славы, прилюдной славы под светом прожекторов ему и близко не надо было. Пик, на котором он пребывал, был много выше Эвереста, но о его высоте знали только он и ближайшее его окружение, которое строжайшим образом блюло его тайну, каменной стеной отгораживало его от внешнего мира. В пятнадцать лет его приблизил к себе президент, сделал своим советником и переводчиком. Он согласился эпизодически работать с президентом, сопровождать его в поездках в Соединенные Штаты, Китай, в арабские страны. Советы он давал президенту не на каждый день, а долговременного плана, и Россия почти не спотыкалась в своем движении вперед. Впрочем, советы он давал всему человечеству, и цивилизации, соприкасаясь, уже не искрили, как прежде.

Женился он в двадцать лет, на девушке с лицом Валентины, только у его Валентины почему-то были узкие китайские глаза и широкие монгольские скулы. И домик он построил в дали несусветной, на берегу заповедного озера Сары-Челек. Там ему писалось лучше, чем где-либо в другом месте. В случае нужды вертолет и самолет доставляли его в Москву за несколько часов. Зато одиночество и инкогнито ему были гарантированы. Об одном он жалел постоянно – об отсутствии друзей. Дружба подразумевала примерное равенство интеллектов, его же интеллект внушительно возвышался над всеми прочими. Дети родились у него, уже не гении. А количество томов в собрании сочинений перевалило за сто и продолжало расти. Желания остановиться, перестать писать у него не возникало никогда.

«И что дальше?» - задал он себе вопрос, но ответа на него не последовало по прозаически простой причине – он проснулся.

Брезжил рассвет, и пора было будить свою бравую команду, готовить завтрак, закругляться и собираться в обратный путь. Он успел очень соскучиться по супруге, и так же сильно дети скучали по матери. Сон, конечно, запомнился ему, но он не знал, радоваться ему такому сну или огорчаться. Ведь увиденное во сне не могло исполниться ни при какой погоде.

Конец
2009 год

Отредактировано в 2011 году